

ISSN 1817-9568

DISCOURSE-P
Дискурс*Пи
Научный журнал

PHILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILIOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

№ 2 (31) 2018

IP&L INSTITUTE of
PHILOSOPHY & LAW

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL DEPARTMENT • 1988

**Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук**

DISCOURSE-P
ДИСКУРС*ПИ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
DISCOURSE-P
Дискурс*Пи
Екатеринбург – 2018

**«ДИСКУРС-ПИ»
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
№ 2 (31) 2018
Ноябрь 2018**

Выходит четыре раза в год

Учредитель:

Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук

Издатель:

Издательский Дом «Дискурс-Пи»
620075, г. Екатеринбург,
ул. Малышева, 76, кв. 8
Тел.: +7 902 870-86-06
e-mail: info@discourse-p.ru
http://www.discourse-p.ru

Свидетельство о регистрации:

ПИ № ФС77-54425 от 10.06.2013 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Подписано в печать 02.11.2018 г.

Формат 70x100^{1/16}
Усл. печ. л. 17,06
Тираж 300 экз.
Заказ № 100693

Отпечатано в типографии «Артикул»

620062, г. Екатеринбург,
ул. Первомайская, 77Ж
Тел: 8 (800) 333-61-20
http://www.artikul.ru

Рукописи рецензируются

Требования к рукописям научных статей,
представляемых для публикации
в научном журнале «Дискурс-Пи»,
размещены в конце выпуска

**Материалы направляйте
в редакцию по адресу:**

620990, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, 16,
Институт философии и права УрО РАН
Телефон: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru,
dipi@nm.ru

**Все выпуски журнала
размещаются на сайте
www.madipi.ru**

**При перепечатке ссылки на журнал
обязательны**

**Редакция рекомендует авторам
придерживаться стилистики
научного дискурса**

ДИСКУРС-ПИ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В.Н. Руденко – член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

ГЛАВНЫЙ ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

О.Ф. Русакова – доктор политических наук, профессор (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Е.Г. Дьякова – доктор политических наук (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия); **С.Г. Зырянов** – доктор политических наук (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Челябинский филиал, Челябинск, Россия); **Е.А. Кожемякин** – доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия); **В.О. Лобовиков** – доктор философских наук, профессор (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия); **В.С. Мартыянов** – кандидат политических наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия); **С.В. Мошкин** – доктор политических наук, профессор (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия); **К.С. Романова** – кандидат философских наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия); **В.М. Русаков** – доктор философских наук, профессор (УрФУ, Екатеринбург, Россия); **Е.М. Олову** – зав. научной библиотекой Института философии и права УрО РАН (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия); **А.Д. Трахтенберг** – кандидат политических наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия); **И.Б. Фан** – доктор политических наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия); **Л.Г. Фишман** – доктор политических наук (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

М.В. Ильин – доктор политических наук, профессор (Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия); **А.Д. Королёв** – главный ученый секретарь Российского философского Общества, кандидат философских наук (Москва, Россия); **М.А. Малышев** – профессор Автономного университета штата Мехико (Толука, Мексика); **О.Ю. Малинова** – доктор философских наук, профессор (Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия); **Л.Н. Синельникова** – доктор филологических наук, профессор (Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал), Ялта, Россия); **Е.А. Степанова** – доктор философских наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия); **Л.Н. Тимофеева** – доктор политических наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия); **А.Н. Чумаков** – первый вице-президент Российского философского Общества, доктор философских наук, профессор (Москва, Россия); **О.К. Шевченко** – кандидат философских наук, доцент (Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал), Ялта, Россия); **Пономарёва Е.Г.** – доктор политических наук, профессор (МГИМО МИД России); **Попова О.В.**, доктор политических наук (Санкт-Петербургский гос. университет)

СЕКРЕТАРИАТ

Е.Г. Грибовод – ответственный секретарь, лаборант-исследователь Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия); **Д.М. Ковба** – секретарь-координатор, младший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия)

06.06.2017 Научный журнал «Дискурс-Пи» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (группы научных специальностей: 23.00.00 Политология, 09.00.00 Философские науки)

Журнал индексируется в базе данных системы Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в базу данных «КиберЛенинка»

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» 71227

№ 2 (31)

К 30-летию Института философии и права УрО РАН

О.Ф. Русакова

Уральская школа политической дискурсологии:
новейшие исследовательские направления
и академические практики10

О.Ф. Русакова, Е.Г. Грибовод

Персональный вклад уральских ученых в изучение политических дискурсов:
структурно-тематический обзор30

Тропы метода

Д.А. Давыдов

Есть ли смысл в концепте посткапитализма? 114

Е.Г. Грибовод, Д.М. Ковба, Я.Ю. Моисеенко

Национальная политика памяти в современной России:
основные тенденции и инструменты 123

Н.Н. Ниязбаева

Экзистенциальная антропология как антропология образования 133

Парадигмы и процессы

В.Н. Руденко

Стратегия коммуникативного дискурса
в конституционно-правовой защите прав человека 140

Л.Г. Фишман

О перспективах леворадикального популизма в России 149

С.В. Мошкин

«Косовский прецедент» в дискурсе заявлений российского руководства 159

К.В. Корсаков

Применение альтернативных лишению свободы средств исправления
преступников как составляющая процесса гуманизации
уголовно-исполнительной практики 169

Г.А. Юнгус

Медиабельность конфликтов: социально-философский анализ 177

А.Э. Якубовский

Русская литература за рубежом как ресурс «мягкой силы» 186

Рецензии и рефераты

О.Ф. Русакова, В.М. Русаков

Современные политические процессы:
инвентаризация методологического инструментария 192

Современная логика и интеллектуальные технологии

В.О. Лобовиков

Модели для формальной аксиоматической теории знания Ξ 196

Памяти К. Н. Любутина

..... 206

**«DISCOURSE-P»
SCIENTIFIC JOURNAL
№ 2 (31) 2018
November 2018**

Published four times a year

Founded by

The Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences

Published by

Publishing House «Discourse-P»
Malysheva Street, 76, apartment 8
Ekaterinburg, 620075, Russia
Phone: +7 (902) 870-86-06
E-mail: info@discourse-p.ru
<http://www.discourse-p.ru>

Mass Media Certificate of Registration:

PI № FS77-54425 from June 10, 2013
given by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media

Passed for printing on November 2, 2018

Format 70x100¹/₁₆
Reference sheet area 17,06
Issues – 300
Order № 100693

Printed by Typography «Artikul»

ul. Pervomajskaya 77 Zh
Ekaterinburg, 620062, Russia
Phone: 8 (800) 333-61-20
<http://www.artikul.ru>

Manuscripts are reviewed

The requirements for scientific articles
to be published in the «Discourse-P» scientific journal,
are located at the end of the issue

Mailing address of Editorial Office:

Scientific Journal «Discourse-P»
Institute of Philosophy and Law
ul. S. Kovalevskoy 16
Ekaterinburg, 620990, Russia
Phone: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru;
dipi@nm.ru

**All issues of the journal
are available on the website**
www.madipi.ru

**At a reprint the references to the journal
are obligatory**

**Editorial recommends authors
to adhere to the style
of scientific discourse**

DISCOURSE-P
ДИСКУРС

EDITOR-IN-CHIEF

V.N. Rudenko – Corresponding Member of RAS, Doctor of Law, Professor (Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

ISSUE CHIEF EDITOR

O.F. Rusakova – Doctor of Political Sciences, Professor (Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

EDITORIAL BOARD

E.G. Dyakova – Doctor of Political Sciences (Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **S.G. Zyryanov** – Doctor of Political Sciences (Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, Chelyabinsk branch, Chelyabinsk, Russia); **E.A. Kozhemyakin** – Doctor of Philosophy, Professor (Belgorod State University, Belgorod, Russia); **V.O. Lobovikov** – Doctor of Philosophy, Professor (Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **V.S. Martianov** – Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **S.V. Moshkin** – Doctor of Political Sciences, Professor (Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **K.S. Romanova** – PhD, Associate Professor (Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **V.M. Rusakov** – Doctor of Philosophy, Professor (UrFU, Ekaterinburg, Russia); **E.M. Olovu** – Head of Scientific Library (Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **A.D. Trachtenberg** – Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **I.B. Fan** – Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **L.G. Fishman** – Doctor of Political Sciences (Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

M.V. Ilyin – Doctor of Political Sciences, Professor (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia); **A.D. Korolyov** – Chief Scientific Secretary of the Russian Philosophical Society, PhD (Moscow, Russia); **Mikhail Malyshev** – Professor of the Autonomous University of Mexico (Toluca, Mexico); **O.Y. Malinova** – Doctor of Philosophy, Professor (Institute of Scientific Information on Social Sciences, Moscow, Russia); **L.N. Sinelnikova** – Doctor of Philology, professor (V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Humanities and Education Science Academy (Branch), Yalta, Russia); **E.A. Stepanova** – Doctor of Philosophy, Assistant Professor (Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **L.N. Timofeyeva** – Doctor of Political Sciences, Professor (Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia); **A.N. Chumakov** – the First vice-president of the Russian Philosophical Society, Doctor of Philosophy, Professor (Moscow, Russia); **O.K. Shevchenko** – PhD, Associate Professor (V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Humanities and Education Science Academy (Branch), Yalta, Russia); **Ponomarjova E.G.** – Doctor of Political Sciences, Professor (MGIMO, Moscow, Russia); **Popova O.V.**, Doctor of Political Sciences (St Petersburg University)

SECRETARY

E.G. Gribovod – Executive Secretary, assistant researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia); **D.M. Kovba** – Secretary Coordinator, Junior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia)

June 6, 2017 the Scientific Journal «Discourse-P» is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications, where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following groups of scientific specialties: 23.00.00 Political science, 09.00.00 Philosophical Sciences

**The journal is abstracted/indexed
in the Russian Science Citation Index (RSCI)**

The journal is included into the «CyberLeninka» database

Subscription index in the United Catalog «Russian Press» 71227

2 (31)

To the 30th Anniversary of the Institute of Philosophy and Law

O.F. Rusakova

Ural School of Political Discourse Studies:
Newest Research Areas and Academic Practices.....10

O.F. Rusakova, E.G. Gribovod

Personal Contribution of Ural Scientists to the Study of Political Discourses:
A Structural and Thematic Review.....30

Tropes of Method

D.A. Davydov

Does the Concept of Post-Capitalism Make Sense? 114

E.G. Gribovod, D.M. Kovba, Y.Y. Moiseenko

National Politics of Memory in Modern Russia:
Main Trends and Instruments 123

N.N. Niyazbaeva

Existential Anthropology as the Anthropology of Education 133

Paradigms and Processes

V.N. Rudenko

Communicative Discourse Strategy
in Constitutional-Legal Protection of Human Rights..... 140

L.G. Fishman

On The Prospects of Left Radical Populism in Russia 149

S.V. Moshkin

The "Kosovo Precedent" in Statements of Russian Leaders 159

K.V. Korsakov

Application of Alternatives to Deprivation of Liberty Correction
of Criminals as Part of the Process of Humanization
of Penal Practice..... 169

G.A. Yungus

The Mediation Ability of Conflicts: The Socio-Philosophical Analysis177

A.E. Yakubovsky

Russian Literature Abroad As a Resource of "Soft Power"186

Reviews and Abstracts

O.F. Rusakova, V.M. Rusakov

Modern Political Processes:

Inventory of Methodological Tools192

Modern Logic and Intellectual Technologies

V.O. Lobovikov

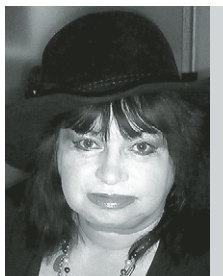
Models for the Formal Axiomatic Epistemology Theory Ξ 196

In Memory of K.N. Lyubutin

.....206

УДК 316+327+32.019
DOI 10.17506/dipi.2018.31.2.1029

УРАЛЬСКАЯ ШКОЛА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИСКУРСОЛОГИИ: НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ И АКАДЕМИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

Русакова Ольга Фредовна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
доктор политических наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются новейшие направления разработки уральскими учеными, прежде всего в лице научных сотрудников и аспирантов Института философии и права УрО РАН, теоретико-методологической базы политической дискурсологии как новой отрасли современных политических исследований. Раскрывается содержание основных тематических блоков политической дискурсологии, получивших теоретическое развитие в коллективных трудах и монографиях уральских ученых, изданных в последние годы. Рассматриваются важнейшие итоги реализации конкретных исследовательских проектов в области политической дискурсологии, анализируется опыт организации научного обмена в формате конференций.

Ключевые понятия:

политическая дискурсология, политический дискурс, медиадискурс, дискурс мягкой силы, дискурс мобильности, дискурс политики памяти, дискурс Модерна, дискурс постфордизма, дискурс посткапитализма, дискурс неомарксизма, дискурс гражданственности, дискурс трансгуманизма, дискурс гуманитарных интервенций, дискурс академического письма, профессиональный дискурс.

Летоисчисление Уральской школы политической дискурсологии начинается с момента учреждения в 2001 году научного издания – Научно-практического Альманаха «Дискурс-Пи», который в 2013 г. получил новое название – Научный журнал «Дискурс-Пи» [11; 59; 67]. Инициаторами издания стала группа сотруд-

ников Института философии и права УрО РАН, которые составили творческое ядро Уральской школы политической дискурсологии.

Первыми крупными работами школы стали две коллективные монографии: «Многообразие политического дискурса» [30] и «Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ» [28; 69]. В них были обозначены предметно-тематические контуры политической дискурсологии как новой научной дисциплины, представлены классификации зарубежных и отечественных теорий дискурса, предлагались авторские версии специфики разнообразных видов политического дискурса – демократического, дискурса гражданственности, дискурса справедливости, дискурса политического постмодерна, дискурса политической науки и др.

В самом начале деятельности научной школы ее ключевой методологической установкой в области дискурс-исследований, ее своеобразной визитной карточкой стало изучение политического дискурса с позиций коммуникативно-семиотического и кратологического подходов. Иначе говоря, политический дискурс рассматривался в качестве коммуникативного актора, властного ресурса, инструмента интерпретации политической реальности, способа ее символизации и смыслонаполнения. В 2003–2005 гг. при поддержке гранта Президента Российской Федерации (грант № НШ-2228.2003.6) уральские дискурсологи проводили большую исследовательскую работу в рамках проекта «Методология дискурс-анализа в социально-политических и гуманитарных науках». Результаты исследований получили отражение в нескольких сериях журнальных публикаций, в том числе – в журналах «Полис: Политические исследования» [29; 54; 70; 72] и «ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза» [46; 73].

В программной статье, опубликованной в № 4 журнала Полис за 2006 г., были систематизированы основные методологические подходы к изучению политического дискурса (критический дискурс-анализ, социосемиотический подход, социокультурный дискурс-анализ, постмодернистский подход и др.). Там же рассматривались основные структурные компоненты (планы) политического дискурса: интенциональный, актуальный, виртуальный, контекстуальный, психологический, осадочный. Там же были обозначены основные функции политического дискурса: (1) функция культурно-символической репрезентации власти; (2) функция смыслопорождения и идентификации; (3) функция коммуникативного и эмоционального доминирования [54].

Важными вехами в научно-организационной деятельности Уральской школы политической дискурсологии стали ежегодные научно-практические конференции «Дискурсология: Методология. Теория. Практика», которые в 2006–2008 гг. проводились в Екатеринбурге, а с 2009 года их постоянной локацией стал Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск). Непременными участниками данных конференций являются мексиканские коллеги, работающие в Национальном Автономном университете Мехико (UNAM, Мехико, Мексика) и в Автономном университете штата Мехико (UAEM, Толука, Мексика) [14; 15; 16; 39; 71].

В 2007 г. по инициативе Института философии и права УрО РАН была учреждена Международная академия дискурс-исследований (МАДИ), действительными членами которой стали многие известные российские и зарубежные дискурсологи, среди них: В. Г. Богомяков (г. Тюмень), М. В. Гаврилова (г. Санкт-Петербург), М. В. Ильин (г. Москва), Е. А. Кожемякин (г. Белгород), А. С. Кузнецов (ун-т.

Альберта, Канада), Г. Саймонс (г. Упсала, Швеция), Ле Куи Куинь (г. Хошимин, Вьетнам), О. Ю. Малинова (г. Москва), М. А. Малышев (г. Мехико, Мексика), Л. В. Селезнева (г. Москва), Л. Н. Синельникова (г. Ялта, Крым), Л. Н. Тимофеева (г. Москва) и др. [6].

За последнее десятилетие представителями Уральской школы политической дискурсологии издано несколько монографий и коллективных работ, посвященных исследованию разнообразных дискурсов: дискурс современной политической философии [47], дискурс PR [55], политический медиадискурс [21], дискурс травелога [12; 13], дискурс мягкой силы [80], дискурс будущего [4], дискурс региональной идентичности [5], дискурс постфордизма [38].

Среди фундаментальных исследовательских проектов Уральской школы политической дискурсологии особое место занимает энциклопедический проект «Дискурсология». Данный проект получил поддержку РГНФ и других научных фондов, выделивших гранты научному коллективу: грант РФФИ–«Урал» 07–03–83305 «Уральская школа политической дискурсологии: инновации и направления научных исследований». 2007–2008; грант РФФИ–«Урал» 09–03–83303 а/у «Содержательная модель научной энциклопедии «Дискурсология»: концептуальные основания, структурно-тематические блоки, тезаурус» 2009–2010; грант в рамках конкурсных программ фундаментальных научных исследований, выполняемых по программам тематических отделений РАН: проект № 12-И-6–2066 «Создание сетевого ресурса «Теория и методология дискурс-анализа в современной науке». Методологической базой энциклопедического проекта является конгломерат исследовательских методов: метод классификации и типологии, методы персонологии, методы контент-анализа, контекст-анализа, дискурс-анализа.

Значительное внимание в энциклопедическом проекте предполагается уделить структурно-содержательному препарированию разнообразных видов политических, социокультурных и правовых дискурсов, а также – рассмотрению разнообразных методов дискурс-исследований и анализу концептов. Авторы проекта считают, что дискурсы как источники возникновения смысловых множеств образуют концептуальные поля. Концепт – это ментальное образование, которое осуществляет смысловую кристаллизацию дискурсов в форме подвижной когнитивной решетки (матрицы), лежащей в основе конструирования и видения реальности [47, с. 90–92]. К примеру, дискурс травелога кристаллизуется в смысловых полях таких концептов, как «путешествие», «паломничество», «странствие», «дорога», «маршрут», «карта», «гостеприимство» и др. Анализ концептов непременно сопровождается раскрытием содержащихся в них метафорических образов и мифологем, а также – ценностных, семиотических и коммуникативных аспектов. Появление новых содержательно близких концептов образует когнитивную систему, которая обозначается термином «концептосфера». К примеру, концептосферу политического медиадискурса образуют такие понятия, как «медиакратия», «медиатизация политики», «медиациентрированная демократия» и др. [51].

Тексты статей, предоставляемые организаторам данного проекта, регулярно публикуются на страницах Научного журнала «Дискурс-Пи» в специальной рубрике «Энциклопедия «Дискурсология». К настоящему времени опубликованы и готовятся к изданию 220 энциклопедических статей. В состав редколлегии

энциклопедии входят известные руководители российских дискурсологических школ: М.В. Гаврилова (г. Санкт-Петербург), Т.В. Дубровская (г. Пенза), М.Р. Желтухина (г. Волгоград), В.И. Ильин (г. Москва), В.И. Карасик (г. Волгоград), Е.А. Кожемякин (г. Белгород), А.В. Полонский (г. Белгород), Т.Н. Митрохина (г. Саратов), А.В. Олянич (г. Волгоград), А.В. Полонский (г. Белгород), Л.Н. Синельникова (г. Ялта) и др.

Значительный вклад в формирование понятийной базы энциклопедического издания внесла доктор филологических наук, профессор Марина Владимировна Гаврилова [8], в серии статей которой дан глубокий лингво-политологический анализ различных жанров публичного политического дискурса. Существенную помощь в создании энциклопедических трудов, посвященных разнообразным видам дискурса, оказал доктор филологических наук, профессор Владимир Андреевич Олянич. Он совместно с коллегами – лингво-культурологами – представил для энциклопедического проекта большой массив статей, посвященных анализу тематически разнообразных дискурсов социокультурного плана. В их числе статьи, предметом рассмотрения которых выступают: автомобильный дискурс, вакхический дискурс, гастрономический дискурс [36], ихтио- и аквадискурс [37], сакральный дискурс [3], дискурс институциональной глуттонии [2], сказочный дискурс [1] и др.

Активными участниками проекта, написавшими целый ряд оригинальных статей для Энциклопедии «Дискурсология», стали сотрудники Института философии и права УрО РАН. Среди них – Ирина Борисовна Фан, опубликовавшая статьи, в которых анализируются разные виды дискурса гражданственности [73; 75; 76; 77], Кира Степановна Романова, посвятившая статьи рассмотрению дискурса имени, имиджа, анекдота [42], Екатерина Григорьевна Грибовод, сделавшая предметом своего анализа такие понятия, как «медиадискурс», «Интернет-дискурс», «дискурс социально-политического проектирования» [9].

Уральским дискурсологам удалось установить долговременное научное сотрудничество с другими дискурсологическими сообществами России. Тесная научная кооперация сложилась между Уральской школой политической дискурсологии и Белгородской школой изучения дискурса современных масс-медиа, действующей на базе кафедры коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью Белгородского национального исследовательского университета под руководством доктора философских наук Евгения Александровича Кожемякина. Сотрудничество осуществляется как в форме совместного участия в проведении научных конференций, так и в реализации энциклопедического проекта. Представителями Белгородской школы было предоставлено более 20 статей для энциклопедии «Дискурсология» [23; 24; 27].

Когда в 2016 г. на базе Ялтинского филиала Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского был учрежден Ялтинский дискурсологический кружок (ЯДК) под руководством доктора филологических наук, профессора Лары Николаевны Синельниковой, уральские дискурсологи сразу же включились в его работу. Кроме того, одним из учредителей ЯДК стала Международная академия дискурс-исследований (МАДИ). Печатным органом ЯДК был официально объявлен Научный журнал «Дискурс-Пи» [66]. Статьи участников конференций ЯДК, в том числе статьи, предназначенные для Энциклопедии «Дискурсология», регулярно публикуются на страницах данного журнала [68].

Работа над энциклопедическим проектом осуществлялась также в рамках конкурсных программ фундаментальных научных исследований, выполняемых по программам тематических отделений РАН: проект № 12-И-6–2066 «Создание сетевого ресурса «Теория и методология дискурс-анализа в современной науке». Проект выполнялся сотрудниками двух подразделений УрО РАН под руководством заведующей отделом философии Института философии и права УрО РАН Русаковой Ольги Фредовны и директора Научной библиотеки УрО РАН Полины Прокопьевны Тресковой. В итоге была создана электронная версия энциклопедии «Дискурсология». Руководители и участники проекта разработали концепцию электронного ресурса «Теория и методология дискурс-анализа в современной науке», провели методическую работу по созданию базы данных о ведущих научных школах дискурс-исследований, существующих в России и за рубежом. В процессе реализации данного проекта была предложена авторская методика отбора статей, необходимых для включения в электронный ресурс, создан тематический рубрикатор и словарь энциклопедии для автоматизированной библиотечно-информационной системы ИРБИС, введен первичный массив данных отечественных и зарубежных работ по основным рубрикам.

С 2014 г. одним из центральных исследовательских направлений Уральской школы политической дискурсологии стала разработка теории дискурса *soft power* (мягкой силы) [50; 56]. Данной теме были посвящены три научные конференции, которые состоялись в 2014, 2017 и 2018 гг. Значительная часть докладов конференций публиковалась в специальных рубриках нескольких номеров Научного журнала «Дискурс-Пи» [7; 34; 52; 64], а также была представлена в виде электронного издания [31]. В 2015 г. на основе материалов Первой конференции, посвященной дискурсу мягкой силы, была издана коллективная монография «*Soft power: теория, ресурсы, дискурс*» [80], которая была удостоена Премии второй степени Российской ассоциации политической науки (РАПН) в номинации монографических работ. В монографии комплексно проанализированы проблемы методологического анализа концепта мягкой силы, обобщен международный опыт формирования национальных моделей *soft power*, рассмотрены различные рейтинговые системы, направленные на измерение тех или иных параметров мягкой силы государства.

В последнее время новыми областями углубленных научных исследований представителей Уральской школы политической дискурсологии стали дискурсы мобильности и дискурсы политики памяти. Изучению дискурса мобильности был посвящен специальный тематический номер Научного журнала «Дискурс-Пи» (2013. № 13). В нем рассматривались такие исследовательские направления, как метафорика и концептосфера дискурса мобильности [35; 48], формы мобильности в травелогге [40], концепт «человека движущегося» (скитающегося) [44], современные тренды студенческой мобильности [25], мобильность как фактор политической социализации [32], идеологическая мобильность неоллиберализма [79] и др.

Пристальное внимание современных исследователей к дискурсу мобильности и связанный с этим быстро растущий объем научных работ в области *mobility studies* уральские дискурсологи объясняют универсальным характером феномена мобильности, который в эпоху информатизации и высоких скоростей

оказался чуть ли не главным коммуникативным капиталом, ресурсом креативности и фактором инновационности.

Парадигма мобильности включает широкий спектр восприятия феноменов изменчивости, ускорения, текучести социальных форм и процессов. В настоящее время она глубоко и прочно встроена в практику исследований медийного пространства и образующих его медиадискурсов. Уральскими учеными выделяются и рассматриваются следующие тенденции в развитии медиареальности, сложившиеся под влиянием парадигмы мобильности: увеличение темпов роста объемов информации и одновременно информационного «шума»; возрастание скорости порождения информации на основе новой технической инфраструктуры; возрастание скорости формирования стандартов восприятия информации, способов ее кодирования-декодирования; замещение логико-рациональных компонентов медиадискурса визуально-эмоциональными и др. [63].

Исследования научной школы в сфере разработки концепта и теории дискурса мобильности получили поддержку в виде гранта, который был выделен Институту философии и права УрО РАН под проект фундаментальных исследований: проект № 15–19–6–1 «Разработка концепта мобильности в современных гуманитарных и социально-политических исследованиях: теоретико-методологический анализ». В соответствии с программой его реализации уральскими учеными был организован круглый стол «Философия, культура и дискурс мобильности», который был проведен во время работы VII Российского Философского Конгресса (Уфа, октябрь 2015 г.). Доклады и материалы круглого стола были опубликованы в отдельном номере Научного журнала «Дискурс-Пи» [57]. В центре внимания докладчиков – теоретико-методологические вопросы изучения дискурса мобильности, конкретные проблемы дискурс-анализа различных форм и видов мобильности [10; 19; 23; 33; 41; 45; 74; 78]. В процессе работы над изучением методологического потенциала парадигмы и дискурса мобильности был сделан вывод о том, что опираясь на теорию дискурса мобильности, можно прийти к обнаружению новых, порой неожиданных аспектов осмысления политических реалий. К примеру, можно выявить исламские измерения дискурса мобильности [20] или вскрыть ранее не обнаруженный исследователями историко-политический смысл большевизма [65].

Одним из инновационных достижений уральских дискурсологов является теоретико-методологическое «скрещивание» двух дискурсивных и парадигмальных систем – концепта мягкой силы и концепта мобильности. Данной проблематике была посвящена работа Всероссийской научно-практической молодежной конференции «Мобильность как измерение мягкой силы: теория, практика, дискурс» (Екатеринбург, 17 октября 2018). Синтез двух концептов – мягкой силы и мобильности – означает, во-первых, придание особой значимости феномену стратегической гибкости, тактической подвижности в ходе реализации конкретных программ развития мягкой силы. Во-вторых, включение фактора мобильности в теоретико-методологический арсенал государственных практик мягкой силы. В-третьих, мобильность, рассматриваемая в качестве способности оперативно реагировать и отвечать на новые запросы общественного развития в государствах, выступающих объектами воздействия мягкой силы, становится важным показателем ее управленческих возможностей и глубины проникновения в социальную, экономическую и информационную ткань данного государ-

ства. В-четвертых, мобильность мягкой силы предполагает умение оперативно соединять в одной стратегической программе разнообразные инструменты мягкой силы, способность вовремя их перегруппировать в соответствии с изменившимися обстоятельствами. В-пятых, мобильность мягкой силы – это ее способность развиваться и усиливаться в едином ансамбле с инструментами «жесткой силы», то есть выступать в качестве *smart power* (умной силы) [49; 63].

В целом, под мобильностью как значимой характеристикой мягкой силы понимается оперативность, своевременность ее практического применения, отзывчивость к новизне общественных запросов, комплексность использования разнообразных инструментов мягкого влияния. Особый интерес у исследователей вызывают такие виды мобильности, как Интернет-мобильность, коммуникативная мобильность, маркетинговая мобильность, миграционная мобильность, академическая, университетская, культурная мобильность и др. Многие виды мобильности рассматриваются в качестве атрибутивных характеристик определенных форм мягкой силы. К ним, в первую очередь, относится целый ряд рейтинговых показателей развития *soft power* отдельных стран: *immigration* (миграционная привлекательность), *tourism* (развитие туристической инфраструктуры и услуг для туристов), *university ranking* (университетский рейтинг), *digital ranking* (рейтинг развития цифровых технологий), *engagement* (успехи страны в области глобального сотрудничества, развитость и достижения публичной дипломатии) [49].

Изучение фактора мобильности как значимой характеристики мягкой силы страны сегодня особенно важно для России, которая стремится усилить свое влияние на постсоветском пространстве. Вместе с тем, до сих пор отсутствует четкий системный подход к научному проектированию отечественных стратегий по развитию мягкой силы с позиции усиления ее мобильных компонентов. Следует также отметить, что стратегия усиления мобильности для России, связанная с широким применением инструментов мягкой силы, пока еще не выработала концепции необходимого баланса между мягкими и жесткими способами влияния, что необходимо для реализации политики умной власти (*smart power*). Попытки же нынешнего руководства страны сформулировать данную стратегическую программу нередко приводят не к оживлению инновационных поисков, а к подъему консервативно-охранительных настроений.

Усиление информационного противостояния в мировой политике, в частности в сфере интерпретации прошлого, вызвало у дискурсологов большой интерес к проблематике исторической и национальной памяти. В этой связи был разработан исследовательский проект «Стратегические установки и технологии реализации политики национальной памяти на постсоветском пространстве в контексте информационной безопасности России» (проект фундаментальных исследований Института философии и права УрО РАН: № 18–6–6–8). Ранее участники данного проекта уже имели определенный научный задел в области изучения разнообразных технологий политики памяти и их дискурсивных проявлений. По данной теме было сделано несколько докладов на российских и международных конференциях, написаны разделы в сборниках трудов [26; 43; 58; 60; 61; 62].

В работах уральских ученых политика памяти рассматривается как продуманная система форм и способов политизации прошлого в целях управления

коллективной исторической памятью народа. Подчеркивается, что в каждой стране существует собственная проблематика политики памяти, своя история сопротивления по отношению к данной политике. В новых государствах стран Восточной Европы политика памяти выполняет функцию переосмысления советского прошлого с позиции ответственности СССР и России как его премницы за преступления тоталитарного режима. В последнее время широкое распространение получает так называемая «оккупационная риторика», связанная с выявлением все новых данных о преступлениях советского режима против человечества. Сегодня в политическом истеблишменте стран СНГ и Балтии негативную, взрывную реакцию вызывает все, что связано с памятью о Великой отечественной войне. Корни активизации негативного уклона в политике памяти на постсоветском пространстве следует искать в кризисе национальной идентичности, который возник в новых независимых государствах в результате распада СССР, а также – в стремлении властных кругов новых государств к радикальной переориентации общества на ценности потребительского образа жизни и неолиберального мироустройства.

Важным направлением изучения современных дискурсов политики памяти для уральских дискурсологов стал критический анализ официального государственного дискурса о советском прошлом. Особенно пристальное внимание уделяется исследованию неолиберального дискурса, направленного на переинтерпретацию истории Второй мировой войны. Как выяснилось, типичным для данного дискурса является ревизия позиции советской историографии относительно причин и характера Великой Отечественной войны. В последние десятилетия культивируется тезис о том, что Великая Отечественная война была такой же агрессией, как и гитлеровская, имела захватнический или даже колониальный характер, о чем, якобы, свидетельствует «освободительная борьба» украинских, прибалтийских, кавказских и иных националистов против советских оккупантов. Стал широко распространяться тезис о равной ответственности нацистской Германии и Советского Союза за развязывание Второй мировой войны, о сговоре Гитлера и Сталина по поводу раздела демократической Европы. В европейском дискурсе политики памяти сложился и утвердился постулат о том, что государства Восточной Европы были жертвами сразу двух оккупационных практик – гитлеровской и советской [61; 62].

Специальным предметом исследования для уральских ученых стал официальный российский дискурс политики памяти, связанный с оценкой современной властью переломных вех в истории советского государства. Отмечается невнятный идеологический характер данного дискурса, его неопределенность объясняется гибридной, по сути, системе ценностных ориентаций современной элиты страны. Эта особенность наиболее ярко проявила себя в периоды приближения крупных юбилейных дат – 100-летие Великой Октябрьской социалистической революции, 100-летие Красной Армии, 100-летие ВЛКСМ. В своих работах уральские ученые обращают внимание на логически противоречивый характер официальных трактовок смысла и значения памятной даты 7 ноября, дают подробное объяснение тому факту, что политическая элита России фактически отказалась от широкого празднования столетнего юбилея Великого Октября. Отсюда – характерное название данного дискурса – «тихий юбилей» [53].

Предметом отдельных дискурс-исследований стали практики коммеморационального характера – мероприятия по созданию новой политической символики, установлению праздничных и памятных дат, сооружению памятников, созданию исторических памятных мест, изменению тематических экспозиций музеев, по привлечению внимания к одним сюжетам истории и замалчиванию других. Специальным предметом исследований стали символические образы, медийные и визуальные формы реализации политики памяти на постсоветском пространстве, включая вопросы символической репрезентации исторической памяти в публичном городском пространстве [17; 18].

В целом, уральские ученые основную перспективу теоретико-методологических исследований разнообразных политических дискурсов видят в актуализации задач по разработке на государственном уровне стратегических проектов, направленных на развитие отечественных ресурсов и технологий мягкой силы, мобильности, информационного обеспечения управления, расширения процесса медиатизации в конкретных областях общественной жизни. Особое внимание предполагается уделять вопросам секьюритизации политической дискурсологии, изучению политических дискурсов в контексте проблем укрепления информационной и интеллектуальной безопасности России.

1. Астафурова Т.Н., Акименко Н.А. Англосаксонский сказочный дискурс // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2016. № 2 (23). С. 102–104.
2. Астафурова Т.Н., Захаров С.В. Дискурс англосаксонской институциональной глоттонии // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2016. № 1 (22). С. 122–125.
3. Астафурова Т.Н., Олянич А.В. Сакральный дискурс // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 3–4 (20–21). С. 158–160.
4. Богомяков В.Г. Дискурс политики третьего тысячелетия. – Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи», 2010. – 140 с.
5. Богомяков В.Г. Региональная идентичность «земли тюменской»: мифы и дискурс. – Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи», 2007. – 148 с.
6. Вести МАДИ // Научно-практический альманах «Дискурс-Пи». 2008. № 8. С. 137–140.
7. Вторая международная конференция «Soft Power: теория, ресурсы, дискурс» (Россия, Екатеринбург, 20 октября 2017 г.). Доклады // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2017. № 3–4 (28–29). С. 90–188; 229–275.
8. Гаврилова М.В. Послание Федеральному Собранию. Программа политической партии. Парламентский дискурс. Президентский дискурс. Дискурсивный портрет В.В. Путина. Инаугурационная речь. Когнитивные исследования политического дискурса // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2013. № 13. С. 111–117.
9. Грибовод Е.Г. Медиадискурс. Интернет-дискурс. Социально-политическое проектирование // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2013. № 13. С. 118–120.
10. Грибовод Е.Г. Мобильность как атрибут медиатизации политики // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 2 (19). С. 75–77.

11. Грибовод Е.Г., Русакова О.Ф. Исследовательские направления и персонология Уральской школы политической дискурсологии (2001–2008) // Дискурсология: методология, теория, практика. Доклады Третьей международной научно-практической конференции, посвященной 40-летию студенческой революции 1969 г. и корифеям Франкфуртской школы. / Под общей ред. О.Ф. Русаковой. – 2 октября – 19 декабря 2008 г. Том 1. – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2008. С. 76–80.

12. Дискурс травелога. Сборник статей. Авт. – сост.: О.Ф. Русакова, В.М. Русаков. Екатеринбург, ИМС – Издательский дом «Дискурс-Пи», Уральский финансово-юридический институт, 2009. – 190 с.

13. Дискурс философского пути. Материалы круглого стола VI Российского философского конгресса. Нижний Новгород, 27–30 июня 2012 г. / Под ред. О.Ф. Русаковой. – Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2012. – 128 с.

14. Дискурсология: методология, теория, практика: доклады Третьей междунар. науч. – практ. конфер. посвященной 40-летию студенческой революции 1969 г. и корифеям Франкфуртской школы. / Под общей ред. О.Ф. Русаковой, В.Е. Хвощева, М.А. Малышева. 2 окт. – 19 дек. 2008 г. Россия–Мексика–Екатеринбург, Челябинск: Изд. Дом «Дискурс-Пи», Изд-во ЮУрГУ, 2009. Т. 2. – 381 с.

15. Дискурсология: методология, теория, практика (Discursologia: metodologia, teoria, practica): доклады четвертой Междунар. науч.-практ. конфер.; ноябрь – декабрь 2009 года. Россия-Мексика / Под общей ред. М.А. Малышева, О.Ф. Русаковой, В.Е. Хвощева. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2010. – 552 с.

16. Дискурсология; методология, теория, практика: доклады пятой Международной научно-практической конференции, посвященной памяти Льва Николаевича Толстого и его идеям ненасильственного сопротивления. 19–20 ноября 2010 года. Россия-Мексика / под общей редакцией М.А. Малышева и В.Е. Хвощева. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ; Изд-во НОЦ «КПОН», 2011. – 448 с.

17. Ильченко М.С. Риторика советского прошлого в современной российской политике // Россия в поисках идеологии: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / под ред. В.С. Мартынова, Л.Г. Фишмана. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. (Глава 3.4). С. 215–238.

18. Ильченко М.С. Российский мегаполис в логике постфордизма: «Точка роста» или «Зона неопределенности»? // Устойчивое развитие России: вызовы, риски, стратегии. Материалы IX Международной научно-практической конференции: к 25-летию Гуманитарного университета. 2016. Издательство: Автономная некоммерческая организация высшего образования «Гуманитарный университет». Екатеринбург. 2017. С. 149–153.

19. Исаков А.С. Дискурс мобильности в исламе: политологический анализ // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 2 (19). С. 57–63.

20. Исаков А.С. Маликитское измерение дискурса мобильности в исламе // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2017. № 2 (27). С. 93–102.

21. Ишменев Е.В. Политический медиадискурс: теория и национальные модели. – Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2012. – 128 с.

22. Ковба Д.М. Фактор мобильности с точки зрения теории «мягкой силы» // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 2 (19) С. 53–56.
23. Кожемякин Е.А. Дискурсная компетентность. Дискурсный подход к изучению культуры. Когерентность дискурса. Религиозный дискурс. Субъект дискурса. Юридический дискурс. // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2013. № 13. С. 121–127.
24. Кожемякин Е.А., Кротов Е.А. Философский дискурс // Дискурс-Пи: научно-практический альманах. 2010. № 10. С. 347–348.
25. Кочнева Е.Д. Современные тренды студенческой мобильности // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2013. № 13. С. 36–39.
26. Кочнева Е.Д. Политика памяти в России как систематическая работа с прошлым // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 3–4 (20–21). С. 50–56.
27. Кротков Е.А., Кожемякин Е.А. Дискурс толерантности. Научный дискурс. Социально-исторический дискурс // Дискурс-Пи: научно-практический альманах. 2010. № 10. С. 137–141.
28. Макаров Д., Кузнецов А. Дискурсология: проблемы и вызовы сегодняшнего дня // Свободная мысль. 2007. № 6 (1577). С. 217–221.
29. Мартыянов В.С. Об условиях возникновения теории справедливости в российской политике // Полис. 2006. № 4. С. 61–73.
30. Многообразие политического дискурса Екатеринбург: ИФиП УрО РАН, УрГСХА, 2004. – 385 с.
31. Мобильность как измерение мягкой силы: Теория, практика, дискурс: материалы Всероссийской научно-практической молодежной конференции (Екатеринбург, 17 октября 2018). Научное электронное издание / Ред. О.Ф. Русакова, Д.М. Ковба – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2018. – 110 с.
32. Моисеенко Я.Ю. Мобильность как фактор политической социализации индивида // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2013. № 13. С. 40–43.
33. Моисеенко Я.Ю. Мобильность как свойство массового конформистского сознания // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 2 (19). С. 39–46.
34. Мягкая сила: очаровательная и соблазнительная политика // Наука Урала, декабрь 2014, № 22–23.
35. Новак М.В., Кожемякин Е.А. Движение как метафора в консьюмеристском дискурсе современной культуры // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2013. № 13. С. 12–18.
36. Олянич А.В. Автомобильный дискурс. Вакхический дискурс. Гастрономический дискурс // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 2 (19). С. 153–160.
37. Олянич А.В., Захарова А.С. Ихтио- и аквадискурс // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 3–4 (20–21). С. 150–155.
38. Постфордизм: концепции, институты, практики / под ред. М.С. Ильченко, В.С. Мартыянова. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 279 с.
39. Романова К. Дискурсология: ответы и вызовы времени // Наука Урала. Январь 2009. № 2–3.
40. Романова К.С. Новые формы мобильности в травелогге // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2013. № 13. С. 26–30.

41. Романова К.С. Социальные лифты как средство социальной мобильности // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 2 (19). С. 30–34.
42. Романова К.С. Анекдот как дискурс. Дискурс имиджа. Дискурс имени // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2016. № 2 (23). С. 108–112.
43. Романова К.С. Дискурсы исторической памяти // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2016. № 3 (24). С. 31–36.
44. Русаков В.М. Homo viator – через призму его травелогов на рубеже XX–XXI вв. // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2013. № 13. С. 31–36.
45. Русаков В.М., Русакова О.Ф. Философия мобильности в современном мире // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 2 (19). С. 10–18.
46. Русакова О.Ф. Основные разновидности современных теорий политического дискурса: опыт классификаций // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. Т. 2, № 3 СПб., 2006. – С. 191–212.
47. Русакова О.Ф. Современная политическая философия: предмет, концепты, дискурс. – Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2012. – 400 с.
48. Русакова О.Ф. Метафорика и концептосфера дискурса мобильности // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2013. № 13. С. 19–25.
49. Русакова О.Ф. Мобильность как значимая характеристика мягкой силы: концептуальные аспекты // Мобильность как измерение мягкой силы: теория, практика, дискурс: материалы Всероссийской научно-практической молодежной конференции (Екатеринбург, 17 октября 2018). Научное электронное издание / Ред. О.Ф. Русакова, Д.М. Ковба. – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2018. – 110 с. С. 69–72.
50. Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г. Некоторые итоги первого этапа Международной конференции «Soft power»: теория, ресурсы, дискурс // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2014. № 4. С. 191–193.
51. Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. – 2014. – Т. 14, вып. 4. – С. 65–77.
52. Русакова О.Ф., Ковба Д.М., Моисеенко Я.Ю. «Мягкая сила»: новые исследования // Наука Урала. 24.11.2017. URL: www.uran.ru/node/5124.
53. Русакова О.Ф., Кочнева Е.Д. Оценки Октябрьской революции в официальном дискурсе политики памяти // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2017, № 3–4 (28–29). С. 17–30.
54. Русакова О.Ф., Максимов Д.А. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса // Полис. 2006. № 4. С. 26–43.
55. Русакова О.Ф., Русаков В.М. PR-дискурс: Теоретико-методологический анализ. – 2-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург: УрО РАН, ИД «Дискурс-Пи», 2011. – 336 с.
56. Русакова О.Ф., Русаков В.М. Дискурсы и концепты «мягкого влияния» в современном гуманитарном знании // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. Т. 10, Вып. 3. 2012. С. 161–167.
57. Русакова О.Ф., Русаков В.М. Круглый стол «Философия, культура и дискурс мобильности» на VII Российском Философском Конгрессе // Науч-

ный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 3–4 (20–21). С. 144–146.

58. Русакова О.Ф., Русаков В.М. Современный дискурс политики памяти // Российская политическая наука: идеи, концепции, методы: Научное издание / Под ред. Л.В. Сморгунова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. С. 228–238.

59. Русакова О.Ф., Русаков В.М. «Дискурс-Пи» 2001–2015 гг.: история современности через призму научного журнала // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 3–4 (20–21). С. 10–16.

60. Русакова О.Ф., Русаков В.М. Итоги Второй мировой войны в свете европейского дискурса политики памяти // Философия войны и мира. К 70-летию Великой Победы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Философия войны и мира: к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне». 28–29 апреля 2015 года. Москва, Институт философии РАН. – М.: Российское философское общество, ООО «СиДИПрессАрт», 2016. – 496 с. С. 228–240.

61. Русакова О.Ф., Русаков В.М. Великая Отечественная война и политика исторической памяти. Часть I // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2016. № 1 (22). С. 10–17.

62. Русакова О.Ф., Русаков В.М. Великая Отечественная война и политика исторической памяти. Часть II // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2016. № 2 (23). С. 8–17.

63. Русакова О.Ф., Русаков В.М. Парадигма мобильности в современном политическом медиадискурсе // Вопросы политологии. Выпуск 4 (24). 2016. С. 79–87.

64. Русакова О.Ф., Русаков В.М. «Мягкая сила» как инструмент политической коммуникации и гуманитарной дипломатии // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2017. № 1 (26). С. 61–72.

65. Русакова О.Ф., Русаков В.М. Проблемы концептуального моделирования сущности большевизма: переход к парадигме мобильности (к 100-летию Великого Октября) // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2017. № 2. С. 12–21.

66. Русакова О.Ф., Синельникова Л.Н. IV Международная конференция «Стилистика сегодня и завтра» и создание Ялтинского дискурсологического кружка // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2016. № 1 (22). С. 144–147.

67. Русакова О.Ф., Фадеичева М.А., Грибовод Е.Г. Уральская школа политической дискурсологии: инновационные направления исследований // Доклады Второй Междунар. Науч. – практ. конфер., посвященной памяти Жана Бодрийяра. / Под общей ред. О.Ф. Русаковой. – 21 ноября – 14 декабря 2007 г. Том. 2. Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс Пи», 2007. С. 41–43.

68. Синельникова Л.Н. Дискурс троллинга. Дискурс фразеологических новообразований // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2016. № 3–4 (24–25). С. 271–285.

69. Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. (Серия «Дискурсология». Выпуск 1). Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2006. – 210 с.

70. Трахтенберг А.Д. Дискурсивный анализ массовой коммуникации и парадоксы левого сознания // Полис. 2006. № 4. С. 44–52.

71. Фадеичева М.А. Дискурс научной конференции: «Дискурсология: Методология. Теория. Практика» // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2013. № 1–2 (11–12). С. 294–297.
72. Фадеичева М.А. Идеология и дискурсивные практики «нашизма» в современной России // Полис. 2006. № 4. С. 53–60.
73. Фан И.Б. Гражданственность в отечественном политическом дискурсе, или к проблеме о том, есть ли демократический потенциал у «русской идеи»? // Политэксп: Политическая экспертиза. 2006. Т. 2, № 2. С. 145–156.
74. Фан И.Б. Дискурс мобильности и проблематизация национального гражданства // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 2 (19). С. 24–29.
75. Фан И.Б. Концепт гражданина в западноевропейской истории и культуре. Концепт гражданина в российской истории и культуре // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2017. № 1 (26). С. 154–159.
76. Фан И.Б. Концепт гражданина в российской истории и культуре // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2017. № 1 (26). С. 160–163.
77. Фан И.Б. Либеральный дискурс гражданственности // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2017. № 2. С. 170–173.
78. Фурсов К.К. Проявление дискурса вражды в жанре автобиографии в рамках процесса вертикальной политической мобильности // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 2 (19). С. 47–52.
79. Хмелинин А.А., Русакова О.Ф. Идеологическая мобильность современного нелиберализма: методологический анализ // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2013. № 13. С. 88–91.
80. Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой. – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2015. – 376 с.

References

1. Astafurova T.N., Akimenko N.A. Anglosaksonskij skazochnyj diskurs // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2016. № 2 (23). S. 102–104.
2. Astafurova T.N., Zaxarov S.V. Diskurs anglosaksonskoj institucional'noj glyuttonii // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2016. № 1 (22). S. 122–125.
3. Astafurova T.N., Olyanich A.V. Sakral'nyj diskurs // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. № 3–4 (20–21). S. 158–160.
4. Bogomyakov V.G. Diskurs politiki tret'ego tysyacheletiya. – Ekaterinburg: Izdatel'skij dom «Diskurs-Pi», 2010. – 140 s.
5. Bogomyakov V.G. Regional'naya identichnost' «zemli tyumenskoj»: mify i diskurs. – Ekaterinburg: Izdatel'skij dom «Diskurs-Pi», 2007. – 148 s.
6. Vesti MADI // Nauchno-prakticheskij al'manax «Diskurs-Pi». 2008. № 8. S. 137–140.
7. Vtoraya mezhdunarodnaya konferenciya «Soft Power: teoriya, resursy, diskurs» (Rossiya, Ekaterinburg, 20 oktyabrya 2017 g.). Doklady // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2017. № 3–4 (28–29). S. 90–188; 229–275.
8. Gavrilova M.V. Poslanie Federal'nomu Sobraniyu. Programma politicheskoy partii. Parlamentskij diskurs. Prezidentskij diskurs. Diskursivnyj portret V.V. Putina. Inauguracionnaya rech'. Kognitivnye issledovaniya politicheskogo

diskursa // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2013. № 13. S. 111–117.

9. Gribovod E.G. Mediadiskurs. Internet-diskurs. Social'no-politicheskoe proektirovanie // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2013. № 13. S. 118–120.

10. Gribovod E.G. Mobil'nost' kak atribut mediatizacii politiki // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. № 2 (19). S. 75–77.

11. Gribovod E.G., Rusakova O.F. Issledovatel'skie napravleniya i personologiya Ural'skoj shkoly politicheskoy diskursologii (2001–2008) // Diskursologiya: metodologiya, teoriya, praktika. Doklady Tret'ej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashhennoj 40-letiyu studencheskoj revolyucii 1969 g. i korifeyam Frankfurtskoj shkoly. / Pod obshej red. O.F. Rusakovej. – 2 oktyabrya – 19 dekabrya 2008 g. Tom 1. – Ekaterinburg: Izdatel'skij Dom «Diskurs-Pi», 2008. S. 76–80.

12. Diskurs traveloga. Sbornik statej. Avt. – sost.: O.F. Rusakova, V.M. Rusakov. Ekaterinburg, IMS – Izdatel'skij dom «Diskurs-Pi», Ural'skij finansovo-yuridicheskij institut, 2009. – 190 s.

13. Diskurs filosofskogo puti. Materialy kruglogo stola VI Rossijskogo filosofskogo kongressa. Nizhnij Novgorod, 27–30 iyunya 2012 g. / Pod red. O.F. Rusakovej. – Ekaterinburg: ID «Diskurs-Pi», 2012. – 128 s.

14. Diskursologiya: metodologiya, teoriya, praktika: doklady Tret'ej mezhdunar. nauch. – prakt. konfer. posvyashhennoj 40-letiyu studencheskoj revolyucii 1969 g. i korifeyam Frankfurtskoj shkoly. / Pod obshej red. O.F. Rusakovej, V.E. Xvoshheva, M.A. Malysheva. 2 okt. – 19 dek. 2008 g. Rossiya–Meksika–Ekaterinburg, Chelyabinsk: Izd. Dom «Diskurs-Pi», Izd-vo YuUrGU, 2009. T. 2. – 381 s.

15. Diskursologiya: metodologiya, teoriya, praktika (Discursologia: metodologia, teoria, practica): doklady chetvertoj Mezhdunar. nauch.-prakt. konfer.; noyabr' – dekabr' 2009 goda. Rossiya-Meksika / Pod obshej red. M.A. Malysheva, O.F. Rusakovej, V.E. Xvoshheva. – Chelyabinsk: Izd. centr YuUrGU, 2010. – 552 s.

16. Diskursologiya; metodologiya, teoriya, praktika: doklady pyatoj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashhennoj pamyati L'va Nikolaevicha Tolstogo i ego ideyam nenasil'stvennogo soprotivleniya. 19–20 noyabrya 2010 goda. Rossiya-Meksika / pod obshej redakciej M.A. Malysheva i V.E. Xvoshheva. – Chelyabinsk: Izdatel'skij centr YuUrGU; Izd-vo NOC «KPON», 2011. – 448 s.

17. Il'chenko M.S. Ritorika sovet'skogo proshlogo v sovremennoj rossijskoj politike // Rossiya v poiskax ideologii: transformaciya cennostnyx regulyatorov sovremennyx obshhestv / pod red. V.S. Mart'yanova, L.G. Fishmana. – M.: Politicheskaya e'nciklopediya, 2016. (Glava 3.4). S. 215–238.

18. Il'chenko M.S. Rossijskij megapolis v logike postfordizma: «Tochka rosta» ili «Zona neopredelennosti»? // Ustojchivoe razvitie Rossii: vyzovy, riski, strategii. Materialy XVI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: k 25-letiyu Gumanitarnogo universiteta. 2016. Izdatel'stvo: Avtonomnaya nekommercheskaya organizaciya vysshego obrazovaniya «Gumanitarnyj universitet». Ekaterinburg. 2017. S. 149–153.

19. Isakov A.S. Diskurs mobil'nosti v islame: politologicheskij anamnez // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. № 2 (19). S. 57–63.

20. Isakov A.S. Malikitskoe izmerenie diskursa mobil'nosti v islame // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2017. № 2 (27). S. 93–102.
21. Ishmenev E. V. Politicheskij mediadiskurs: teoriya i nacional'nye modeli. – Ekaterinburg: ID «Diskurs-Pi», 2012. – 128 s.
22. Kovba D.M. Faktor mobil'nosti s tochki zreniya teorii «myagkoj sily» // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. № 2 (19) S. 53–56.
23. Kozhemyakin E.A. Diskursnaya kompetentnost'. Diskursnyj podxod k izucheniyu kul'tury. Kogerentnost' diskursa. Religioznyj diskurs. Sub'ekt diskursa. Yuridicheskij diskurs. // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2013. № 13. S. 121–127.
24. Kozhemyakin E.A., Krotov E.A. Filosofskij diskurs // Diskurs-Pi: nauchno-prakticheskij al'manax. 2010. № 10. S. 347–348.
25. Kochneva E. D. Sovremennye trendy studencheskoj mobil'nosti // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2013. № 13. S. 36–39.
26. Kochneva E.D. Politika pamyati v Rossii kak sistematičeskaya rabota s proshlym // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. № 3–4 (20–21). S. 50–56.
27. Krotkov E.A., Kozhemyakin E.A. Diskurs tolerantnosti. Nauchnyj diskurs. Social'no-istoricheskij diskurs // Diskurs-Pi: nauchno-prakticheskij al'manax. 2010. № 10. S. 137–141.
28. Makarov D., Kuznecov A. Diskursologiya: problemy i vyzovy segodnyashnego dnja // Svobodnaya mysl'. 2007. № 6 (1577). S. 217–221.
29. Mart'yanov V.S. Ob usloviyax vznikoveniya teorii spravedlivosti v rossijskoj politike // Polis. 2006. № 4. S. 61–73.
30. Mnogobrazie politicheskogo diskursa Ekaterinburg: IFiP UrO RAN, UrGSXA, 2004. – 385 s.
31. Mobil'nost' kak izmerenie myagkoj sily: Teoriya, praktika, diskurs: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskij molodezhnoj konferencii (Ekaterinburg, 17 oktyabrya 2018). Nauchnoe e'lektronnoe izdanie / Red. O.F. Rusakova, D.M. Kovba – Ekaterinburg: Izdatel'skij Dom «Diskurs-Pi», 2018. – 110 s.
32. Moiseenko Ya.Yu. Mobil'nost' kak faktor politicheskij socializacii individa // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2013. № 13. S. 40–43.
33. Moiseenko Ya.Yu. Mobil'nost' kak svojstvo massovogo konformistskogo soznaniya // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. № 2 (19). S. 39–46.
34. Myagkaya sila: ocharovatel'naya i soblaznitel'naya politika // Nauka Urala, dekabr' 2014, № 22–23.
35. Novak M.V., Kozhemyakin E.A. Dvizhenie kak metafora v kons'yumeristskom diskurse sovremennoj kul'tury // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2013. № 13. S. 12–18.
36. Olyanich A.V. Avtomobil'nyj diskurs. Vaxxicheskij diskurs. Gastronomicheskij diskurs // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. № 2 (19). S. 153–160.
37. Olyanich A.V., Zaxarova A.S. Ixtio- i akvadiskurs // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. № 3–4 (20–21). S. 150–155.
38. Postfordizm: koncepcii, instituty, praktiki / pod red. M.S. Il'chenko, V.S. Mart'yanova. – M.: Politicheskaya e'nciklopediya, 2015. – 279 s.
39. Romanova K. Diskursologiya: otvety i vyzovy vremeni // Nauka Urala. Yanvar' 2009. № 2–3.

40. Romanova K.S. *Novye formy mobil'nosti v traveloge* // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2013. № 13. S. 26–30.
41. Romanova K.S. *Social'nye lifty kak sredstvo social'noj mobil'nosti* // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. № 2 (19). S. 30–34.
42. Romanova K.S. *Anekdot kak diskurs. Diskurs imidzha. Diskurs imeni* // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2016. № 2 (23). S. 108–112.
43. Romanova K.S. *Diskursy istoricheskoy pamyati* // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2016. № 3 (24). S. 31–36.
44. Rusakov V.M. *Homo viator – cherez prizmu ego travelogov na rubezhe XX–XXI vv.* // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2013. № 13. S. 31–36.
45. Rusakov V.M., Rusakova O.F. *Filosofiya mobil'nosti v sovremennom mire* // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. № 2 (19). S. 10–18.
46. Rusakova O.F. *Osnovnye raznovidnosti sovremennyx teorij politicheskogo diskursa: opyt klassifikacij* // POLITE'KS: Politicheskaya e'kspertiza. T. 2, № 3 SPb., 2006. – S. 191–212.
47. Rusakova O.F. *Sovremennaya politicheskaya filosofiya: predmet, koncepty, diskurs.* – Ekaterinburg: ID «Diskurs-Pi», 2012. – 400 s.
48. Rusakova O.F. *Metaforika i konceptosfera diskursa mobil'nosti* // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2013. № 13. S. 19–25.
49. Rusakova O.F. *Mobil'nost' kak znachimaya xarakteristika myagkoj sily: konceptual'nye aspekty* // Mobil'nost' kak izmerenie myagkoj sily: teoriya, praktika, diskurs: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy molodezhnoj konferencii (Ekaterinburg, 17 oktyabrya 2018). Nauchnoe e'lektronnoe izdanie / Red. O.F. Rusakova, D.M. Kovba. – Ekaterinburg: Izdatel'skij Dom «Diskurs-Pi», 2018. – 110 s. S. 69–72.
50. Rusakova O.F., Gribovod E.G. *Nekotorye itogi pervogo e'tapa Mezhdunarodnoj konferencii «Soft power»: teoriya, resursy, diskurs* // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2014. № 4. S. 191–193.
51. Rusakova O.F., Gribovod E.G. *Politicheskij mediadiskurs i mediatizaciya politiki kak koncepty politicheskoy kommunikativistiki* // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. – 2014. – T. 14, vyp. 4. – S. 65–77.
52. Rusakova O.F., Kovba D.M., Moiseenko Ya. Yu. *«Myagkaya sila»: novye issledovaniya* // Nauka Urala. 24.11.2017. URL: www.uran.ru/node/5124.
53. Rusakova O.F., Kochneva E.D. *Ocenki Oktyabr'skoj revolyucii v oficial'nom diskurse politiki pamyati* // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2017, № 3–4 (28–29). S. 17–30.
54. Rusakova O.F., Maksimov D. A. *Politicheskaya diskursologiya: predmetnoe pole, teoreticheskie podxody i strukturnaya model' politicheskogo diskursa* // Polis. 2006. № 4. S. 26–43.
55. Rusakova O.F., Rusakov V.M. *PR-diskurs: Teoretiko-metodologicheskij analiz.* – 2-e izd., ispr. i dop. – Ekaterinburg: UrO RAN, ID «Diskurs-Pi», 2011. – 336 s.
56. Rusakova O.F., Rusakov V.M. *Diskursy i koncepty «myagkogo vliyaniya» v sovremennom gumanitarnom znanii* // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. T. 10, Vyp. 3. 2012. C. 161–167.
57. Rusakova O.F., Rusakov V.M. *Kruglyj stol «Filosofiya, kul'tura i diskurs*

mobil'nosti» na VII Rossijskom Filosofskom Kongresse // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. № 3–4 (20–21). S. 144–146.

58. Rusakova O.F., Rusakov V.M. Sovremennyy diskurs politiki pamyati // Rossijskaya politicheskaya nauka: idei, koncepcii, metody: Nauchnoe izdanie / Pod red. L. V. Smorgunova. – M.: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2015. S. 228–238.

59. Rusakova O.F., Rusakov V.M. «Diskurs-Pi» 2001–2015 gg.: istoriya sovremennosti cherez prizmu nauchnogo zhurnala // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. № 3–4 (20–21). S. 10–16.

60. Rusakova O.F., Rusakov V.M. Itogi Vtoroj mirovoj vojny v svete evropejskogo diskursa politiki pamyati // Filosofiya vojny i mira. K 70-letiyu Velikoj Pobedy: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Filosofiya vojny i mira: k 70-letiyu Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne». 28–29 aprelya 2015 goda. Moskva, Institut filosofii RAN. – M.: Rossijskoe filosofskoe obshhestvo, OOO «SiDIPressArt», 2016. – 496 s. S. 228–240.

61. Rusakova O.F., Rusakov V.M. Velikaya Otechestvennaya vojna i politika istoricheskoy pamyati. Chast' I // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2016. № 1 (22). S. 10–17.

62. Rusakova O.F., Rusakov V.M. Velikaya Otechestvennaya vojna i politika istoricheskoy pamyati. Chast' II // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2016. № 2 (23). S. 8–17.

63. Rusakova O.F., Rusakov V.M. Paradigma mobil'nosti v sovremennom politicheskom mediadiskurse // Voprosy politologii. Vypusk 4 (24). 2016. S. 79–87.

64. Rusakova O.F., Rusakov V.M. «Myagkaya sila» kak instrument politicheskoy kommunikacii i gumanitarnoj diplomatii // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2017. № 1 (26). S. 61–72.

65. Rusakova O.F., Rusakov V.M. Problemy konceptual'nogo modelirovaniya sushhnosti bol'shevizma: perexod k paradigme mobil'nosti (k 100-letiyu Velikogo Oktyabrya) // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2017. № 2. S. 12–21.

66. Rusakova O.F., Sinel'nikova L.N. IV Mezhdunarodnaya konferenciya «Stilistika segodnya i zavtra» i sozdanie Yaltinskogo diskursologicheskogo kruzhka // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2016. № 1 (22). S. 144–147.

67. Rusakova O.F., Fadeicheva M.A., Gribovod E.G. Ural'skaya shkola politicheskoy diskursologii: innovacionnye napravleniya issledovanij // Doklady Vtoroj Mezhdunar. Nauch. – prakt. konfer., posvyashhennoj pamyati Zhana Bodriyara. / Pod obshhej red. O.F. Rusakovoj. – 21 noyabrya – 14 dekabrya 2007 g. Tom. 2. Ekaterinburg: Izdatel'skij. Dom «Diskurs Pi», 2007. S. 41–43.

68. Sinel'nikova L.N. Diskurs trollinga. Diskurs frazeologicheskix novoobrazovanij // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2016. № 3–4 (24–25). S. 271–285.

69. Sovremennye teorii diskursa: mul'tidisciplinarnyj analiz. (Seriya «Diskursologiya». Vypusk 1). Ekaterinburg: Izdatel'skij Dom «Diskurs-Pi», 2006. – 210 s.

70. Traxtenberg A.D. Diskursivnyj analiz massovoj kommunikacii i paradoksy levogo soznaniya // Polis. 2006. № 4. S. 44–52.

71. Fadeicheva M.A. Diskurs nauchnoj konferencii: «Diskursologiya: Metodologiya. Teoriya. Praktika» // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2013.

№ 1–2 (11–12). S. 294–297.

72. Fadeicheva M.A. Ideologiya i diskursivnye praktiki «nashizma» v sovremennoj Rossii // Polis. 2006. № 4. S. 53–60.

73. Fan I.B. Grazhdanstvennost' v otechestvennom politicheskom diskurse, ili k probleme o tom, est' li demokraticeskij potencial u «russkoj idei»? // Polite'ks: Politicheskaya e'kspertiza. 2006. T. 2, № 2. S. 145–156.

74. Fan I.B. Diskurs mobil'nosti i problematizaciya nacional'nogo grazhdanstva // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. № 2 (19). S. 24–29.

75. Fan I.B. Koncept grazhdanina v zapadnoevropejskoj istorii i kul'ture. Koncept grazhdanina v rossijskoj istorii i kul'ture // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2017. № 1 (26). S. 154–159.

76. Fan I.B. Koncept grazhdanina v rossijskoj istorii i kul'ture // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2017. № 1 (26). S. 160–163.

77. Fan I.B. Liberal'nyj diskurs grazhdanstvennosti // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2017. № 2. S. 170–173.

78. Fursov K.K. Proyavlenie diskursa vrazhdy v zhanre avtobiografii v ramkax processa vertikal'noj politicheskoy mobil'nosti // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. № 2 (19). S. 47–52.

79. Xmelinin A.A., Rusakova O.F. Ideologicheskaya mobil'nost' sovremennogo neoliberalizma: metodologicheskij analiz // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2013. № 13. S. 88–91.

80. Soft power: teoriya, resursy, diskurs / pod red. O.F. Rusakovoj. – Ekaterinburg: Izdatel'skij Dom «Diskurs-Pi», 2015. – 376 s.

UDC 316+327+32.019

DOI 10.17506/dipi.2018.31.2.1029

URAL SCHOOL OF POLITICAL DISCOURSE STUDIES: NEWEST RESEARCH AREAS AND ACADEMIC PRACTICES

Rusakova Olga Fredovna,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Political Sciences, Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Annotation

The article discusses the newest directions of development by Ural scientists, primarily in the face of researchers and graduate students of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, the theoretical and methodological basis of political discourse science as a new branch of modern political research. The content of the main thematic blocks of political discourse, which received theoretical development in collective works and monographs of Ural scholars published in recent years, is revealed. The most important results of the implementation of specific research projects in the field of political discourse are considered, the experience of organizing a scientific exchange in the format of conferences is analyzed.

Key concepts:

political discourse, political discourse, media discourse, soft power discourse, mobility discourse, memory policy discourse, Modernity discourse, post-formal discourse, post-capitalism discourse, neo-Marxist discourse, citizenship discourse, transhumanism discourse, discourse of humanitarian interventions, academic discourse.

УДК 327

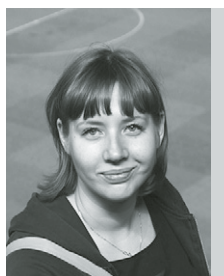
DOI 10.17506/dipi.2018.31.2.30113

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ ВКЛАД УРАЛЬСКИХ УЧЕНЫХ В ИЗУЧЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУРСОВ: СТРУКТУРНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Русакова Ольга Фредовна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
доктор политических наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Грибовод Екатерина Григорьевна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
кандидат политических наук,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: gribovod_kate@mail.ru

Аннотация

Основная цель данной статьи – раскрытие наиболее значимых индивидуальных достижения уральских ученых, работающих в Институте философии и права УрО РАН, в области исследований конкретных видов политического дискурса и методов его анализа.

В обзоре дается краткое описание основной дискурсологической тематики, персонально разработанной уральскими учеными. Все материалы структурированы по тематическим рубрикам, фиксирующих внимание на научных интересах авторов. Содержание рубрик представлено в авторской редакции. Материалы излагаются, главным образом, в форме постулатов и выводов. Разработанная модель обзора позволяет целостно представить вклад каждого уральского ученого в развитие политической дискурсологии.

Ключевые понятия:

дискурс политической философии, дискурс марксизма, дискурс постмодерна, дискурс постфордизма, дискурс посткапитализма, делиберативный дискурс, неолиберальный дискурс, городской дискурс, дискурс гражданственности, дискурс демократии, дискурс конформизма, медиадискурс, дискурс медиатизации политики, дискурс мягкой силы, дискурс мобильности, дискурс политики памяти.

За последние годы представителями уральской школы политической дискурсологии было опубликовано множество трудов в жанрах индивидуальных и коллективных монографий, статей, докладов научных конференций. В целях обобщения опыта каждого уральского дискурсолога в области разработки конкретных тем и проблем, связанных с анализом того или иного вида политического дискурса, мы составили краткий обзор опубликованных материалов. Все материалы тематически структурированы и представлены в форме рубрик. Внутри рубрик размещены тексты в виде постулатов, итоговых обобщений и выводов относительно проделанной работы. Распределение обзорного материала сделано одновременно по алфавитному и тематическому принципам.

Структурно выработанная модель презентации авторских достижений выглядит следующим образом: ФИО автора, ученая степень, должность, название рубрик, отражающих тематику, и проблемы, которые разрабатывает автор. Все материалы рубрик снабжены сносками на источники, то есть на персональные научные труды сотрудников и аспирантов Института философии и права УрО РАН.

Вахрушева Евгения Александровна – кандидат политических наук, ученый секретарь Института философии и права УрО РАН.

Тематика дискурс-исследований

1.1. Дискурс политической философии Фредерика Джеймисона

Обозначены дискурсивные контуры политической философии Фредерика Джеймисона. Показано, что Джеймисон принимает некоторые принципы и категории описания постмодернистского общества и культуры, разработанные постмодернистскими теоретиками, такие как «шизофренический субъект» (Ж. Делез и Ф. Гваттари) и «симулякр» (Ж. Бодрийяр) и в целом концептуализирует культуру современного общества как постмодернизм. Однако в отличие от теоретиков-постмодернистов, для которых свойственны позитивные или нейтральные оценки современных тенденций общественного развития, позиция Джеймисона в отношении этих тенденций носит ярко выраженный критический характер. В этой связи утверждается, что характеристика политической философии Ф. Джеймисона как «неомарксистского постмодернизма», которая фигурирует в российской политической науке, является некорректной. Показывается, что ее следует характеризовать как «постмодернистский неомарксизм», поскольку

именно марксизм является основной методологической рамкой политико-философского проекта Джеймисона [4; 5].

1.2. Дискурс неомарксистской диалектики

Рассмотрены характерные особенности диалектики американского философа-неомарксиста Фредрика Джеймисона. Показано, что Джеймисон привнес в марксистскую диалектику много новых эвристических идей (методологию тотализации и когнитивного картографирования, концепцию метасинхронии) и тем («поздний» капитализм, эстетическое преломление современного капитализма в постмодернизме). Однако при всем этом в политико-философском дискурсе Джеймисона сохраняются и углубляются основные черты диалектики К. Маркса, а именно: классовый подход, трансцендирующая сила диалектического метода, системность и конкретно-исторический анализ социального бытия [88].

1.3. Дискурс о глобализации

Осуществлен анализ критической концепции глобализации Фредрика Джеймисона, ее философских и политических оснований. Показано, что в своей трактовке феномена глобализации американский теоретик исходит из гегелевской идеи о диалектике Тождества и Различия, что проявляется не только в рассмотрении глобализации как диалектики унификации и многообразия, но и в признании диалектики культуры и экономики внутренней логикой развития современного капитализма. На основе сопоставления ключевой для Джеймисона идеи о слиянии различных уровней экономического, культурного и политического как фундаментальной характеристики постсовременности с предлагаемыми им стратегиями противостояния глобализации сделан вывод о том, что главную роль в борьбе с глобализацией Джеймисон отводит стратегии когнитивного картографирования [3].

1.4. Категории пространства и идентичности в постмодернистском дискурсе

Осуществлен анализ категории пространства в концепции постмодернизма Фредрика Джеймисона. Показано, что, с его точки зрения, поздний капитализм порождает политическое и социальное пространство качественно нового порядка, определяющей характеристикой которого является радикальное вытеснение времени как формы восприятия бытия исключительно спатальными формами, что позволяет ему говорить о постмодернизме как о «конце темпоральности». В этих условиях постмодернистский субъект утрачивает способность мыслить будущее, а его сознание редуцируется к пространству «вечного настоящего». Как следствие, перестает выполняться и одна из конститутивных для Джеймисона функций политики – производство образов будущего и утопий.

Исследована проблематика идентичности в работах Фредрика Джеймисона. Установлено, что проблема идентичности предстает у Джеймисона как апория, как неразрешимый конфликт индивида со своим Я и внешним миром. Истоки этой атории лежат в его понимании структуры психики, которое он заимствовал у Лакана. Согласно Лакану, психика человека представлена тремя порядками, или регистрами, – Реальным, Воображаемым и Символическим, – которые коррелируют со стадиями ее развития. Вместе с тем, помещая индивида в исторический

контекст позднего капитализма, Джеймисон обнаруживает, что архаические, «природные» структуры его сознания, ранее прорывавшиеся сквозь порядок Символического, теперь окончательно подавлены [6; 35].

1.5. Дискурсивное поле критических городских исследований

Исследован феномен закрытия городского пространства в условиях реализации неолиберальных политик открытого города. Доказывается, что современный город, структура и развитие которого определяются влиянием капитализма, не может стать подлинно открытым, а реализуемые стратегии открытия городского пространства являются лишь эрзацем подлинной открытости. Сама же идея открытого города представляется как идеологема, цель которой – замаскировать нарастающую закрытость городского пространства. На примере джентрификации показывается, как происходит это закрытие, и фиксируется процесс образования новых границ внутри города, которые территориально закрепляют социальное неравенство [1].

1.6. Критический анализ идеологических дискурсов

Исследована концепция идеологии и ее эволюция в условиях зрелого Модерна. Проанализированы импликации, которые порождают различные версии концепции идеологии. Обоснован вывод, что дискуссии второй половины XX – начала XXI в. существенным образом преобразовали классическую идею идеологии, отразив трансформацию символического поля позднемодерных обществ.

Рассмотрены стратегии деконструкции концепта толерантности, применяемые в рамках современной критической теории. Особое внимание уделено дискурсивному подходу, опираясь на который критики этого концепта демонстрируют, как в современных условиях толерантность превращается в важнейшую идеологическую категорию глобального неолиберального дискурса. Показывая, что политизация идеи толерантности связана с более общей тенденцией к замещению политики культурой, они вскрывают властные и репрессивные компоненты, инкорпорированные в доминирующие дискурсы толерантности [2].

2. Грибовод Екатерина Григорьевна – кандидат политических наук, младший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН

Тематика дискурс-исследований

2.1. Дискурс медиатизации политики

Проведен комплексный анализ дискурса медиатизации политики. Выявлены основные подходы, формирующие теоретико-методологический скелет исследуемого направления политической коммуникативистики. Разработан авторский подход к осмыслению феномена медиатизации политики. Данный концепт рассматривается, с одной стороны, как «институционально-коммуникативный процесс, обеспечивающий внутреннюю и внешнюю коммуникации в институтах политического управления», а с другой стороны, как «информационно-стратегический ресурс, применяемый для адаптации социальных институтов к новым формам

средств массовой коммуникации и информационно-коммуникационным технологиям». Введен в научный оборот политической коммуникативистики ресурсно-стратегический и институционально-коммуникативный подходы.

Предложено авторское определение медиатизации политики как «информационно-коммуникативный процесс, трансформирующий политическую сферу в направлении ее медийной технологизации и доминирования медийного дискурса» [9; 10; 191].

2.2. Дискурс медиатизации как аспект коммуникативной практики

Исследована роль и место медиатизации в условиях быстрого распространения цифровых форм коммуникаций в современном обществе. Выявлен многослойный и объемный характер данного концепта. В результате усиления процесса медиатизации, появления новых форм массовой коммуникации, в частности цифровых, коммуникативная практика трансформируется вследствие широкого распространения микро-субъектов коммуникации (блоги, акаунты в социальных медиа и др.), снижения «барьера входа» в коммуникативный процесс на разных уровнях и др.

С позиции политической коммуникативистики рассмотрены основные категории концепта «медиатизация», а именно: медиадискурс, медиапространство, медиатизация политики, медиаполитическая система, медиатизированное общество, медиацентрированная демократия. Выявлена их взаимосвязь друг с другом. Таким образом, медиатизация оказывает воздействие на коммуникативную сферу общества, очерчивая структурные изменения как на уровне дискурсов, через речевые конструкции и медиадискурсы, так и на уровне коммуникативных практик [8; 16].

2.3. Дискурс информационно-стратегических ресурсов медиатизации политики: новые медиа и информационные технологии

При исследовании медиатизации политики как информационно-стратегического ресурса были выделены социальные медиа, а именно социальные сети, блоги, мессенджеры и др., а также информационные технологии («Twitter-революция», «Умная толпа» и др.). Представлена авторская трактовка информационно-стратегического ресурса как общности информационных и медийных технологий, применяемых для роста информационного потенциала актора и для решения разноуровневых задач, в том числе и в долгосрочной перспективе. В контексте медиатизации политики был четко определен функционал социальных медиа: во-первых, платформа для диалога; во-вторых, осуществление контроля и мониторинга; в-третьих, источник информации.

Сделан вывод, что информационные технологии, способствующие самоорганизации социума, приводят как к положительным, так и отрицательным эффектам. Особенно нужно выделить стандартизацию, упрощение контента, мобильность, портативность и др. Было установлено, что применение ресурсной базы медиатизации политики позволяет политическим акторам интегрироваться и адаптироваться к цифровому обществу, а также проектировать медийную идентичность и налаживать процесс коммуникации с разными целевыми группами [10; 11; 12; 190].

2.4. Дискурс мягкой силы ШОС

Одним из ключевых этапов в развитии ШОС является формирование и усиление своего информационного пространства – медийного образа проектируемого в виртуальном пространстве мировой политики. Этот важный элемент становится составной частью мягкой силы организации. С помощью информационно-стратегических ресурсов медиатизации политики происходит создание и укрепление дискурса мягкой силы ШОС.

В основу дискурса мягкой силы ШОС заложена система ценностей и норм – «шанхайский дух», которую разделяют все страны – участницы организации. Кроме того, дискурс ШОС – это дискурс евразийских государств с общими геополитическими, экономическими и гуманитарными задачами и проблемами. Именно дискурс мягкой силы ШОС может стать идейно-ценностным ядром формирования проекта Большой Евразии. Стоит отметить, что с помощью индикаторного анализа – Индекса сетевой готовности (Networked Readiness Index) произведена оценка потенциала медиатизации и ресурсов мягкой силы стран ШОС.

Таким образом, дискурс мягкой силы ШОС направлен на популяризацию политики организации среди населения стран, входящих в нее, укрепления символического образа и информационной идентичности ШОС в цифровом пространстве международных отношений, а также может применяться как компонент информационной политики, направленной на оперативное реагирование на глобальные вызовы и угрозы [7; 13; 14; 15; 242].

3. Давыдов Дмитрий Александрович – кандидат политических наук, научный сотрудник Института философии и права УрО РАН

Тематика дискурс-исследований

3.1. Дискурс посткапитализма

Термином «посткапитализм» можно обозначить любую общественную систему, наступление которой можно ожидать после заката/снятия/уничтожения капитализма. Дискурс посткапитализма сегодня имеет ряд новых существенных черт, ранее не репрезентировавшихся в дискурсах классического и неомарксистов, теорий постиндустриального и информационного общества и т. п. В этом смысле дискурс посткапитализма предстает в виде набора устойчивых повторяющихся означающих, на основе которых складывается соответствующий способ интерпретации современных социально-политических и глобальных трансформаций. Дискурс посткапитализма характеризуется, прежде всего, некоторой дистанцированностью от марксизма, попытками избежать пересечений с устоявшимися идеологическими клише о коммунизме. Это связано с рядом искажений идей К. Маркса и Ф. Энгельса о желательных способах перехода к социалистическому обществу и объективных предпосылках такого перехода, что привело к появлению устойчивых мифов, отождествляющих социализм и коммунизм с тоталитарным строем или бюрократическим «застоем», а коммунистическую революцию – с «кровавой» революцией пролетариата [18; 21].

3.2. Концептосфера понятия «посткапитализм»

Дискурс посткапитализма – это дискурс поиска «капиталистического пути к коммунизму» (Р. Ван дер Веен, Ф. Ван Парийс), характеризующийся смещением символических акцентуаций с различных аспектов социально-политической борьбы к изучению экономико-технологических трансформаций современного общества, которые приведут к почти «автоматическому» сворачиванию капиталистического миропорядка. Отсюда нередкое соседство концепта «посткапитализм» с концептами «общества знаний» (П. Друкер), «третьей промышленной революции», «общества нулевых предельных издержек», «общества сотрудничества» (Дж. Рифкин). С этим же связан особый интерес авторов концепций посткапитализма к исследованиям проблем автоматизации производства, трансформаций трудовых практик, роста сетевых взаимодействий (П. Мейсон и др.), возвышения креативного класса, появления прекариата как нового «страдающего класса» (Г. Стэндинг) и т. п.

Предлагается наполнить понятие «посткапитализм» новым содержанием: это не только некоторое благоприятное состояние «после» капитализма, к которому можно подойти не обязательно тем путем, который предлагался К. Марксом и Ф. Энгельсом. Возможно, это также некоторое состояние, которое сложно назвать коммунизмом или социализмом в «хорошем» смысле как общество свободного труда и повсеместной творческой самореализации. Посткапиталистическое общество вполне может формироваться как общество всеобщего отчуждения, неравенства возможностей, как общество «проблем личности», «технологической сингулярности» и повсеместных экзистенциальных угроз, исходящих от перспектив развития и применения таких технологий, как искусственный интеллект или генетическая трансформация зародышевой линии человека. Поэтому эвристический потенциал понятия «посткапитализм» видится более значимым, чем понятий «коммунизм» и «социализм», так как фактически оно больше соответствует неопределенности будущего человеческой цивилизации [17; 18; 19; 20; 21].

4. Дьякова Елена Григорьевна – доктор политических наук, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН

Тематика дискурс-исследований

4.1. Дискурс массовой коммуникации

Сделан вывод о том, что теоретическое осмысление дискурса массовой коммуникации связано с разработкой микро- и макроуровневых теорий политической коммуникации. Исследования политической коммуникации первоначально базировались на ранних концептуальных представлениях о массово-коммуникационных процессах, получивших образные названия: теория «волшебной пули» и теория «иглы». Эти теории исходили из предположения об огромных возможностях информационно-пропагандистского воздействия на массовую аудиторию, напоминающую пациента, чье состояние начинает меняться после получения дозы лекарственного препарата в виде инъекции. Последующие ис-

следования показали, что воздействие СМИ на индивида не является прямым, а опосредуется микрогруппами, лидерами общественного мнения.

В последние десятилетия одним из ведущих теоретических подходов к изучению воздействия СМИ на политическое поведение граждан является концепция «установления повестки дня» («agenda-setting»). С точки зрения данной концепции воздействие СМИ на аудиторию носит «конструирующий» характер: когда пресса, радио и телевидение начинают уделять более пристальное внимание освещению тех или иных событий и проблем, именно эти события и проблемы начинают восприниматься аудиторией в качестве наиболее важных и значимых [22; 23; 29; 30; 33].

Работа проводилась совместно с А.Д. Трахтенберг.

4.2. Дискурс информационного общества и концепт «электронное правительство»

Рассмотрена структура концепта «электронное правительство», обоснован его идеологический характер, связанный с транслируемым этатистским дискурсом. В концепте выделены четыре четко выраженные сферы взаимоотношений:

- между государственными службами и гражданами (government-to-citizen: G2C);
- между государством и частными компаниями (government-to-business: G2B);
- внутри государственных организаций между их сотрудниками (government-to-employee: G2E);
- между различными государственными органами и уровнями государственного управления (government-to-government: G2G).

Сделан вывод о том, что электронное правительство является элементом глобального дискурса «информационного общества». Хотя дискурс «информационного общества» возник на основе академического дискурса «постиндустриального общества», он носит выраженный этатистский характер, поскольку конструировался и легитимизировался силами национальных государств в их разнообразных программах и стратегиях.

В России дискурс «информационного общества» получил окончательную легитимацию в 2008 г. с принятием «Стратегии развития информационного общества в России» [24; 25; 26; 27].

4.3. Дискурс административной моды и дискурс soft power

Проведен анализ механизмов формирования глобальной административной моды как проявления soft power на примере парадигмы «новое государственное управление». Показано, каким образом управленческая мода формируется на локальном уровне путем создания коалиции тренд-сеттеров, а затем закрепляется путем включения в политическую повестку в качестве основы для реформы государственного управления. Превращение локальной управленческой моды в глобальную предполагает превращение локальных тренд-сеттеров в глобальных. Именно этот процесс выступает основным проявлением soft power или «мягкой силы». Возможностью и способностью превращать локальное в глобальное наделены далеко не все страны. В сфере государственного управления

такими возможностями располагают, прежде всего, США, сыгравшие главную роль в формировании и распространении базовой современной парадигмы «нового государственного менеджмента».

Использование риторики нового государственного менеджмента на локальном уровне свидетельствует об успешном применении глобальной административной моды для принятия ситуативно обусловленных решений. За «коллективной верой» в глобальную управленческую модель скрывается борьба между участниками локальных реформ за право определять их концепцию [28; 31].

Работа проводилась совместно с А.Д. Трахтенберг.

4.4. Дискурс экспертизы и совещательно-консультативных органов

Несмотря на то, что количество и значение консультативных органов при исполнительных органах власти во всем мире постоянно растет, сравнительный анализ функционирования таких органов в разных административных традициях практически отсутствует. Чтобы заполнить этот пробел, был проведен сравнительный анализ дискурса о совещательно-консультативных органах в США и Российской Федерации. Материалом для анализа послужили нормативно-правовые акты, экспертная литература, подготовленная органами власти, и академические исследования.

В ходе исследования была выдвинута гипотеза о том, что проблемы, которые устойчиво воспроизводятся в дискурсе консультативных органов, будь то американские совещательные комиссии или российские общественные советы, достаточно полно отражают национальную административную специфику, в том числе и потому, что оказываются принципиально нерешаемыми в рамках данной административной системы.

На основе анализа Федерального акта о совещательных комиссиях (The Federal Advisory Committee Act, FACA) 1972 года, а также практики его правоприменения, автор пришел к выводу о том, что в США совещательные комиссии выступают как механизм получения и использования органами власти экспертного знания, накопленного гражданским обществом. Поэтому центральной проблемой дискурса является вопрос о соотношении экспертов-профессионалов, являющихся носителями специализированного (в том числе научного) знания, и «экспертов-мирян», которые располагают житейским опытом, связанным с данной сферой, включая опыт защиты своих интересов. Показано, что данный вопрос так и не получил удовлетворительного решения.

В Российской Федерации консультативные органы вписаны в принципиально иной контекст государственного управления. Анализ российского дискурса об общественных советах, включая федеральное и региональное законодательство (на примере Свердловской области), показал, что основной целью деятельности общественных советов считается контроль за деятельностью органов исполнительной власти (то есть функция, которую в США исполняют органы законодательной власти). Поэтому главной проблемой становится проблема самостоятельности и независимости общественных советов от тех органов власти, при которых они функционируют. Данная проблема решается в духе отечественной административной традиции: через контроль за формированием и деятельностью общественных советов со стороны структуры, внешней по от-

ношению к органам исполнительной власти. В роли такой структуры выступают Общественные палаты всех уровней.

Проведенное исследование показало, что то, какая проблема выступает в дискурсе о совещательно-консультативных органах в качестве ключевой, то есть постоянно воспроизводится в общественных дискуссиях и процессе правотворчества и правоприменения, зависит от целого комплекса факторов, определяющих характер административной традиции: типа государственного устройства, характера политического режима, господствующего типа административной культуры и т. д. [32; 34].

5. Ильченко Михаил Сергеевич – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН

Тематика дискурс-исследований

5.1. Дискурсивный конструкт «советского» в российской политике

В ходе исследования установлено, что дискурсивный конструкт «советского» в современных российских условиях превратился в одну из самых мощных и устойчивых риторических фигур, закрепившихся и активно воспроизводимых в самых различных контекстах. Утверждается, что скрывающееся за термином «советское прошлое» разнообразие эпох, слоёв социальности и культурных измерений априори является фактором жёсткой ценностной и идеологической дифференциации. Показано, что отсылая к известным, привычным, узнаваемым образам, риторика советского в сегодняшних условиях маркирует совершенно новые, малопонятные феномены, неочевидной природы и характера развития. Эта риторика не является результатом осознанного конструирования или стратегии власти. Она, наоборот, выступает побочным продуктом отсутствия таких стратегий, и потому не поддаётся какой-либо идеологической дешифровке [40].

5.2. Архитектурный дискурс советского авангарда

В ходе междисциплинарного исследования рассмотрены особенности и логика изменений языковых репрезентаций архитектуры советского авангарда в историческом контексте и современном публичном дискурсе. Показано, что анализ различных риторических контекстов архитектуры авангарда даёт возможность использовать её как своеобразную историческую проекцию, позволяющую раскрыть доминирующие в общественном сознании способы восприятия власти и социальных символов через рассмотрение архитектурных и пространственных форм. Выявлены черты и проанализированы особенности «утопического» прочтения авангардной архитектуры, предлагающего новый способ символического восприятия советской эпохи через эстетику «несостоявшегося будущего».

В ходе исследования осуществлён анализ символической трансформации территорий советской застройки и особенности их включения в культурно-символическое пространство современного мегаполиса. Было установлено, что эти территории в состоянии производить новые смыслы и значения, на основе которых могут быть сформированы новые механизмы их репрезентации в со-

временном публичном пространстве. В частности, в ходе дискурсивного анализа практик символической репрезентации районов советской индустриальной застройки 1930–1950-х годов было показано, что в публичной риторике за последнее десятилетие утвердилось несколько новых способов восприятия этих территорий и соответствующих им типов дискурса: дискурс «наследия», дискурс «нереализованной утопии», дискурс «культурных изменений». Показано, что такие дискурсы могут стать основой для формирования новых локальных городских идентичностей, утверждая особую символическую привязку к территории, наполняя её новым смысловым содержанием и одновременно стимулируя новые формы социальной активности среди жителей [37; 42; 44; 243; 244].

5.3. Городской дискурс в постфордистской перспективе

В ходе исследования осуществлён теоретический анализ ключевых объяснительных моделей и концепций постфордизма, а также дана оценка их соотносимости с методологическими особенностями изучения городских трансформаций в российском контексте. Показано, что основная сложность изучения динамики развития городов в современной России объясняется одновременным протеканием в их среде разнородных процессов, традиционно относимых теориями социальной науки к различным фазам трансформации городских систем. Обоснован тезис о том, что, в отличие от западных государств, Россия не преодолела кризис фордистского города, протекание которого в постсоветских условиях совпало с утверждением новых постиндустриальных практик и одновременной необходимостью отвечать на связанные с этим вызовы, характерные для новых глобальных городов.

Исследование ставило целью выявить институциональные и символические формы влияния советского наследия на развитие современного российского городского публичного пространства, а также проанализировать механизмы и способы трансформации «советского» в динамике городских процессов. Проведённый анализ показал, что процесс трансформации сформировавшихся в советский период городских публичных пространств определяется сегодня не столько физической перестройкой их архитектурного ландшафта, сколько новыми формами его символизации и утверждения новых способов его восприятия. Было установлено, что преодоление основного инерционного эффекта таких пространств становится возможным, прежде всего, благодаря новым формам их «освоения» горожанами, а также их последующей символической перемаркировке. Именно это позволяет включить их в текущую динамику городского развития и превратить в живой пространственный организм [36; 38; 39; 41; 43].

6. Исаков Александр Сергеевич – старший преподаватель УИУ РАНХиГС при Президенте РФ, аспирант Института философии и права УрО РАН

Тематика дискурс-исследований

6.1. Особенности дискурса в восточных исламских политиях

В центре исследований – рассмотрение дискурса в восточных исламских политиях как особого объекта, имеющего аутентичную, зачастую автохтонную

природу функционирования. Предложен подход, предполагающий анализ дискурсивных комплексов и практик исходя из их взаимосвязи с политическими изменениями. В основу анализа политических изменений положена авторская методология, подразумевающая сочетание двух доминирующих в российском исламоведении подходов: цивилизационного и универсалистского. Результатом данного синтеза является эвристическая попытка рассмотрения политических изменений сквозь призму мазхабов – правовых школ религии, исторически детерминирующих отношение населения мусульманских стран, безотносительно вероисповедания, к возможности любых социальных, экономических и политических трансформаций.

Отдельное внимание автор уделяет изучению влияния глобальных событий на политическое пространство исламского Востока. К подобным событиям относят как сравнительно далекие «исторические» процессы, как деколонизация, так и более актуальные, например, события так называемой «Арабской Весны». Последним уделяется большое внимание и приводится тезис о том, что существует две интерпретации: краткосрочная, как сумма революций и антиправительственных акций, так и долгосрочная – системная трансформация политического пространства мусульманских стран [47; 53; 54; 71].

6.2. Дискурс исламизма

Автор рассматривает дискурс исламизма как многогранное явление, отмечая множество стереотипов в научно-исследовательской среде к данному концепту. Изучая терминологическую природу и особенности обозначения, проводятся компаративные исследования относительно иных схожих концептов, таких как фундаментализм, джихадизм, салафизм, ваххабизм, политический ислам и иные. В целом, делается вывод, что исламизм, и характеризующий его дискурс, обозначают политическую активность под эгидой религии. Как продукт исламских политий, данный феномен используется в качестве инструмента легитимации тех или иных политических изменений, а также как способ мобилизации, связанный с политической борьбой. В иных отношениях данный термин политически нейтрален и не несет в себе презумпцию позитивных или негативных коннотаций [49; 50].

6.3. Специальные дискурсы в странах исламского Востока

В ходе исследований восточных исламских политий автором делается вывод, что иные дискурсы, как то дискурс мягкой силы, агональный дискурс, дискурс мобильности и иные, имеют специфические особенности в странах исламского Востока. В частности, понимание мягкой силы трансформируется соразмерно качественным характеристикам целевых аудиторий. Благодаря этому может возникать определенный парадокс, когда использование «жестких» методов на внутренней арене или во внешнеполитических сношениях может восприниматься в контексте «мягкого» влияния. Ярким примером этого служит политика основных игроков: Саудовской Аравии, Ирана и Турции.

В основе отечественного понимания агонального дискурса в Исламе лежит умозаключение о наличии естественного конфликта между суннитами и шиитами в умме. Причем в большей степени речь идет не о догматическом споре, а о противостоянии в выработке оптимальных концепций государственного

строительства и легитимации политической власти. При этом эрозия современного мира трансформирует данный конфликт в более сложные концепции, когда традиционные религиозные отличия уступают место иным факторам. В качестве эвристического допущения можно обозначить, что агональный разлом современности в мусульманских странах проходит по двум линиям. Во-первых, в связи с особенностями политической модернизации, реализуемых в странах-лидерах исламского Востока, в основе которых этические разногласия, вызванные разницей правовых школ – мазхабов. Во-вторых, по линии формируемых идентичностей: национализм против универсализма.

Подобные же особенности закономерно существуют и в отношении дискурса мобильности. Границы мобильности во внесекюлярных обществах очерчивает религия, а точнее – ее политическое выражение. В этом контексте особую роль играют исламизм и политический ислам (как сумма политический концепций, аккумулированных религий), а также уже обозначенные различия в правовых школах [45; 46; 48; 51; 52; 53; 56].

7. Ковба Дарья Михайловна – кандидат политических наук, младший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН

Тематика дискурс-исследований

7.1. Дискурс регионального имиджа

Исследована проблематика регионального имиджа как сложившегося в массовом сознании эмоционально окрашенного образа. Указано, что имидж региона может формироваться либо стихийно, либо в результате работы специалистов, использующих средства массовой коммуникации и другие инструменты. Выделены три уровня трансляции имиджа: 1) внутренний (направленность на жителей данного региона); 2) уровень государства; 3) международный уровень. Раскрыто понятие «гуманитарный имидж региона» как совокупность представлений людей по поводу культурного потенциала региона, развитости искусства, научной деятельности и архитектурно-исторического наследия. На примере Свердловской области продемонстрированы возможные инициативы власти для построения гуманитарного имиджа. Сделан вывод о том, что имидж является важным подспорьем для участия в конкурентной борьбе российских регионов за инвестиции, социальные и культурные проекты, транспортные, информационные, туристические потоки и специалистов [58].

7.2. Дискурс региональной идентичности как инструмент мягкой силы

Высказана идея о том, что региональный уровень идентичности играет роль своеобразной «мягкой власти», воздействующей на членов сообщества без применения силовых методов. Показано, что основы формирования идентичности являются одновременно инструментами воздействия «мягкой силы» (мифология, коллективная память, символы и традиции). Формирование мифологии, в инструментальном смысле, помогает властной элите решать региональные стратегические и собственные задачи, а в социальном – упорядочивает разроз-

ненные факты местной истории, объединяет сообщества общими ценностями и идеями. Коллективная память важна в плане осознания единства и своеобразия событий прошлого. «Мягкая сила» регионального дискурса создает и поддерживает способы означивания реальности при помощи прошлого опыта, вкладывая в него новые смыслы. Региональные политики имеют возможность продвигать способы толкования реальности посредством утверждения символики, изобретения традиций, что, в итоге, помогает конструировать дискурс региона, добиваться решения насущных задач, формировать чувство идентичности, сглаживать этнические и социальные конфликты. Выделены два направления исследования «мягкой силы» идентичности: 1) стратегическое использование ресурса идентичности; 2) социально-культурное направление [59].

7.3. Дискурс мягкой силы

Подробно исследован дискурс «мягкой силы» и его место в современной политической науке и международной практике. Доказано, что концепт не является чем-то принципиально новым, так как схожие идеи возникали задолго до активного обсуждения теории «мягкой силы» в американских академических кругах и публицистике. Утверждается, что среди множества понятий дискурсивного пространства ближе всего к рассматриваемому явлению стоит учение о культурно-идеологической гегемонии итальянского философа-марксиста А. Грамши.

Показано, что теория «мягкой силы» относится к реляционной концепции власти (власть рассматривается как отношения между акторами, один из которых оказывает влияние на другого, при этом крайне важен результат поведения акторов). Затронут вопрос методологии оценки «мягкой силы» различных государств. Уточнен спектр целей, для достижения которых возможно использовать «мягкие» стратегии (усиление безопасности, мобилизация и кооптация союзников, достижение статуса глобального или регионального лидера, а также некоторые внутренние цели). Предложено разграничивать пассивный потенциал soft power страны и активные действия (стратегию). Пассивная «мягкая сила» включает в себя культурное наследие, привлекательную политику, идеи и ценности, а также некоторые другие позиции, которые могут выглядеть привлекательно и вызывать желание подражать (например, экономическая модель). Действия по увеличению «мягкой силы» могут включать общественную дипломатию, институциональную деятельность, улучшение имиджа страны и другие. Заключено, что концепт «мягкой силы» обладает большим аналитическим и практическим потенциалом [60; 67; 193].

7.4. Концепт мягкой силы в отечественном политологическом дискурсе

Проведен анализ процесса вхождения концепта «мягкая сила» в российский политологический дискурс и политическую сферу. Обозначен круг авторов, сделавших концепт «мягкой силы» специальным предметом своих исследований (В.М. Капицын, М.М. Лебедева, Е.Г. Пономарева, О.Ф. Русакова, О.В. Столетов и др.). Указано, что, по мнению отечественных исследователей, рост «мягкой силы» России является важной задачей, позволяющей обеспечить ее безопасность и повысить эффективность внешней политики. Регион, на кото-

рый в первую очередь должна быть направлена «мягкая сила», – страны бывшего СССР. Выделены подходы к исследованию «мягкой силы», распространенные в российской академической среде (структурный, процессно-ориентированный, измерительно-инструментальный и технологический). Утверждается, что в отечественной науке получило распространение настороженное отношение к «мягким» технологиям. Исследован процесс закрепления термина в нормативных документах. Выделены организации, занимающиеся вопросами увеличения «мягкой силы» России: Общественная палата РФ, в частности, Комиссия по международному сотрудничеству и общественной дипломатии, Россотрудничество, фонд «Русский мир», фонд поддержки общественной дипломатии имени А.М. Горчакова, различные имиджевые проекты и экспертные форумы. Обозначены проблемные области, связанные с попытками овладеть ресурсом «мягкой силы» [66].

7.5. Дискурс мягкой силы стран Восточноазиатского региона

Исследован дискурс «мягкой силы» государств Восточной Азии, особенности его адаптации к национальным условиям. Утверждается, что китайские авторы максимально адаптировали концепт «мягкая сила» к местной специфике. Они, следуя политике КПК, заключили, что soft power должна служить целям распространения национальной культуры и строительства социализма. В японской модели «мягкой силы» ставка сделана не столько на популяризацию традиционной культуры, сколько на увеличение производства поп-культуры (Cool Japan). Южнокорейская модель soft power связана с продвижением таких национальных ресурсов, как коммерческие и культурные бренды (Korean Wave), удачно завершившиеся процессы модернизации и демократизации. Указано, что вопросами увеличения «мягкой силы» занимаются в рамках общественной дипломатии. Проведен сравнительный анализ структур, занимающихся осуществлением данного вида дипломатии в Китае, Южной Корее, Японии. Показано, что различие состоит в степени централизации структур (наибольшая централизация характерна для Китая). Сделан вывод о том, что стратегические модели «мягкой силы» стран изучаемого региона демонстрируют большое разнообразие в концептуальном осмыслении механизмов и ресурсов «мягкой силы», в освоении новых направлений деятельности, представленных в виде культурной, ресурсной, научно-технологической, медиа-дипломатии и дипломатии помощи.

Изучены дискурс и стратегии «мягкой силы» КНР. Указано, что характерной чертой китайского дискурса является акцент на культурные рычаги в сочетании с уходом от обсуждения политических ценностей и идеологии. Выделены основные подходы к изучению soft power в Китае: 1) структурный (создание оригинальных моделей «мягкой силы»); 2) ресурсный (изучение символических и других «мягких» ресурсов); 3) двунаправленный подход (оценка влияния «мягких» стратегий на международные отношения и внутригосударственную политику); 4) негативистский подход (отрицание важности теории «мягкой силы»). Исследованы практические шаги, направленные на увеличение soft power КНР.

Рассмотрено влияние состояния гражданского общества Китая на потенциал «мягкой силы» данной страны. Показано, что китайские власти позитивно относятся к деятельности структур гражданского общества, занятых социальными проблемами и негативно настроены к организациям, стремящихся участвовать

в решении политических вопросов. Исследована нормативная база, касающаяся деятельности организаций гражданского общества. Указано, что законы о благотворительности и об иностранных неправительственных организациях призваны обеспечить стабильность и предсказуемость внутривнутриполитической жизни [62; 63; 64; 68; 69; 194; 242].

7.6. Дискурс академической мобильности

Утверждается, что такие феномены, как мобильность, сеть и глобализация стали характерными чертами современности, причем термин «мобильность» сегодня затрагивает не только физические характеристики (место жительства, капитал и тому подобные), но и информацию, навыки, идеи. Выделены направления изучения дискурса академической мобильности: теоретическая интерпретация понятия; исследование политики образовательного рынка; характеристика мобильной личности студента; выявление неравенства в сфере мобильности; анализ вызовов и угроз, которые несет за собой мобильность; исследование позитивных следствий академической мобильности. Установлена связь между понятиями «мягкая сила» и академическая мобильность. Исследованы особенности американских образовательных программ и их вклад в усиление позиций США на международной арене. Проведен анализ китайских образовательных программ, способствующих повышению академической мобильности, которые действуют, в том числе, в России. Установлено, что РФ – один из ключевых пунктов распространения китайского языка и культуры в силу пограничного расположения с КНР и статуса стратегического партнера. Выделены позиции, сложившиеся в российском научном и публичном сообществах, по отношению к культурно-образовательной политике Китая в нашей стране [61; 65; 70].

8. Кондрашов Пётр Николаевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН

Тематика дискурс-исследований

8.1. Дискурс повседневности

Проанализирован феномен повседневности посредством деятельностного подхода, разработанного в работах К. Маркса, Г.С. Батищева, Э.В. Ильенкова, П.Я. Гальперина, и было показано, что философия Маркса, обычно трактуемая как «Большая теория» (наподобие структурно-функционального анализа), на самом деле оказывается также и социальной микротеорией, в рамках которой можно анализировать непосредственные (прежде всего повседневные) условия бытия людей, содержание их обыденного языка и сознания, обычного поведения и взаимодействия людей. Более того, именно из анализа повседневности, ее имманентных механизмов и структур можно объяснить и понять историчность социального бытия, ибо социальные и политические революции оказываются лишь кульминацией бесчисленного множества незаметных для глаз повседневных изменений, возникающих в подручности, организации, быте, производстве, общественных отношениях, семье, языке, эмоциональной сфере [75; 81; 89; 94].

8.2. Дискурс историчности

Проведена экспликация взглядов К. Маркса на *историчность*, в результате которой показано, что в философии К. Маркса имеется *оригинальная концепция историчности*, согласно которой в основе социально-исторического процесса лежит праксис, т. е. сознательная (целеполагающая) совместно-раздельная предметная преобразующая активность людей, представляющая собой процесс преобразования объекта субъектом с помощью орудий труда в целях удовлетворения своих потребностей. Праксис, являясь родовой сущностью человека и способом его бытия в мире, представляет собой диалектическое *единство (тотальность) материальной и духовной деятельности, субъекта и объекта, опредмечивания и распределмечивания*.

Именно в *преобразующей сущности* праксиса онтологически фундируется *историчность*: изменяя мир природы и предметов в целях удовлетворения потребностей (понимаемых в самом широком смысле), люди перманентно не только производят и воспроизводят свое наличное бытие, но и постоянно создают новые предметы, идеи, отношения, институты, символы и т. д., т. е. *качественно преобразуют внешний и внутренний мир*.

Последовательный, непрерывный, когерентный темпоральный *процесс практического преобразования* людьми фактичного мира, сохранения изменений в структурах нового и передачи нового будущему есть *историчность социального бытия*. В силу того, что осуществляемые людьми преобразования пронизывают все без исключения (и материальные, и духовные) элементы социального бытия, историчность представляет собой также и атрибутивное свойство структур социальной реальности *развиваться* в процессе реализации праксиса. Однако, несмотря на целеполагающую сущность человеческой деятельности, социально-исторический процесс, согласно Марксу, является процессом *каузальным* (естественноисторическим, эволюционно-революционным), а не телеологическим.

Праксис, лежащий в основе социально-исторического бытия, представляет собой *диалектическую тотальность* материальной и идеальной активности, следовательно, изменения производственных структур с необходимостью репрезентируются во внутреннем мире людей, переживаются ими эмоционально, и следовательно, историчными оказываются не только материальные, но и эмоциональные структуры человеческого бытия. В трудах К. Маркса можно выделить три основных *способа понимания истории: социально-производственный, антропологический и экзистенциальный*.

Философия Маркса – это не экономический, технический или социологический редуционизм, а *праксеологическое (деятельностно-антропологическое) понимание историчности социального бытия*, согласно которому фундаментальными субъектами и объектами исторического процесса являются *производящие в обществе конкретные живые индивиды*, а не анонимные бессубъектные структуры (производительные силы, производственные отношения, классы, техника, экономические законы). Методология философско-исторического исследования Маркса представляет собой синтез материалистического (в узком смысле) и идеалистического понимания истории, в рамках которого динамика исторического процесса объясняется наиболее *действенными* факторами целостного праксиса,

в качестве которых на разных стадиях человеческой истории выступают либо материальные, либо идеальные моменты деятельности, либо их синтез [74; 76; 77; 78; 84; 86; 90; 91; 93; 94; 95; 96; 97].

8.3. Экзистенциально-антропологический дискурс марксизма

Выявлен экзистенциальный план философии К. Маркса. Обосновано, что философия Карла Маркса представляет собой одну из форм экзистенциальной философии (но не экзистенциализм, не экзистенциалистскую философию), под которой понимается такой тип философствования, в котором основными проблемами являются проблемы человека, подлинности и неподлинности его *существования-в-мире (in-der-Welt-sein)*, его отношений с миром и внутреннем неравнодушном переживании этих отношений.

Показано, что в философии К. Маркса так или иначе затрагиваются все базовые вопросы экзистенциальной философии, а именно: проблемы сущности и существования, экзистенции, бытия-в-мире, страдания, подлинности и неподлинности человеческого бытия, отчуждения (*Entäußerung, Entfremdung*), экзистенциальной темпоральности и историчности. Делается вывод, что философия К. Маркса представляет собой рационалистическую, гуманистическую и революционно-оптимистическую версию экзистенциальной философии, ибо полагает, что свою подлинность человеческое бытие обретает не в-самом-себе, а только в активном трансцендировании экзистенции в мир.

Выявлены текстологические и семантические ситуации, в которых философская терминология К. Маркса приобретает *экзистенциальное* звучание, и поэтому требует новой интерпретации. Показано, что в текстах Маркса всех периодов его творчества имеется множество понятий, имеющих экзистенциальную семантику, но которые до сих пор большей частью не рассматриваются в качестве значимых категорий в терминологическом тезаурусе марксовской мысли. Такие важнейшие понятия, как *страдание, страсть, чувственность, равнодушие, бесчеловечность, обезчеловечивание, скотство, наслаждение, мучение, радость жизни, мерзость* и т. д., оказывались за рамками анализа дискурса философии марксизма. Исходя из этого был поставлен вопрос о возможности построения системы экзистенциальных категорий в философии Маркса наряду с системой социально-философских категорий. Описаны попытки рассмотрения в качестве исходных категорий экзистенциальной философии Маркса таких понятий, как *отчуждение, телесность, чувственность, потребность, нехватка, нужда, жизнь, предметность, человеческое отношение к миру*. Со своей стороны, в качестве базового понятия для построения системы экзистенциальных категорий Маркса, автор предлагает принять категорию *страдания (Leiden)*, в которой фундируется фундаментальное свойство человека существовать *в качестве человека* только через свое *неравнодушное (со-страдательное) отношение, общение (Verkehr)* с миром. Далее была предпринята попытка развернуть категориальный ряд: *страдание – практика – отсвоение (Äußerung) / присвоение (Aneignung) – общение (Verkehr) – неравнодушное отношение к миру – неподлинное, отчужденное бытие в мире (Entäußerung, Entfremdung) – освобождение – подлинное человеческое бытие (Selbstbetätigung)* [72; 73; 79; 82; 83; 85; 86].

8.4. Дискурс постфордизма

Под постфордизмом понимают новую систему организации промышленного производства, появившуюся в 1980-е гг., и заключающуюся в переходе от массового конвейерного производства к мелкосерийному выпуску широкого ассортимента товаров, которые постоянно модифицируются с учетом запросов потребителей.

В различных странах и регионах переход от фордизма к постфордизму осуществляется весьма разными темпами. Например, если производство электроники и бытовой техники уже функционирует по принципам постфордизма, то сектор металлургии или «fastfood» продолжает развиваться на принципах фордизма. Постольку, поскольку предприятия, организованные на постфордистских принципах, нацелены на производство специализированных (мелкосерийных) товаров и услуг для сегментированных рынков, но уже включённых в глобальные рынки.

Постановка вопроса о существовании или несуществовании постфордизма слишком жесткая и редуционистская. Проблема не в этом. Речь о том, чтобы из анализа уже существующих частичных форм обнаружения постфордизма увидеть перспективу его динамики и показать, является ли постфордизм тотальной и равновеликой альтернативой парадигме Модерна и индустриальному обществу, которая со временем вытеснит последние во всех областях общественной жизни (точка зрения Д. Гартман).

Постфордистская экономика расширяет номенклатуру эксклюзивных товаров, производство становится мелкосерийным и мобильным, за счет чего возвращается свобода, но при этом она контролируется глобальными рыночными институтами, индивидуальность товаров достигается за счёт элементов декора и подавляется тотальной стандартизацией. В постфордистскую эпоху в результате новых структурных преобразований (мобильность и распыленность производства) возникает новый социальный слой – прекариат – социально незащищенный класс временных работников, существенно меняющий социальную стратификацию; появляются новые миграционные потоки, охватывающие миллионы людей и напоминающие средневековые орды; появляется невиданная маргинализация городского населения, когда целые районы городов превращаются в трущобы. В связи с этими процессами основной формой работы становится работа проектного типа, дом превращается в рабочее место, а всё время жизни человека превращается в рабочее время (т. е. вырастают эксплуатация прибавочного труда и *абсолютная* прибавочная стоимость).

В постфордистскую эпоху происходит децентрация и социального пространства, и мышления, возникают такие феномены, как номадизм, асистемность, ризоматичность мышления, наиболее ярко выраженные в постмодернизме. Культура под воздействием постфордистских практик превращается в коммерцию, проектный подход проникает во все сферы, происходит коммерциализация человеческих чувств и эмоций вплоть до «маркетизации практик родительства». В итоге отношения между людьми инструментализируются, все превращается в бизнес-проекты, вместо простой человечности отношений люди нацелены на «успех» и «креативность» т. е. наступает тотальное отчуждение, в котором просто-напросто исчезает не только все человеческое, но и само человеческое Я [80; 87].

9. Мартьянов Виктор Сергеевич – кандидат политических наук, заместитель директора по научной работе Института философии и права УрО РАН

Тематика дискурс-исследований

9.1. Дискурсивное поле противодействия коррупции

Вокруг дискурсивного поля коррупции в современных обществах сложились устойчивые мифы исторического оправдания, которые затрудняют противодействие ей, связанное с универсальными для любого общества технологическими решениями в области законодательства, культурной политики, стандартов госслужбы, механизмов гражданского участия и общественного контроля. В своих работах автор доказывает, что коррупция в любом обществе не может быть устранена полностью, пока принятие властных, управленческих решений осуществляется не искусственным разумом, озабоченным лишь общим благом, а одними людьми для других людей с их небезупречной моральной природой, наличием материальных партикулярных интересов и субъективными предпочтениями.

Коррупция может быть радикально сокращена двумя базовыми путями. Во-первых, путем соблюдения жестких стандартов деятельности государственных органов, чему должны сопутствовать дискурсы последовательной либерализации, саморегуляции, а также – стратегия расширения границ дискурса доверия в публичной жизни. Во-вторых, дискурсивное противодействие коррупции связано с созданием общих условий, в которых коррупционное поведение становится экономически невыгодным и морально неприемлемым. Это предполагает: а) презумпцию виновности должностных лиц, наделенных обществом полномочиями и доходами; б) увеличение доходов госслужащих и бюджетников, рост конкуренции за занятие указанных должностей; в) постоянно подтверждаемую нетерпимость элит к любым фактам коррупционного поведения на любом уровне, включая запрет на профессию и конфискацию имущества; г) прозрачность государства и механизмов принятия решений; д) расширение радиуса доверия в обществе как последовательное нивелирование архаичных дискурсов семейно-клановых социальных коммуникаций в пользу современных, ценностно-институциональных дискурсов и механизмов общественной интеграции.

В контексте описанного выше универсального дискурсивного поля противодействия коррупции в современных обществах российский случай дополнительно осложняется двойными стандартами. Официальный антикоррупционный дискурс во многом оказывается ложным внешним взглядом на реалии российского государства, где вопреки современной политической риторике коррупция является не преступлением, а общепринятой и легитимной сословно-статусной рентой. Поэтому базовым условием эффективности сокращения коррупции в России является не столько борьба с ней, сколько преобразование сословного государства в гражданское, а рентных механизмов распределения ресурсов – в рыночные. Только в современном обществе привычная сословно-статусная рента может превратиться из социальной нормы в неприемлемую обществом социальную патологию коррупции, требующую не риторического, а практического противодействия вне дискурсивного поля двойных сословных стандартов [98; 100; 105].

9.2. Генезис дискурса мягкой силы

Исследование исторического генезиса дискурса *мягкой* или *гибкой* силы (soft power) показало, что данный дискурс во многом является воскрешением грамшианской теории культурной гегемонии. Однако если неомарксисты применяли понятие культурной гегемонии для описания механизмов поддержания доминирующего классового политического порядка современных обществ, то новейшие политические учения рассматривают возможности и эффекты мягкой силы на глобальной арене конкуренции между современными нациями. Здесь мягкая сила является формой дискурсивной гегемонии, направленной на культурное продвижение и легитимацию «жестких» политических интересов. Представляется, что концепция гибкой силы актуализируется в глобальном мире, прежде всего, как способ компенсации (часто лишь символической и риторической) ослабления экономической и военной мощи мировых и региональных гегемонов [104].

9.3. Дискурсивное поле современной урбанистики

Бурно развивающиеся процессы урбанизации требуют комплексного осмысления своих социальных трансформаций и вызовов. Порождаемые городами конфликтующие социальные дискурсы превращаются в важный элемент центр-периферийной эвристической модели самоописания глобального или позднего Модерна. Значимые факторы и тенденции глобального развития, классовые дискурсы и образы будущего все больше детерминированы политическими, экономическими, культурными реалиями сетей городов и нового городского общества.

Мировая сеть городов одновременно предстает как совокупность мест, где концентрируются и достижения, и издержки глобализации, что выстраивает производимые в мегаполисах теории и дискурсы не только в сетевом, но и в иерархическом пространстве глобального мира. Это обуславливает критическое отношение к неолиберальным дискурсам креативного города, креативного класса и креативной экономики и перспективы их реализации в современных городах. Обещания, адресованные городу и горожанам в креативных дискурсах, нереализуемы для незанятого в постиндустриальной экономике большинства и формируют завышенные ожидания, искажая проблемную повестку города в пользу разного рода привилегированных меньшинств.

С опорой на методологию миросистемного анализа и сравнительного статистического анализа утверждается, что креативные индустрии и технологии характеризуются дискурсами ограниченных городских утопий XXI века. На фоне мировых урбанистических метаморфоз значимой спецификой отличается дискурс советской и постсоветской урбанизации. Если в советский период урбанистический дискурс был сконцентрирован на проблемах создания сети индустриальных мегаполисов, то в постсоветский период исследователям приходится сталкиваться с проблемами перехода к постфордизму и преобразования советского индустриального наследия, в том числе в виде моногородов. В новейшем урбанистическом дискурсе аргументируется перспективность диверсификации ресурсов индустриальных мегаполисов и исправление пороков советских городов-заводов путем их преобразования в многофункциональные

агломерации и сращивания с прилегающими городами-спутниками. Периферия подобных агломераций способна стать областью ускоренного развития, способствующей выравниванию качества жизни и функциональных дисбалансов центра и окраин, созданию дополняющих производств, деконцентрации инфраструктуры и перенаправлению ресурсных потоков на развитие деградирующей периферии российских мегаполисов. В результате сеть российских агломераций способна превратиться в географически растянутый центр, стимулирующий общее развитие и модернизацию российских регионов и привлекающий ресурсные потоки глобального мира.

Отдельно рассматривается трансформация дискурса модернизации северных городов России в новой ситуации открытой экономики. В условиях свертывания советской модели форсированной индустриализации и территориально-отраслевого планирования повышается потенциал внеэкономических факторов и условий развития региональных сетей российских городов. Факторы, связанные с диверсификацией ресурсов северных моногородов и целенаправленным повышением уровня межрегиональной мобильности населения, начинают оказывать все более сильное влияние на личные дискурсивные стратегии жителей северных городов [99; 109; 111; 113].

9.4. Дискурс российской Арктики

В области изучения стратегических дискурсов субъектов, осваивающих арктическое пространство, был проведен пилотный мониторинг арктической политики ведущих мировых держав и негосударственных субъектов освоения арктического региона. На основании данных мониторинга сформировано целостное представление о российской и альтернативных ей стратегиях освоения Арктики. Созданный в ходе исследований инструментарий апробирован на материалах таких крупных изданий, как «Российская газета», «Le Monde» (Франция), «Guardian» (Великобритания), «Washington Post» (США), «Le Devoir» (Канада), «Жэньминь Жибао» (Китай) и др. Из сравнения приоритетов базовых смысловых интерпретаций арктического пространства составлено представление о стратегиях разнообразных субъектов влияния в Арктике.

Отдельно рассмотрена трансформация новейшей арктической стратегии России в контексте глобального переосмысления потенциала арктического макрорегиона. Проведен анализ политико-правовых дискурсов освоения Арктики с учетом ее геополитического положения. На основе дискурс-анализа официальной российской прессы выделены основные субъекты, цели и проблемы освоения российского арктического пространства, анализируется динамика российских приоритетов в Арктике. Аргументируется вывод о дискурсе символического *присвоения* и географического *приближения* российской Арктики в официальных СМИ. При этом новейшая отечественная экспансия в Арктику во многом остается лишь риторической. В современной России по инерции сохраняют доминирующее положение героические арктические символы советского прошлого (полярник, Северный полюс, Северный морской путь, ледокольный флот, дрейфующая зимовка и пр.). Внутри устоявшегося нарративно-символического комплекса российской Арктики меняется лишь относительный вес его отдельных элементов в зависимости от изменения российской и глобальной полити-

ческой повестки. Обоснован вывод о необходимости переоценки российских арктических приоритетов с учетом международно-правового режима региона и потенциала разнообразных форм кооперативного участия в освоении Арктики.

В коллективной монографии «Российская Арктика в поисках интегральной идентичности» впервые анализируется становление различных дискурсивных моделей региональной идентичности арктических регионов России. Выявляются культурно-историческая специфика и ключевые факторы влияния на современную идентичность арктических регионов. Обосновываются предложения по созданию интегральной модели идентичности Арктического макрорегиона [103; 112; 157].

9.5. Дискурс рентной трансформации позднемодерного общества

Современные общества испытывают нарастающее давление альтернативных факторов их стратификации. Это давление кристаллизуется в новых политических идеологиях, учениях и коллективных дискурсах, чье растущее влияние постепенно вытесняет привычные классовые стратификации и классические современные идеологии. Базовая социальная структура, представленная ранее экономическими классами, рыночными конфликтами труда и капитала, все менее релевантна в контексте постиндустриальной экономики. Попытки найти выход из кризиса, обусловленного достижением пределов возможностей социального государства и свертыванием рынка труда с помощью консолидирующего дискурса среднего класса, окончились неудачей. Новая стратификация общества будет определяться не столько рыночными взаимодействиями, сколько властно-политическими возможностями доступа социальных групп к разнообразным видам ресурсов (активов, рент) распределяемых иерархически. Данный конфликт в качестве неизбежного следствия будет снижать стратификационный потенциал механизмов рыночной саморегуляции и усиливать роль государства в качестве агента нерыночного, рентного распределения ресурсов между социальными группами, а также способствовать формированию новых реалий рентного государства, капитализма и соответствующего рентного дискурса новых социальных групп.

В результате формируется рентный политический порядок, в котором рыночные коммуникации вытесняются иерархическими моделями дистрибутивных обменов, а социальная стратификация все сильнее зависит не от рыночного классового образования, а от доступа граждан и социальных групп к распределению рентных ресурсов, формируя доминирование рентоориентированного поведения. Поведение, связанное с поиском гарантированных статусных рент, все чаще становится более выгодной стратегией, чем рискованная предпринимательская деятельность или стремление занять выгодные позиции на рынке труда. Дрейф к модели рентной демократии обусловлен тем, что государство начинает в большей степени, чем раньше, заниматься прямым перераспределением ресурсов, минуя рынок. Ее особенность заключается в том, что за доступ к ресурсам конкурируют не экономические классы, а этатистские сословия. Конкуренция осуществляется по критериям не рыночной ценности, но полезности для государства. В результате формируется политический дискурс рентной демократии, где успехом является повышение статуса социальной группы в иерархии как условие расширения ресурсного доступа. Однако, решая накопившиеся структур-

ные противоречия и формируя новые влиятельные социальные группы, рентная трансформация создает ростки противоречий между новым сословно-рентным ядром общества и отодвинутыми на его периферию рыночными группами.

Современный российский политический порядок в контексте описанных выше социальных трансформаций представляет ценностно-институциональную реальность с двумя конкурирующими дискурсами легитимации. Процесс рыночного классовобразования, начавшийся в результате распада советских сословий, был приостановлен, не будучи окончательно завершен. В то же время пространство дистрибутивных обменов, восстанавливающих привычный для российской истории рентно-сословный политический порядок, организующий неизменное ядро (центр) властно-политической организации общества, интенсивно расширяется. Поэтому социальная структура современной России представляет своеобразный сословно-рыночный кентавр, в котором экономические классы все интенсивнее переструктурируются сквозь нормативно-институциональную сеть постсоветских сословий. При этом рыночные взаимодействия и современные политические дискурсы отодвигаются на изменчивую защитную периферию, связанную с поиском ресурсов, легитимацией власти и адаптивным взаимодействием рентно-сословного ядра с внешним миром. Тем не менее, в отечественной политической теории продолжают доминировать дискурсы, описывающие российский политический порядок с помощью нормативных понятий, относимых преимущественно к его достаточно тонкой модерной оболочке. В результате эти дискурсы анализируют этот порядок с нормативных позиций должного, даже с учетом особенностей его разнообразных отклонений, игнорируя при этом специфику рентно-сословного ядра. Поэтому все более релевантными представляются альтернативные подходы, чувствительные к специфике дистрибутивных обменов и связанные с попытками теоретико-методологического схватывания новыми политическими дискурсами рентно-сословных особенностей ядра российского политического порядка [101; 103; 106; 107; 108; 110].

10. Моисеенко Ян Юрьевич – младший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, магистр политологии

Тематика дискурс-исследований

10.1. Дискурс конформизма в поле политической теории

Исследование, ставящее перед собой цель имплементации концепта, разработанного в формате конкретной дисциплины, в предметную область совершенно иной дисциплины, не может существовать без предварительного погружения в бытие этого концепта в оригинальных, т. е. «родных» для него условиях. Таким образом, исследование конформизма политико-философской направленности не может игнорировать социально-психологические «корни» этого феномена. В процессе их изучения было выявлено, что канонические классификации типов конформизма и конформистского сознания (С. Аш, Ст. Милграм, Д. Майерс) применимы к описанию ценностных ориентаций политических групп. Также было выявлено, что «конформизм» в теории не является типом ценностной ориентации, поскольку лишь свидетельствует процесс отказа от одних ценностей

в пользу других, но далеко не всегда сам выступает апологией такого процесса адаптации. Однако в современной политической практике наблюдается размытие понятия «ценностная ориентация», и дискурс конформизма как новой «ценностной ориентации» становится актуальным [114; 115].

10.2. Идеологические измерения дискурса конформизма

На предмет апелляции к ценностям конформизма были подвергнуты анализу политическая идеология либерализма и политический режим либеральной демократии. В частности, была проанализирована общая плоскость, в которой разворачиваются дискурсы «конформизма» и дискурс такого значимого для либерализма и популярного концепта как «права человека». В ходе изучения «точек пересечения» данных проблематик было выявлено, что оба дискурса зиждутся на общей точки отсчёта – феномене «индивидуума» как антропологической ипостаси парадигмы Модерна. Так что понимаемый в традиционном ключе конформизм как процесс адаптации предпочтений и ценностей «индивидуума» к референтной внешней инстанции, в том числе, и организованной для него рандомным образом, в своей сущности имманентен основаниям современного дискурса «прав человека». В первую очередь, этот вывод базируется на рассмотрении идеологии прав человека как инстанции, искусственно сконструированной либеральным дискурсом по аналогии с коллективным мнением референтной группы, куда вовлекается индивид в социальных экспериментах [116; 117].

10.3. Дискурс конформизма в контексте проблематики колониализма

Традиционный для политической науки феномен «колониализма» получил ещё одно прочтение, будучи рассмотренным через призму феномена «конформизм». В целом, введение дискурса конформизма в колониальную проблематику стало возможным благодаря междисциплинарному подходу, включающему несколько традиций: историко-философскую, политическую, социально-психологическую. В результате проведенного анализа выявлено дополнительное измерение колониализма – «Имперский» колониализм, для концептуализации которого проводится важнейшая разграничительная линия между традиционной колониальной политикой («империализмом») и новой – Имперской формой. Сущность концептологического разведения заключается в том, что Империя не осуществляет жёсткого подавления (экономического, политического) подвластных территорий, она поглощает суверенитет мягко – через апелляцию к конформизму, форматируя ценности и предпочтения социальных общностей на индивидуальном уровне [116; 118].

10.4. Взаимосвязь дискурсов «мягкой силы», «умной силы», мобильности и конформизма

Осуществлен анализ участия компонентов «мягкой» (soft) и «умной» (smart) силы в решении стратегических задач крупными политическими акторами мировой политики. Сделан вывод, что оба этих инструмента воздействия на массовое сознание апеллируют к некоей имманентной черте разнообразных сообществ и политических групп, отвечающей за форматирование ценностей, мотиваций и предпочтений. В качестве своеобразного «общего знаменателя» был предложен конформизм, дискурс которого пронизывает общественно-политическую

повестку на различных уровнях – от аксиологического уровня конкретных групп, до онтологических оснований ключевых идеологий Модерна.

В методологический арсенал исследования были взяты несколько подходов, каждый из них иллюстрирует конформизм с различных сторон. Одним из них стал культурно-исторический подход, с помощью которого стало возможным выделить три основных типа конформизма: реформистский, индустриальный и постиндустриальный. Для исследования пересечений дискурсов «мягкой силы», «конформизма» и ещё одного нового дискурса «креативности», постиндустриальный конформизм или конформизм «эпохи информационного общества» предлагает наиболее богатый материал. Благодаря анализу работ таких исследователей как М. Кастельс, З. Бауманн, Т. Крессуэлл, Дж. Урри и других, были выявлены такие специфические типы постиндустриального конформизма: урбанизационный, мобильный, информационный.

Постиндустриальное конформистское сознание в своих различных ипостасях выступает в качестве «проводниковой среды» для ценностей, предпочтений и установок, доводимых до адресата по каналам «мягкой силы». В данном случае не играет принципиальной роли, какой характер носит данная среда – идёт ли речь о системе массовых коммуникаций, организации общественных отношений по принципам «сети» или же о современном мегаполисе как о «пространственно-временном континууме». В качестве альтернативного подхода была использована феноменологическая методология, с помощью неё была осуществлена своего рода «вивисекция» концепта «умной силы» (smart power). В результате у исследователя появилась возможность вести речь об «умной силе» не только как об особой модификации «мягкой силы», но и как о самостоятельном феномене – о «силе Ума» (power of Smart). Таким образом, на первый план дискуссии вокруг «умной силы» был выведен её кратологический аспект. В качестве одного из режимов функционирования «умной силы» (smart power) был описан особый феномен «интеллектуального колониализма», также были рассмотрены его формы и инструментарий [121; 122; 124].

10.5. Дискурс мобильности

Дискурс мобильности рассматривается в качестве иллюстративного материала для исследования влияния неинституциональных критериев на политический процесс и политическую социализацию индивида. Собственно, «мобильность» изучается в нескольких измерениях: как продукт социального времени и пространства, как важнейший механизм в процессе распределения власти. В современном глобальном мире «мобильность» и её дискурс всегда сопряжены с проблематикой адаптивности индивида к среде, поскольку этот дискурс способен к молниеносной реорганизации в фарватере изменений внешней среды. Касаемо измерения мобильности, связанного с субъектом, было проведено исследование историко-политических аспектов становления антропологического типа «homo mobilis» («человека мобильного»). Согласно гипотезе, истоки homo mobilis обнаруживают себя на заре становления эпохи Модерна, в ходе выдвигания буржуа на авансцену социально-политической жизни и распространения буржуазных ценностей. Прослежена взаимосвязь развёртывания либеральной парадигмы в политической теории и mobility turn («мобильного поворота») рубежа XX–XXI вв. [119; 125].

10.6. Феноменологический анализ мобильности

Проведено феноменологическое вскрытие концепта «мобильность», в частности, изучено соотношение собственно «мобильности» и конкретных практик движения. Одним из результатов применения феноменологического подхода в исследованиях «мобильности» стала возможность формирования образной, метафорической интерпретации «мобильной» социологии. Кроме того, феномен мобильности рассматривался через призму этимологической трактовки, где ключевым аспектом стало исследование составляющей *mob* («толпы»). В этой интерпретации мобильность выступила в качестве одного из свойств постиндустриального массового конформистского сознания, благодаря чему была выявлена общность «мобильного» и «одномерного» антропологических типов. Ключом к пониманию их концептуального пересечения становится особый экзистенциал *das Man* (*the They*), введённый в философский тезаурус немецким философом М. Хайдеггером. Склонность к спонтанному принятию своевременных решений является неотъемлемой чертой конформистского сознания, поэтому особый интерес представляет категория «мобильного потенциала». Для того чтобы грамотно осмыслить природу этого потенциала, был изучен феномен мобильности [120; 123].

11. Мошкин Сергей Вячеславович – доктор политических наук, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН

Тематика дискурс-исследований

11.1. Дискурсивное поле советской экспансии

Политологическому анализу подвергнута теоретическая дискуссия о характере советской военной доктрины, состоявшаяся в начале 1920-х гг. среди военного и политического руководства СССР. Показывается, как часть военных теоретиков во главе с М.В. Фрунзе и М.Н. Тухачевским, вульгарно используя марксизм, настаивали на создании особой пролетарской военной доктрины, имеющей исключительно наступательный характер. Им оппонировала группа военных во главе с Л.Д. Троцким, выступавших против необдуманного использования вооруженных сил для экспорта революции. Исследование доказывает, что одним из последствий политического поражения Троцкого стало утверждение в среде советских военачальников идеологизированной, основанной на догматически-классовом подходе, наступательной военной доктрины с ее печально-знаменитым лозунгом «Бить врага на его территории» при полном забвении вопросов стратегической обороны. Это обернулось величайшей трагедией Красной армии в начальный период войны в 1941 г.

Впервые в рамках отечественной политической науки исследованы обстоятельства присоединения Закарпатской Украины к Советскому Союзу. Показывается, как эта территория, никогда ранее не принадлежавшая ни Российской империи, ни СССР, с подачи и при согласии руководства Чехословакии стала в 1945 г. частью Советской Украины и СССР. Исследование доказывает, что возросший авторитет СССР как страны-победительницы германского фашизма, присутствие в Закарпатье частей Красной армии, а также

активная деятельность местных коммунистов, поддерживаемых советским военным командованием, сыграли решающую роль в росте просоветских настроений среди жителей Закарпатья, чем не преминуло воспользоваться советское руководство в своей политике экспансионизма и расширения послевоенных границ.

Исследованы дипломатические попытки СССР установить контроль над Черноморскими проливами на заключительном этапе Второй мировой войны и в первые годы после ее завершения. Показано, что намерения СССР не были поддержаны союзниками по антигитлеровской коалиции. Делается вывод, что СССР своими претензиями на Проливы превратил некогда нейтральную Турцию в стратегического партнера США.

Установлены основные характеристики «гибридной войны» как относительно нового типа современных войн. Применительно к России высказывается предположение, что «фантомные боли» по былому могуществу вынуждают руководство страны минимизировать использование технологий «мягкой силы» в международных делах в угоду политике реванша, что проявляется в резком увеличении военных расходов и проведении военно-силовых акций в отношении сопредельных государств с применением тактики «гибридной войны» (hybrid warfare) [127; 128; 129; 130; 132; 133; 134; 145].

11.2. Дискурсивное поле гуманитарных интервенций

Рассматривается один из самых дискуссионных вопросов международной политики и права – допустимо ли вооруженное вмешательство извне во имя предотвращения преступлений против человечности, осуществляемое без согласия правительства страны, подвергшейся вторжению? Высказывается мнение, что международному сообществу не следует отказываться от практики гуманитарных интервенций, несмотря на то, что некоторые из них не достигли желаемого результата. Формулируются необходимые условия для осуществления вооруженного вторжения в гуманитарных целях, а также моделируются поочередные этапы успешного выполнения гуманитарной миссии [138; 142].

11.3. Политический дискурс постсоветского пространства

Изучен процесс политической эволюции постсоветских стран Центральной Азии и России. Некоторые из установившихся на евразийском пространстве политических режимов, формально использовавшие с момента их зарождения демократическую риторику, описываются как режимы имитационной демократии. Установлено, что внутренняя динамика таких режимов ведет к накоплению имманентно присущих им системных противоречий и неизбежно повышает риски дестабилизации сотрудничества стран-участниц Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) [140; 143].

11.4. Дискурс российского федерализма

Сформулированы базовые принципы формирования национального парламента в федеративном государстве, ведущим из которых является принцип бикамерализма. При этом подчеркивается, что решения, принимаемые верхней палатой парламента, должны быть гарантированы от посягательства нижней палаты. Показано, что сосуществование обеих палат позволяет эффективно комбинировать политические устремления нации, выражаемые политическими

партиями, с интересами территориальных сообществ, составляющих федерацию. В итоге несоответствие структурных противоречий, присущих каждой из палат, и вынесение разноплановых по своей сути конфликтов на различные политические площадки превращает парламент в целом в действенный механизм защиты интересов большинства и меньшинства одновременно [126].

11.5. Дискурс регионализма

Восстановлена хронология основных политико-правовых процедур и мероприятий, предшествующих самопровозглашению Уральской республики, а также наступивших юридических последствий этого акта. Доказано, что авторы идеи Уральской республики руководствовались не сепаратистскими устремлениями, а лишь желанием установления равноправных отношений между субъектами Федерации и Центром. Вместе с тем, односторонность действий руководства Свердловской области была продиктована невозможностью апеллировать к российской верховной власти в силу острейшего политического кризиса, поразившего ее осенью 1993 года.

Проделана историко-политическая реконструкция процесса передачи в 1954 году Крымской области РСФСР в состав Украинской ССР. Высказывается гипотеза, что передача Крыма Украине была обусловлена не волюнтаристским стилем руководства СССР, а являлась, учитывая географическое положение Крыма, исключительно рациональным решением в целях оптимизации процесса восстановления хозяйственного комплекса полуострова, в том числе за счет строительства крупнейших межреспубликанских инфраструктурных проектов того времени – Каховской ГЭС и Северо-Крымского канала. Доказывается, что передача Крыма Украине была не собственно политическим решением, а, скорее, административно-хозяйственным, для устранения возможных противоречий о территориальных зонах ответственности между министерствами УССР и РСФСР [141; 146].

11.6. Дискурсивное поле марксизма

Установлено сущностное содержание политической деятельности. Опираясь на методологию К. Маркса, показавшего, что характер всякой человеческой деятельности определяется не столько её предметом (направленностью человеческого интереса), сколько средством, имеющимся в распоряжении людей для осуществления самой этой деятельности, показано, что содержание политической деятельности определяется возможностью людей использовать политическую власть как единственно возможное средство для подобной деятельности. Такой возможностью обладают не все, а только ограниченный круг лиц, наделенных специальными властными полномочиями по принятию руководящих решений, обязательных для всех. Поэтому не всякую социальную активность в сфере политики следует считать политической деятельностью. В политических исследованиях, в процессе законотворчества и, особенно, в правоприменительной практике следует различать собственно политическую деятельность и деятельность гражданскую. Последняя опирается не на использование ресурсов власти, как в случае политической деятельности, а на реализацию людьми своих гражданских, в том числе политических, прав и свобод, установленных законом [136; 139].

11.7. Дискурс российской модернизации

На обширном материале доказано, что Российское государство на всем протяжении своей зримой истории, дабы доказать свою состоятельность и хотя бы в некоторой степени соответствовать уровню социально-экономического развития передовых стран, вынуждено было заимствовать у них новейшие технологии и технико-экономические решения для модернизации собственного хозяйства. Показано, что российская ситуация, в этом смысле, не является уникальной. Делается вывод, что особенностью России является то, что технологические заимствования в ней направлялись, главным образом, на решение государственных военно-политических задач и достижение военного превосходства над реальными и потенциальными противниками [137].

11.8. Дискурсивное поле противодействия коррупции

Рассмотрен механизм приобретения позитивной политической репутации должностного лица при помощи информационных ресурсов публичной власти и в целях приобретения личной выгоды нематериального характера, том числе достижения электоральных преимуществ над своими конкурентами, политического подавления последних, как частный случай политической коррупции. Доказано, что институциональные основания такого вида коррупции заложены в самой возможности дискреционного (т. е. нерегламентированного, по собственному усмотрению) распоряжения медиа-ресурсами власти. Показывается устойчивая связь резкого увеличения властных расходов на СМИ с электоральными циклами. Предлагаются возможные административные мероприятия по минимизации зон коррупционных рисков в процессе информационного обслуживания власти [135; 144].

11.9. Дискурс исторических фальсификаций

На примере изобретения велосипеда, авторство которого многие годы приписывали некоему Артамонову – тагильскому рабочему заводчиков Демидовых, показывается, как в послевоенном СССР создавались мифы о превосходстве русского (советского) народа во всех сферах человеческой деятельности. На основе исторического исследования доказано, что так называемый «велосипед Артамонова» является технической подделкой, а практически весь библиографический корпус работ по этой теме, включая статьи в изданиях Большой советской энциклопедии, – историческими вымыслами и фальсификациями [131].

12. Романова Кира Степановна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН

Тематика дискурс-исследований

12.1. Дискурс перформанса

Перформанс рассматривается как социально-коммуникативный феномен, близкий, но не тождественный по форме и контенту театрализованному представлению. В дискурсе перформанса предпочтение отдается непосредственному переживанию (здесь и сейчас, в это время и в этом месте), искусство и повсед-

невная жизнь протекают в одно и то же время. Перформанс не имеет определённого эстетического направления или программы: социальный аспект, игра, провокационность, время – всё это делает его широко применяемым и в корне отличным от произведения искусства.

Дискурс перформанса побуждает окружающих к совместному действию (интерактивность) и рассчитывает на со-переживание, на со-чувствие. В акте перформанса создается образ, который инициирует осмысление культуры, топоса, времени. Перформанс наряду с ролевыми элементами содержит бытийный контекст, демонстрируя и комментируя, переживая и понимая одновременно. Он использует энергию жеста, звуки, запахи, визуальные образы, коллективные действия, медитативные состояния, страхи и ожидания, табу и карнавалльно-праздничное чувство его нарушения [153].

12.2. Дискурс травелога

Травелог во всем его многообразии, будучи формой познавательно-эмпирического освоения мира, включен в ментальный процесс формирования и конструирования картины мира, дает философскую интерпретацию освоения иного пространства и времени, выступает в качестве мощного культурологического фактора. Дискурс травелога в своем ментальном ядре содержит инструменты идентификации – социальной, культурной, статусной. Он содержит не только впечатления от столкновений с новыми реалиями, связанными с возникающими на месте мыслями, эмоциями, ощущениями передвижения внутри культурного хронотопа, но и элементы послевкусия – желание поделиться радостью приобретения дополнительных идентификационных (статусных) маркеров.

Для того чтобы проведенные в иных социокультурных и территориальных пространствах дни превратились из индивидуального воспоминания в предмет общественного внимания и значимости, необходимо войти в социально-коммуникативные сети, где возможна конвертация приобретенного багажа впечатлений в достояние общественного мнения, подтверждаемое откликами, «лайками», комментариями и т. п. Этим целям могут также служить привезенные из поездки сувениры, фотографии, любительские видеофильмы. Участие в Интернет-форумах в качестве активного носителя дискурса травелога выступает определяющим признаком принадлежности к среднему классу [152; 156].

12.3. Дискурс «мягкой власти»

Рассматриваются дискурсы манипулирования людьми как мягкие способы информационно-психологического воздействия на сознание людей с целью управления им. Сущность манипуляции трактуется как скрытое мягкое принуждение личности действовать в нужном для властвующего субъекта направлении для удовлетворения его интересов и достижения определенной цели.

Показывается, что тайное принуждение как специфический способ управления используется на всех уровнях социальной коммуникации – от межличностного общения до массовых взаимодействий. Раскрывается содержание и структура манипулятивного воздействия как формы «мягкой» власти, описываются конкретные формы, методы и технологии. Рассматриваются различные классификации и типологии субъектов манипуляций (манипуляторов). Отмечается,

что главным способом противодействия манипулятивному дискурсу является полный контроль за информационными потоками.

Рассмотрено сочетание применения содержательных форм, методов и технологий мягкой силы в различных сферах общественного управления. В каждой сфере управления – своя диалектика принуждения и убеждения. В связи с этим все многообразие технологий soft power можно классифицировать по целям (изменение свойств социального пространства и перекодировка социальной реальности), по объекту воздействия (институты, социальные группы, образование, воспитание, ментальные сферы и др.), по субъекту воздействия (формальные и неформальные субъекты управления), по методам воздействия (административное принуждение, влияние ритуалов, моды). Особые группы «мягких» методов и технологий управления образуют информационные технологии, а также методы риторического и рекламного воздействия, пропаганды и агитации [148; 151].

12.4. Дискурс хронотопа

Выявление роли пространственно-временных факторов в современной социокультурной динамике приобретает особую значимость в условиях радикального изменения представлений о пространстве и времени, связанного с глобализацией. Глобализация и локализация диктуют новые требования к осмыслению проблем цивилизационно-культурной идентичности. Многие из этих проблем могут быть решены в рамках пространственно-временного, хронотопного анализа современной цивилизации. Понятие хронотопа можно использовать и в оценке существующих культур и цивилизаций. С точки зрения хронотопного анализа современные цивилизации предстают как внутренне неоднородные в культурно-пространственном отношении.

Хронотоп выступает преимущественно точкой означивания и смысловой конкретизации тех или иных событий и процессов. При этом каждый хронотоп включает в себя множество относящихся к более мелким пространственно-временным масштабам хронотопов конкретных событий и процессов, которые в свою очередь интегрируются в общую, относительно целостную хронотопную модель. В структуре этой модели отдельные хронотопы могут включаться друг в друга, контрастировать, сосуществовать, переплетаться, сменяться и т. д.

Развитие хронотопа личности проходит через борьбу старого с новым, между добром и злом, между разрушением и созиданием, включая диалектику прошлого, настоящего и будущего. Живя только сегодняшним днем (здесь и сейчас), личность рискует утратить ценность и значение своей жизни. При решении только повседневных задач текущего момента, обеспечивающего выживание, без перспективы на будущее, происходит обеднение психологической организации личности. Абсолютное погружение в прошлое приводит к застою или к «нравственной смерти» [155].

12.5. Концепт и дискурс исторической памяти

Рассматриваются различные подходы к концепту исторической памяти как способу сохранения и трансляции прошлого в эпоху утраты традиции, как индивидуальная память о прошлом, как коллективная память о прошлом, как

социальная память о прошлом и, наконец, просто как синоним исторического сознания. Историческая память – понятие коллективное. Она заключена как в сохранении, так и в понимании общественного исторического опыта. Коллективная память поколений может быть как среди членов семьи, определенных групп, населения города или деревни, так и у всей нации, страны и всего человечества.

Историческая память воспроизводит непрерывность и преемственность социального бытия. Содержание памяти составляет прошлое, но без него невозможно мышление в настоящем, прошлое – это глубинная основа актуального процесса сознания. Базисом для исследования социальной исторической памяти послужил арсенал русской и западной психологической науки, в которой изучение памяти как продукта исторического развития психики человека имеет длительную традицию. Выделены наиболее активно исследуемые формы исторической памяти, такие как: коммуникативная память, культурная память, «мягкая» память, «жесткая» память.

Исследование исторической памяти всегда представляет собой реконструкцию идентификационных структур, свойственных сознанию «вспоминающей» эпохи. Понятия «идентичность» – «память» – «дискурс» – «образ» – «миф» существуют в одном проблемном поле, очерчивая смысловые координаты, в которых существуют современные исследования по истории памяти.

Дискурсный подход к проблемам коммеморации акцентирует внимание на семиотических, аксиологических, образно-интерпретационных и репрезентационных компонентах коллективной памяти. Особое внимание уделяется изучению дискурса ее политических репрезентаций, которые задействованы в такой сфере, как *политика памяти* [149; 150; 154].

13. Руденко Виктор Николаевич – доктор юридических наук, член-корреспондент РАН, директор Института философии и права УрО РАН

Тематика дискурс-исследований

13.1. Дискурс демократии

В серии публикаций, начало которой положили исследования популизма, проведенные в начале 1990-х годов, получила развитие тема прямого народовластия. Прямая демократия рассмотрена в качестве способа осуществления власти гражданами путем принятия ими публично-властных решений. Проанализировано понятие прямой демократии. Дан сравнительный анализ «архаической» и «модернистской» моделей прямого народного правления. На основе дифференциации «мобилизационных» и «согласительных» политических систем обоснована методология исследования институтов прямой демократии в современном конституционализме. С использованием методов сравнительного правоведения исследованы две группы институтов прямой демократии: институты, регулирующие принятие гражданами управленческих решений, и прямое правотворчество граждан – референдум, народная правотворческая инициатива, народное вето, общие собрания (сходы) граждан; институты, обеспечивающие прямое участие граждан в формировании системы публичной власти – прямое волеизъявление граждан на выборах, отзыв депутата (выборного должностного лица), роспуск

выборного органа власти. Рассмотрены проблемы развития прямой демократии в современном российском законодательстве.

В развитие темы проанализирован феномен «чистой демократии» («pure democracy»). «Чистая демократия» рассмотрена как определенная политико-правовая модель правления, которая может быть взята за образец конструирования реальности. Показано, что значимость идеи «чистой демократии» заключается в том, что она нацелена на выработку моделей власти и управления, противоположных меритократии. В то же время обосновано положение о принципиальной невозможности буквальной реализации идеи «чистой демократии» на макроуровне в современном мире. Проанализированы такие атрибутивные признаки «чистой демократии», как автократизм, монизм, синкретизм власти. Показано, что современные формы правления должны быть адаптированы к полиархии, дифференциации и многополярности общества, плюрализму, разделению властей.

Сконструированы возможные модели политических режимов в ситуациях совместимости и несовместимости верховенства права и демократии. На основе предложенного подхода проанализированы два типа демократического режима и четыре типа недемократического режима. Это позволило по-иному (по сравнению с методиками Freedom House и др.) оценить динамику изменения политических режимов в разных странах мира. Большое внимание уделено проблеме верховенства права и демократии применительно к России и независимым государствам, образовавшимся после распада СССР. Аргументирован тезис о необоснованности высказываемых в современной политологической литературе выводов о происходящем процессе дедемократизации политического режима в России в период после 1995 г. Показано, что политический режим в стране как до 1995 г., так и до настоящего времени не был демократически ориентированным, оставался и остается режимом с низким потенциалом верховенства права. В период после распада СССР сменился лишь тип недемократического политического режима. Отмечено, что главным вектором развития для России и постсоветских государств должен стать демократический политический режим, фундированный на идее демократического верховенства права. Однако движение в этом направлении в России и ряде других стран (Азербайджан, Беларусь, государства Центральной Азии) сопряжено с издержками трактовки демократического верховенства права. К таким издержкам отнесены антизападничество и релятивистский подход к ценностям верховенства права и демократии; отождествление верховенства права (Rule of Law) с правлением на основе права (Rule by Law); инструменталистский подход к праву; параконституционные практики [162; 165; 167].

13.2. Дискурс делиберативной демократии

Особое внимание уделено коммуникативному дискурсу в демократическом процессе. Показано, что перспективы современной демократии связаны с развитием коммуникации власти и представителей гражданского общества в различных ее проявлениях (публичные и общественные слушания, обсуждение публично-значимых вопросов общественными советами, участие граждан в составе консультативных органов и др.). Акцентировано внимание на проблемах аксиологии защиты прав человека. Показано, что в основе аксиологии защиты прав человека в современном мире лежат, преимущественно, представления о непартиципаторной (элитарной) демократии. В соответствии с ними важнейшие

публично-властные решения принимают органы власти, граждане же участвуют в механизме согласования интересов посредством голосований. В связи с этим ценностной доминантой защиты прав человека является политика интересов, основанная на решениях большинства, выражающих устремления основных акторов политической деятельности. Доминирующей стратегией выборных органов власти является конституционализация норм о правах человека в целях их судебной защиты. При этом права человека воспринимаются гражданами как установленные властью и дарованные ею. Показано, что недостатком такой стратегии является постоянно сохраняющаяся угроза ограничения прав человека со стороны государства. Препятствовать этой угрозе необходимо посредством освоения ценностей делиберативной демократии. В связи с этим проведен сравнительный анализ ценностей элитарной и делиберативной демократии. Показано, что смещение акцента на коммуникативный дискурс в аксиологии защиты прав человека способствует выработке новой стратегии защиты прав человека. Эта стратегия основана на согласовании и артикуляции интересов широкого круга лиц, воспринимающих права человека как общее благо. На основе выработанного подхода показаны различные формы проявления делиберативной демократии в аксиологии прав человека. Подчеркнута значимость ценностей гражданского контроля и других форм гражданского участия в защите прав человека.

Получило развитие направление исследований дискурса делиберативной демократии применительно к современному правосудию, в том числе к так называемому восстановительному правосудию как форме гражданского участия в регулировании деликтных отношений [157; 161; 166].

13.3. Антикоррупционный дискурс

Всесторонне исследован институт большого жюри (Grand Jury) и большого гражданского жюри (Civil Grand Jury) в США. Еще в колониальный период истории США большие жюри были общественными контролерами действий властей. После революции 1775–1778 гг. они оставались едва ли не единственными органами, рассматривавшими обращения граждан против произвола чиновников. Присяжные больших жюри исполняли роль общественных смотрителей, что нашло закрепление в крылатом выражении «watchdog function» («функция сторожевых псов»). Однако в течение XX столетия эта функция стала подвергаться критике из-за ряда громких и необоснованных обвинений присяжных больших жюри, выдвинутых против высокопоставленных должностных лиц. В большинстве штатов США большие жюри стали выполнять исключительно уголовно-процессуальные функции, связанные с проверкой обоснованности обвинения прокурора в совершении уголовного преступления. В настоящее время «watchdog function» выполняют большие жюри только в нескольких штатах. Но ввиду актуальности проблемы гражданского контроля над властью, темы коррупции в стране развернулись дискуссии о целесообразности закрепления данной функции за большими жюри не только на уровне штатов, но и на федеральном уровне организации судебной власти. В связи с этим обращено внимание на опыт правового регулирования деятельности больших жюри в штате Калифорния, где «watchdog function» больших жюри наиболее развита. На основе норм Уголовного кодекса штата показано, что большие жюри наделены чрезвычайно важными полномочиями по контролю и надзору за финансовой, хозяйственной и иной

деятельностью должностных лиц и органов публичного управления, за методами и самой системой управления. Обращено внимание на аргументы за и против выполнения большими жюри «watchdog function» и на процесс реформирования больших жюри в связи с критикой их деятельности. Акцентировано внимание на том, что с начала 2000-х гг. большие жюри, выполняющие гражданские контрольные и надзорные функции, получают определенную автономию от традиционных больших жюри, действующих в рамках уголовного процесса. За ними закрепляется наименование «Гражданские большие жюри». Проанализирован порядок формирования и деятельности этих коллегий. Показано, что законодатель штата работает над усилением представительства всех слоев общества в районе юрисдикции суда в составе больших гражданских жюри, стремится к большей открытости этих органов, принимает меры по повышению ответственности присяжных за их решения. По мнению автора, калифорнийский опыт в определенной мере может быть учтен в ходе разработки и совершенствования российского законодательства об общественном контроле.

Кроме того исследован такой важный элемент антикоррупционного дискурса, как жеребьевка при формировании состава присяжных. Особое внимание при этом уделено античным практикам жеребьевки. В частности, предметом анализа стал опыт использования машины для жеребьевки (клеротериона) в Древней Греции. Впервые детально изучен опыт Древнего Рима по созданию и формированию состава постоянных судебных комиссий по уголовным делам (*quaestiones perpetuae*), занимавшихся рассмотрением дел о вымогательствах, подкупе и др. Особое внимание уделено роли случайного отбора судей в состав этих комиссий. Показано, что древнеримская правовая мысль предвосхитила современные подходы к формированию неподкупных судов присяжных. Так, заслуживает внимания практика ежегодной ротации постоянных судебных комиссий, опыт распределения судебных дел на основе случайной выборки; практика формирования состава постоянных комиссий для разбирательства каждого отдельного дела по жребию; использование процедуры многоступенчатой и дополнительной жеребьевки; создание смешанных судебных коллегий (*split juries*) и др. Показано, что этот опыт может быть полезен современным законодателям, несмотря на то, что древним римлянам не удалось искоренить коррупцию в судах. Заслуживает внимания тот факт, что дела о взятках и вымогательствах должностных лиц подлежали разбирательству с участием присяжных. Введен в научный оборот перевод на русский язык фрагмента Флорентийской таблицы, известной как *Fragmentum Florentinum I*. Данный фрагмент характеризует порядок формирования коллегий судей, потенциально не подверженных коррупции [158; 159; 160; 161; 163; 164].

14. Русакова Ольга Фредовна – доктор политических наук, заведующая отделом философии Института философии и права УрО РАН

Тематика дискурс-исследований

14.1. Дискурс современной политической философии

Выделены и рассмотрены основные дискурсные повороты в истории политической философии, которые произошли в интеллектуальной жизни стран

Запада и России после окончания Второй мировой войны. Обозначены новейшие теоретико-методологические повороты, определяющие траекторию будущего развития политической философии.

Раскрыты особенности предметно-дискурсивного поля политической философии, проанализированы основные методологические подходы к интерпретации предмета данной дисциплины: позитивистский, ценностный, деонтологический, концептологический, мультипарадигмальный, структурно-философский, дискурсивно-аналитический. Дано определение понятию дискурса политической философии: «дискурс политической философии представляет собой динамичную когнитивную решетку, выполняющую функции теоретического структурирования, моделирования, интерпретации и оценки феноменов политической жизни».

Выдвинута гипотеза о существовании следующих дискурсивных типов политической философии: дискурс политической философии классического типа; постклассический политико-философский дискурс; дискурс неклассической политической философии; дискурс политической философии постнеклассического типа. Рассматриваются базовые черты каждого из типов политической философии и анализируются труды их представителей.

Дается дискурс-анализ классических, неклассических и постнеклассических концепций политической власти как концептуального ядра политической философии. Особое внимание уделено концепциям политической власти, представленным в работах М. Фуко, Дж. Батлер, П. Бурдьё, Э. Тоффлера, Ю. Хабермаса. Проанализированы концепты и дискурсы культурно-информационной власти: концепты общества знания и когнитивного капитализма, концептуальные модели идеологического дискурса, дискурс символической политики.

Рассмотрены современные интерпретации традиционных концептов политической философии: концепт справедливости / несправедливости, концепт насилия, концепт политической идентичности. Проанализированы особенности дискурсов новейших течений в политической философии: дискурс неолиберализма, дискурс либертарианства, дискурс коммунитаризма, дискурс мультикультурализма, дискурс феминизма, дискурс левых политических движений [171; 173; 177; 179; 187; 196].

14.2. Концептосфера и дискурс политической коммуникативистики

Рассмотрена специфика дискурса политической коммуникативистики, которая характеризуется структурой ее концептосферы, то есть системой концептов, представляющих собой ключевые понятия, вокруг которых образуются подвижные интерпретационные поля. Концепты трактуются как многослойные дискурсивные образования, структуру которых образуют разнообразные способы интерпретации определенной когнитивной единицы, которая дает общее имя всем вариациям дискурса.

Концепты политической коммуникативистики произрастают на базе нескольких предметно-дискурсивных полей, а именно следующих: предметно-дискурсивное поле теории и практик массовой коммуникации; предметно-дискурсивное поле массовой культуры, рассматриваемой в качестве мощного коммуникативного ресурса; предметно-дискурсивное поле политической идеологии как институционально-коммуникативной системы, направленной

на форматирование общественного сознания; предметно-дискурсивное поле политического маркетинга и PR, в рамках которого политико-коммуникативный процесс анализируется посредством маркетинговых категорий и PR-понятий; предметно-дискурсивное поле теории и медиа-практик информационно-цифрового общества.

Формирование концептосферы политической коммуникативистики объективно обусловлено глобальными трендами современного мирового развития, обозначаемыми такими понятиями, как «маркетинговая революция», «консьюмеристская революция», «информационная революция», «цифровая революция» и т. п.

Значительная часть концептосферы политической коммуникативистики представляет собой эпистемологический синтез категорий коммуникативного маркетинга и PR с понятиями, характеризующими традиционные политические коммуникации (институциональные, публичные, идеологические и др.). К ментальным образованиям такого рода можно отнести, к примеру, концепты бренд-имеджевой линейки: бренд-имиджевая политическая коммуникация, имидж/бренд государства и т. п. На пересечении PR-маркетинговых дискурсивных полей с дискурсивным полем политической идеологии формируются концепты, характеризующие коммуникационный капитал новых типов и форм идеологического «заражения», в состав которого входят определенные политические технологии [184; 191; 200].

14.3. PR-дискурс

Впервые в научный оборот введено понятие «PR-дискурс», проведен анализ разнообразных видов и форм PR-деятельности с позиции дискурсного подхода. Рассматриваются лингвистические, кратологические, семиотические, социально-коммуникативные и постмодернистские трактовки дискурса, которые выступают теоретической базой для исследования свойств и черт PR-дискурса. Подробно анализируются трактовки дискурса с позиции критического дискурс-анализа (КДА), социокультурного дискурс-анализа и нарративного подхода.

PR-дискурс определяется как знаково-символическая деятельность, осуществляемая в публичном коммуникативном пространстве, в ходе которой реализуются функции формирования символического, социетального, утилитарного и коммуникационного капиталов.

Разработана структурная модель дискурса публичной коммуникации, состоящая из шести основных планов, которая применима к исследованию PR-дискурса, выявлены ее перформативные компоненты. Предметом специального анализа стали дискурсы шоу-политики и PR-шоу, презентационный дискурс, дискурсы имиджа и бренда, дискурс глэм-культуры, разнообразные жанры институционального PR-дискурса. Особенно пристальное внимание уделено изучению жанров корпоративного PR-дискурса, к которым, наряду с прочими корпоративными жанрами репрезентационного характера, относится имиджевый жанр вузовского PR-дискурса [170; 173; 177; 205].

14.4. Дискурс шоу-политики

Шоу-политика как перформативный жанр политической коммуникации в своей основе является синтетическим конгломератом разнообразных дискур-

сов: PR-дискурсы, дискурсы спектакля, дискурсы массового шоу-бизнеса и др. Главный девиз шоу-политики: «развлекай и властвуй».

Шоу-политика – это одновременно и политическая технология, и властный ресурс. Дискурс шоу-политики обладает рядом атрибутивных свойств, к которым относятся: зрелищность, интерактивность, презентативность, манипулятивность, маркетинговый прагматизм, карнавальность, гедонистичность, «звездность» (культивирование идолопоклонства).

Одной из важных черт шоу-дискурса является доминирование визуально-чувственных компонентов над рационально-рассудочными. В этом плане дискурс шоу-политики вполне соответствует общей мировой тенденции омассовления культуры в информационном обществе, что обозначается таким термином как «тотальная визуализация». Вербальная культура или культура слова в современном символическом пространстве вытесняется видеокультурой или экранной культурой. Символическое поле значений и смыслов, формируемое с помощью экранной картинки, постоянно расширяется, вытесняя на периферию рациональные компоненты – логику, аргументацию, доказательства [147; 188; 205].

14.5. Неолиберальный дискурс

Раскрыты теоретико-доктринальные основания неолиберального дискурса, утверждается, что маркетинговая парадигма является базовым смыслообразующим ядром неолиберального дискурса.

Неолиберальный дискурс рассматривается в качестве фактора формирования новой социально-политической субъектности и новых ценностно-смысловых установок. В результате исследования стратегических установок неолиберального дискурса в области гуманитарных практик были сделаны следующие выводы: неолиберальный дискурс культивирует количественный фетишизм, лежащий в основе формирования субъекта «бухгалтерского» типа, что находит свое воплощение в доминировании рейтинговых показателей при оценке эффективности любой, в том числе интеллектуальной, деятельности; доминирование неолиберального дискурса приводит к дегуманизации и коммерциализации интеллектуальной и социальной сферы, к превращению науки, образования, здравоохранения и культуры исключительно в сферу услуг, а их продуктов – в разновидность рыночных товаров.

Выделены базовые черты неолиберальной политической элиты и ее дискурса. Отмечается, что существенной чертой неолиберальной элиты является ее политический космополитизм. Концепция космополитического государства глубоко проникла в ее сознание. Свою миссию неолиберальная элита видит не в том, чтобы служить интересам своего народа и обеспечивать суверенитет своей страны, а в том, чтобы как можно глубже интегрировать государственные институты и государственную экономику в глобальные транснациональные сети, то есть превратить на практике собственное государство и самих себя в проводников интересов глобальных корпораций. Отсюда – курс на десоверенизацию собственного государства.

Другой особенностью неолиберальной управленческой элиты, обозначаемой понятием «глобальный управленческий класс», выступает потребительский космополитизм, согласно установкам которого лучше всего жить там, где можно обеспечить себе наиболее высокий уровень потребления.

Выдвинута гипотеза о «гибридном» характере дискурса российского неолиберализма, поскольку официальный политический дискурс представляет собой некий эклектичный и противоречивый набор стратегических и ценностных установок. Отмечается, что в официальном российском дискурсе в последние годы стала обозначаться тенденция отхода от неолиберальной парадигмы в сторону новых приоритетных ценностей, в числе которых – национально-государственный суверенитет, социальная справедливость, патриотизм.

Приводится аргументация утверждению о том, что именно неолиберализм является главным сценаристом и организатором запуска глобального проекта серийных цветных революций, разработчики которого оснастили его определенным технологическим арсеналом. Проведен анализ современных технологий, применяемых неолиберальными силами в процессе организации и проведения цветных революций, дана их комплексная классификация. Сделан вывод о том, что неолиберализм как проект глобализации в последние годы постепенно утрачивает свою доминирующую позицию. Важным показателем кризиса неолиберальной политической элиты выступает ее неспособность идеологически подстроиться под новый правый тренд [187; 202; 204; 206; 207; 208; 209].

14.6. Политический медиадискурс

Утверждается, что с развитием информационной политической среды существенно увеличивается властный потенциал медиадискурса. Обладая силой виртуализации политической реальности, медиадискурс превращает политику в символический идеологический конструкт.

Основными медийными конструктами, из которых складывается виртуальная политическая реальность, выступают медиаобразы политических событий, новостей, субъектов и институтов. Далеко не каждое событие становится новостью, транслируемой СМИ. Новостной статус приобретают только те события, которые отвечают следующим дискурсным форматам: «сегодняшность» (соединение в одном и том же временном интервале события и дискурса о нем); «свежесть» (фактологическая новизна); актуальность (попадание в фокус заинтересованного внимания большой группы граждан); способность вызывать реактивный эмоциональный отклик (эффект дискурсивного «заражения»).

Современное информационное пространство – место конкуренции и борьбы агональных медиадискурсов, ведущих сражение за доминирование определенных медиаобразов. Агональный дискурс (от греч. «агон» – состязание, поединок) является господствующим в политическом пространстве в периоды избирательных кампаний и во время информационных войн.

Ключевыми структурными компонентами дискурса политического медиаобраза являются бинарные стратегии: 1) стратегия повышения аттрактивности (усиление привлекательности объектов и ценностей, увеличение значимости и статусности субъекта предпочтения); 2) стратегия отторжения (снижение имиджа и статусности противника). Основными технологиями конструирования политических медиаобразов выступают технологии фрейминга, шаблонизации, стереотипизации, мифологизации. В условиях обострения информационного противостояния в ход пускаются фейк-дискурсы и дискурсы постправды.

Дискурс постправды базируется на принципе приоритета политического интереса над доказательной базой. Рациональная аргументация уступает место

впечатлению от яркой или пугающей картинкой, которая конструируется и представляется медиаканалами, контролируемые политическими кураторами. Ради достижения определенной стратегической цели посредством ангажированных медиа «продавливается» представление об исключительно конфронтационном характере современных международных отношений, о грозящих катастрофах, осуществляется эскалация процесса демонизации политических противников. Логика постправды – это полное отсутствие рациональной логики, замена ее на иррациональный эмоциональный эффект с позиции принципа «цель оправдывает средства». В этой иррациональной схеме все ставится «с ног на голову», «хвост виляет собакой» [169; 178; 179; 185; 186; 192; 199].

14.7. Дискурс и семиотика города

Город как дискурс – это подвижная сложно-структурированная семиотическая система, которая включает процедуры означивания, смыслопорождения и репрезентации в знаково-символических формах городского пространства и городского образа жизни. Одной из самых существенных семиотических особенностей большого города является многоязычие, полифонизм, наличие нескольких одновременно используемых семиотических систем.

Рассмотрены черты неолиберальной модели городского дискурса. Ее основная стратегическая цель – интеграция города в глобальные торговые, промышленные, транспортные, культурно-индустриальные и иные сети с привлечением финансового капитала ТНК. Отсюда – увлечение мегапроектами. Особенностью конфигурации городской среды, предпочитаемой неолиберальной элитой, является четкое разделение городского пространства на две семиотически полярные среды: 1) «глобальный Центр» (бизнес-центр, торговый центр, арт-центр, культурно-исторический центр), включающий помпезные здания для проживания и деловой деятельности элитных слоев общества; 2) серые городские окраины, где проживают бедные горожане и мигранты.

Политические процессы и потрясения (восстания, войны, реформы, революции) постоянно отображаются в семиотике городского пространства в виде городской топонимики, создания мест памяти, закладки храмов, часовен и т. п. В ситуации несовместимости смысловых интерпретаций мест памяти предпринимаются попытки архитектурного «примирения» с травматической памятью о прошлом: воздвигаются памятники жертвам репрессий, военных преступлений, геноцида. Городское пространство также выступает как арена постоянной борьбы между стремлением к прогрессу (в строительстве, планировании, размещении, благоустройстве и т. п.) и сохранением исторического наследия [174; 197].

14.8. Теоретико-методологический анализ концепта и дискурса мягкой силы

Понятие «soft power» (мягкая сила) рассматривается как концепт политической науки и как дискурс эффективной политической коммуникации, посредством которого анализируются «мягкие» инструменты и «гибкие» факторы политического влияния в условиях глобальной конкуренции между странами. Основным инструментом soft power является имиджевая привлекательность политических субъектов и объектов. Дискурс мягкой силы – это способность государств привлекать других на свою сторону путем демонстрации своих ценностей и достижений

в разных областях жизни (культура, социальная политика, дипломатия и др.). Антитезой мягкой силы выступает жесткая сила, связанная с использованием инструментов военно-политического, экономического, санкционного и административного давления.

Соревновательный момент в сфере развития и эффективности «мягкой» силы (*soft power competition*) специально фиксируется и анализируется. При этом поднимаются четыре методологических вопроса: 1) каковы разновидности *soft power* (номенклатурный аспект); 2) каковы параметры и показатели, на основании которых можно измерять, а, следовательно, и сравнивать *soft power* разных стран; 3) насколько разнятся между собой в концептуальном и практическом планах национальные модели «мягкой» силы; 4) какие страны являются наиболее «мягкими» в реализации своей внешней и внутренней политики.

При создании национальной модели *soft power* внимание концентрируется на тех ресурсах и коммуникативных инструментах, которые содержательно и технологически вовлекаются в процесс формирования и продвижения бренда страны. К числу данных компонентов относятся, к примеру, уникальный опыт в области создания креативных и наукоемких технологий, в том числе цифровых, успешные практики экономических, политических и иных реформ, развитая инфраструктура культурного обмена, туристического сервиса.

Разработана комплексная структурная модель мягкой силы, которая претерпевает постоянное расширение, поскольку с каждым новым циклом проведения рейтинговых исследований мягкой силы большой группы стран дополняется все новыми параметрами [172; 175; 176; 181; 189; 190; 193; 194; 195; 198; 200; 203; 242].

14.9. Дискурс мобильности

Феномен мобильности рассматривается в качестве атрибутивного свойства процесса глобализации и важнейшей характеристики общества постфордистского типа. Современные теоретические портреты мобильности различаются методологической оптикой, дисциплинарными подходами и приоритетными объектами исследования. Значительное внимание в *mobility studies* уделяется антропологическим аспектам мобильных коммуникаций. Ставший очевидным такой признак современности, как ускорение социальной динамики, потребовал от обществоведов переключения на новую систему понятий, метафор, образов и концептов, способных сформировать особую исследовательскую оптику, позволяющую «схватить» все ускоряющуюся динамику общественного бытия.

Тема мобильности раскрывается посредством анализа дискурса, в основе которого лежит комплекс метафор – *метафоры передвижения* в пространствах разного рода, включая виртуальные, *метафоры путешествия*, в том числе по ментальным мирам, *метафоры сетей* и *потоков*, *метафоры хронотопа*, фиксирующие внимание на трансформациях в области восприятия пространства и времени в условиях ускорения жизни.

При анализе феномена мобильности разрабатывается *концепт подвижности*. Подвижность рассматривается как благо с медицинской, социально-адаптивной, экономической, коммуникативной и образовательной точек зрения. В современной экономической жизни гарантом коммерческого успеха выступает *маркетинговая подвижность*, которая реализуется в практиках рыночного продвижения товаров, услуг и брендов (промоушн), в расширении рыночного про-

странства, в рекламной экспансии и в поглощении конкурентов. Экономическая подвижность больших социальных систем рассматривается как условие успешного преодоления кризисных ситуаций, экономической стагнации и развития инновационности [168; 180; 183; 183; 201].

15. Трахтенберг Анна Давидовна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН

Тематика дискурс-исследований

15.1. Проблемы освоения Интернет-дискурса

В мировой науке сформировалось новое направление – «культурно-технологические исследования». Оно возникло на пересечении теории дискурса, культурных исследований, психоанализа и социального конструкционизма и направлено на изучение того комплекса дискурсивных практик, которые формируют «мета-политику» речи о тех или иных средствах коммуникации.

В рамках культурно-технологических исследований был впервые в отечественной литературе осуществлен анализ феминистской социологии на материале феминистского анализа процессов освоения информационно-коммуникационных технологий. Был сделан вывод о том, что если первоначально для данного направления была характерна технофобия (компьютер рассматривался как инструмент дальнейшего порабощения женщины – офисного работника), которая затем сместилась восторженными ожиданиями освобождения из-под власти гендера с помощью компьютеров и Интернета, то в настоящее время мейнстримом являются исследования реальных процессов адаптации женщин к ИКТ, причем они рассматриваются в качестве активных агентов происходящих изменений. Особое внимание было уделено социальному конструированию компьютера как гендерно нейтрального объекта.

По итогам эмпирических исследований освоения населением новых коммуникационных технологий, проведенных в Свердловской области, был сделан вывод о несовпадении этатистского дискурса «электронного правительства» и постмодернистского дискурса «Интернета как места без власти» с обыденными представлениями о том, как устроена власть в Интернет-сообществах, где всегда имеет место определенная иерархия, кто ее носитель. Было также обнаружено, что чем меньше у пользователей реальный опыт компьютерно опосредованной коммуникации, тем сильнее выражено опасение, что «компьютеры захватят власть над миром» [210; 214].

15.2. Дискурс электронного правительства

Автором был проанализирован глобальный дискурс электронного правительства. Сделан вывод, что в этом дискурсе постоянно воспроизводится «риторика разрыва» с прошлым, устаревшим и неправильным состоянием. Глобальный дискурс регулярно обогащается концептами, описывающими этот разрыв: «электронное правительство», «правительство 2.0», «открытое правительство», «умное правительство», «мобильное правительство», «цифровое правительство» и т. п. Каждый концепт строится с учетом последних достижений технологического

прогресса на текущий период, однако при этом базовый тезис о кардинальной трансформации классической «веберовской» системы государственного управления под влиянием информационных технологий остается в неприкосновенности. При этом электронное правительство в дискурсивном плане выступает как воплощение общего блага, существующего поверх политических различий. Таким образом, дискурс работает по принципу «анти-политической машины», обеспечивая редукцию политических проблем, связанных с ролью государства в информационном обществе, до технических и, одновременно, легитимируя расширение и развитие системы разрешительных полномочий органов власти. На основе анализа «серой литературы» и документов государственного стратегического планирования РФ было показано, как «риторика разрыва» сохраняет устойчивость благодаря постоянному переосмыслению, дополнению и поддерживающим объяснениям. Дискурс постоянно эволюционирует как путем реструктурирования уже имеющихся элементов (таких как государственные услуги), так и путем включения новых, а также путем использования целого комплекса приемов, позволяющего обойти «парадокс неэффективности».

В то же время внедрение в процесс коммуникаций между государственными органами и гражданами дискурса электронного правительства натывается на организационное сопротивление, которое объясняется консервативностью мышления чиновников. При внедрении электронного правительства имеет место ориентация не на эффективность, а на легитимность. Внедрение новых технологий часто носит ритуальный характер.

Также были проведены исследования того, каким образом граждане осуществляют адаптацию электронного правительства и электронных услуг в повседневной жизни. Как показали исследования, проведенные в 2010–2016 гг., при взаимодействии с органами власти граждане также оперируют «составом действий» с целью добиться необходимого результата. Точнее, они конструируют «арку действий», в которую входят как традиционные, так и электронные услуги. При этом большинство пользователей видят в электронном взаимодействии дополнительный, наряду с личным обращением, а не исключительный способ взаимодействия с органами власти [32; 34; 211; 212; 213; 214; 215; 216; 217; 218; 219; 245].

16. Фан Ирина Борисовна – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права УрО РАН

Тематика дискурс-исследований

16.1. Дискурс гражданственности и патриотизма

Гражданственность является духовным источником легитимации власти в системе представительной демократии. Гражданственность включает следующие ценностные ориентации и установки: 1) доверие гражданина к обществу, готовность к социальной кооперации, сотрудничеству и партнерству; 2) доверие граждан к государству, признание разумности законов государства и политико-правового порядка, законопослушность, лояльность; 3) предпочтение общего блага личному, патриотизм и чувство справедливости.

Западноевропейский этос гражданственности – светская, или «гражданская религия», комплекс индивидуального и национального самосознания, который включает формально-рациональное и чувственно-эмоциональное восприятие гражданской нации и гражданина в качестве суверена, автономного субъекта политики, права, религии и морали. Гражданский этос немислим без исторического опыта самоорганизации, солидарности и участия граждан в функционировании институтов местного самоуправления и представительства, что присуще населению западных стран. Содержательным основанием этой «гражданской религии» выступают ценности индивидуализма, демократии, патриотизма и национального достоинства.

Гражданственность представляет собой внутренний, ментальный план института гражданства. Дискурс гражданственности выступает культурно-содержательным, идеологическим и социально-психологический механизмом объединения граждан в политическую общность, их политическим идентификатором. Его эмоционально-психологический уровень порождает чувство принадлежности и сопричастности к определенной общности, рациональный – различные формы специализированного, политического, идеологического и теоретического сознания и самосознания нации. Гражданственность – практически-духовное комплексное качество политической культуры, присущее активной части гражданской нации, которое предполагает взаимосвязь политической ментальности и политического поведения.

Этос гражданина является продуктом развития культуры. Но в немалой степени он есть и результат господствующей идеологии. Наличие альтернативных политических сил и идеологий в Новое время порождало многообразие дискурсивных форм гражданственности – либеральной, консервативной, марксистской, социал-демократической и т. д. Содержание той или иной версии этоса обусловлено его историческим «возрастом» и социокультурным контекстом.

Ценностные ориентации в составе либерального дискурса политической культуры включают: 1) когнитивные ориентации, то есть знания и веру относительно политической системы; 2) «аффективные ориентации» или чувства относительно устройства политической системы; 3) «оценочные ориентации», суждения и мнения о политических объектах, которые обычно представляют из себя комбинацию ценностных стандартов и критериев, информации и чувств. Дискурсы национального самосознания эмоционально окрашены, они включают чувство общности, идентичности гражданина и нации.

В официальном политическом дискурсе России доминирует установка на лояльность и патриотизм, комплекс демократического участия представлен, в основном, в декларативной форме. Идеологи «партии власти» сконструировали собственную модель коллективной идентичности, эклектически соединяющей идейные фрагменты коммунистической, либеральной и православно-консервативной идеологии. Акцент на «русском» (этнически, религиозно и традиционно понимаемом) продиктован стремлением уйти от политики ельцинского периода и вытеснить ценности либерально-демократического проекта реформ и представления о «гражданской» идентичности нации. Вместо последних предлагается возрождение традиций имперского прошлого и русской культуры.

В современном публичном пространстве присутствуют и иные варианты патриотического дискурса. Патриотизм с точки зрения коммунистической

идеологии – это любовь к родине, преданность своему отечеству, народу. Подлинный патриотизм – борьба за лучшее для народа и социальный прогресс, за социализм и коммунизм. Он не совместим с буржуазным национализмом и космополитизмом.

Характеристики патриотизма (ложный и настоящий, подлинный и неподлинный) могут меняться в зависимости от идеологических установок и социально-политических интересов. Первое, от чего надо отказаться при определении патриотизма, это от его абстрактного характера – внеисторического, внетекстуального, бессубъектного. Современное понимание патриотизма должно учитывать многоконфессиональный характер российского общества и светский характер российского государства. Невозможно раз и навсегда определить патриотизм. Приобретенный исторический опыт конкретного поколения вносит вклад в содержательное наполнение патриотизма. Ни одно понимание патриотизма не должно иметь монопольное право на подлинность.

В понимании патриотизма особую роль играет этнический аспект. Этнический слой в дискурсе патриотизма задает установку консервации происхождения. Этническое, связанное с бессознательным, архетипическим, содержит некое противопоставление своего этноса и чужого. Пора поставить вопрос о возможности патриотизма без бинарных этнических оппозиций. Необходимо считать допустимым множество интерпретаций патриотизма. Дискурс патриотизма включает знание, чувство и практическое осуществление связи с соотечественниками в прошлом и настоящем. Главное – связь не только с территорией, но с людьми, жившими и живущими на данной территории, с людьми, у которых есть общий исторический опыт – опыт переживаний общих достижений и утрат [222; 223].

16.2. Мобильности в обществе позднего Модерна

Важным аспектом «текущей современности» является постоянная модернизация и процессы развития мобильности и индивидуализации. Современность порождает необходимость иного человека – *homo mobilis* – и в качестве результата социальных сетей и систем мобильности, и в качестве источника, осуществляющего ежедневную комбинацию сетей собственных взаимодействий. Мобильность выступает и как механизм, и как следствие модернизации. Индивид при наличии юридической автономии обречен на постоянные поиски собственной идентичности во всех остальных смыслах, на бесконечное самоопределение, на нескончаемую мобильность. Неоднозначным следствием индивидуализации является «коррозия и постоянный распад гражданства». Еще одно следствие размывания национальной модели гражданства в условиях глобализации и под воздействием систем мобильностей – возникновение новых форм неравенства. Классическую модель национального гражданства, описанную Т. Х. Маршаллом, Дж. Урри характеризует как «гражданство покоя». В глобализирующемся обществе Дж. Урри насчитывает двенадцать режимов международных перемещений, типов коммуникации и мобильностей. Происходит развитие новых видов гражданства и идентичности, которые подтачивают национальное гражданство и национальную идентичность. Это гражданство меньшинств, гражданство потребителей, гражданство мобильности (посетителей различных мест и культур). Модель национальной идентичности уступает место универсальным моделям

сообщества членов, связанных с де-территориализированным понятием универсальных прав личности. Это движение к постнациональному гражданству. Суть данного процесса состоит в отрыве прав личности от территории и нации. В этом процессе можно найти и позитивные, и негативные следствия. К первым можно отнести универсализацию прав личности, ее независимость от конкретного государства. Однако ее автономия оборачивается беззащитностью перед глобальным порядком, невозможностью солидарных действий, интеграции с другими членами глобальной общности. Различные виды мобильности оказывают разрушающее действие на гражданское общество в национальных масштабах, пока не просматривается становление транснационального гражданского общества. Это вызывает тревогу по отношению к перспективам развития гражданства и в пассивном, и, особенно, в его активном значении – как потенциала политического участия граждан. Однако, возможно, формирование новой космополитической модели гражданства еще не закончено [220; 221].

17. Фишман Леонид Гершевич – доктор политических наук, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН

Тематика дискурс-исследований

17.1. Дискурсы «Русского мира» и бесперспективного недонационализма

Показано, что в России, как ни парадоксально, невозможен полноценный националистический дискурс, не опирающийся на советское наследие. Возможность сформировать полноценный аналог национализма в виде «советизма» все еще остается открытой. Но именно *эта* возможность как раз и блокируется элитами, ибо означает одновременно их крушение. Вместо действенного аналога национализма предлагаются химеры, разные варианты соединения несоединимого, в данном случае – разных частей советского наследия и пореформенного либерализма, православия, традиционализма, духовных скреп, национальной идеи и так далее. Разнообразным стратегиям построения заведомо неэффективных сочетаний идеологием дается карт-бланш. Такова и идея «Русского мира» – химера бесперспективного «недонационализма», которая, похоже, содержит в себе все, до чего додумались за двадцать пять лет обслуживавшие российский политический режим идеологи и политтехнологи [227].

17.2. Дискурс «победы» и бюрократическая имитация

Современная российская официальная идеология может быть охарактеризована, по большому счету, как репрезентация идеологии и дискурса победы. В данном официальном дискурсе выражается неприкрытое желание правящих элит обладать «классовой гегемонией» путем приписывания себе всех имеющихся в прошлом и настоящем достижений, или хотя бы установления «преемственности» с ними. Такое желание элит вытекает из их объективного положения – положения гоббсовского суверена, который даже искренне желая подарить обществу «идеологию примирения», не может предложить ничего, кроме некоей «идеологии вообще», главными характеристиками которой остаются абстрактные «победа» и «примирение».

Российская «идеология победы» сравнивается с оригинальной американской. Американская «идеология победы» является примером «успешной» «идеологии победы», растущей своими корнями из истории восхождения изначально буржуазного государства с периферии в центр капиталистической миросистемы. Пытаясь сформулировать свою версию «буржуазной» «идеологии победы», российский политический режим обречен на неудачу просто потому, что попытка создать «буржуазную» «идеологию победы», изначально предназначенную именно для победителей из центра, на периферии оборачивается эпигонством, банальным реваншизмом, идеологическими противоречиями и бюрократической имитацией [225; 226; 228].

17.3. Антиэкстремистский дискурс

Обосновывается точка зрения, согласно которой антиэкстремистский дискурс является прямым результатом последовательного развертывания либерального дискурса. Либеральный дискурс предрасположен рассматривать себя как «норму», а всех своих оппонентов и врагов – как «крайности». При отсутствии сильных оппонентов, как это произошло в России с начала 2000-х гг., эта предрасположенность породила антиэкстремистский дискурс. В дальнейшем, по мере изменений представлений о «норме», в рамках данного дискурса и сам либерализм начал восприниматься как «экстремистская идеология» [224].

17.4. Дискурс трансгуманизма

В ходе анализа популярного в настоящее время дискурса трансгуманизма было показано, что трансгуманизм олицетворяет собой линию «Просвещения не для всех», поскольку в нем сделан упор на тех, кто находится на острие прогресса разума, науки, технологий. Но прогресс разума, науки и технологий – не синоним прогресса человечества. Линия Просвещения, на которой находится трансгуманизм, потому и является урезанной и тупиковой, что не подразумевает наличия собственно человеческих целей.

Не имея своих собственно человеческих целей и смыслов, трансгуманизм становится вариантом мировоззрения, подходящим для мобилизации какой-то части интеллектуальных элит для достижения целей, которые, в конечном счете, определяются не ими. Но тот, кто не имеет своих человеческих и социальных целей, тот, рано или поздно, будет работать на достижение чужих [229].

18. Фурсов Кирилл Константинович – аспирант Института философии и права УрО РАН

Тематика дискурс-исследований

18.1. Дискурс мягкой, жёсткой, умной силы

Рассматривается проблема разделения дискурса мягкой, жёсткой, умной силы. Если дискурс мягкой силы выражен в использовании ключевых понятий массовых акций, то дискурс жёсткой силы заключается в применении антагонистического словаря. Дискурс умной силы соединяет стратегическое применение технологий дискурса мягкой и жёсткой силы. В событиях украинского кризиса

2014 года дискурс Евромайдана – пример дискурса мягкой силы, дискурс русского национализма – дискурс жёсткой силы. В момент включения Крыма в состав России использовался дискурс умной силы. Также даётся новое определение дискурса, которое сформулировано методом графосемантического моделирования 27 понятий [233].

18.2. Дискурс вражды в масс-медиа

Сформулировано определение дискурса вражды. Данное понятие появилось в западной политической науке под названием «hate speech». Рассмотрены агональный и аксиологический подходы к изучению дискурса масс-медиа. Изучение дискурса вражды масс-медиа опирается на теории языка вражды, образа врага, дискурса ингрупп и аутгрупп, интолерантного, конфликтного дискурса. Дискурс вражды разрушает единое политическое пространство, ведёт к отчуждению сторон и росту насилия. Современный дискурс вражды проявляется в создании сети «ботов», в троллинге, перформансе протестных движений, в карикатурных практиках. Различные ценностные стратегии и образы дискурса вражды масс-медиа выражаются в пропаганде.

Было выявлено то, что дискурс вражды определяется политическими субъектами. Особенно зависим от субъектов дискурс вражды масс-медиа. В основе этого дискурса лежит объективный фактор – идентичность социально-политической группы. Различными субъектами дискурса вражды являются интеллектуалы и эксперты. Причиной его использования является этика низкой ответственности интеллектуалов и опора на массовые политические страсти и эмоции. Было показано, что чертой дискурса вражды политических субъектов среди масс-медиа выступает массовая эмоциональная заразительность отставания собственной идентичности.

Выделены следующие черты дискурса вражды масс-медиа: иррациональность, вовлечённость в конфликт, повышенная эмоциональность, привязанность к стереотипам, шаблонам, ориентация на групповую идентичность. Рассмотрены экстенсивные и интенсивные технологии медиаманипулирования. К экстенсивной технологии относится юридическое разрешение, зависимость редакционной политики от источника финансирования. К интенсивной технологии медиаманипулирования относится использование архетипов, предрассудков и стереотипов. Масс-медийные дискурсы вражды используют технологии дегероизации и демонизации политических конкурентов. Дискурс вражды современных масс-медиа является всеохватным, затрагивает все сферы общественной жизни, включая культуру и спорт [230; 231; 232; 234; 235].

19. Яркеев Алексей Владимирович – кандидат философских наук, научный сотрудник Ижевского филиала Института философии и права УрО РАН

Тематика дискурс-исследований

19.1. Правовая дискурсивность и дискурс биополитики

Проанализирована специфика социального бытия в структурах правовой дискурсивности. Показано, что правовой дискурс понимается как один из спо-

собов существования языка. Невозможность фактического предъявления социальной целостности свидетельствует о ее бытии не «по факту» (de facto), но «по праву» (de jure). Целостность социального бытия реализуется в точке тождества права и языка. Субстанциализация и объективация языковых конструкций приводит к дуализму «язык/действительность», который «разрывает» тождество права и жизни. В результате правовая система распадается на чистое существование права, не имеющего отношения к жизни, и голую жизнь, не имеющую отношения к праву. Дискурсивное единство рассыпается на абсолютный субъект, объект и язык. Язык превращается в средство управления субъекта объектом. Правовое управление жизнью находит свое крайнее выражение в существовании концлагеря как места, в котором абсолютный правопорядок неотличим от абсолютного бесправия и беззакония. Концлагерь как предельная ситуация человеческого существования предъявляет чистое бытие языка как границы, отделяющей человека от животного. Выход за пределы языка тождественен смерти человека. Языковой поворот, выступающий условием сохранения человеческой жизни, предполагает возвращение мыслящего и говорящего субъекта в пространство правовой дискурсивности.

Показано, что в рамках дискурса биополитики сущность человеческого бытия сводится к биологическому существованию тела, вследствие чего право на жизнь начинает пониматься через необходимость удовлетворения биологических потребностей и самосохранение. Такое представление задает социальное бытие как пространство борьбы за жизнь, в рамках которой право на собственную жизнь оказывается тождественным праву на смерть другого. Обосновывается необходимость включения прав человека в политическое общество, в котором люди выступают как граждане, соучаствующие в общем деле. Из потребности обеспечивать жизнедеятельность населения рождается всеобщая медицинализация как управленческая стратегия. На стыке права и медицины конституируется судебно-правовая дискурсивность, продуцирующая фигуру «опасного индивида». Показывается парадоксальность данной фигуры, существующей на пределе как правового, так и медицинского дискурса [236; 237].

19.2. Социальное бытие в структурах позитивной и негативной дискурсивности

Презумпция опасности, закрепляемая за каждым человеком в рамках современной политики безопасности, учреждает бытие социального в состоянии чрезвычайного положения. Постоянная ориентация на террористическую угрозу оборачивается самоконституированием социальной реальности по типу террористической организации. Перманентная «война с терроризмом» утверждается в качестве принципа существования социальной реальности, упраздняя правовые границы и ставя под угрозу онтологические основания социального бытия.

Проанализирована фундаментальная для социальной онтологии проблема бытия социального зла. С позиций конструктивно-герменевтического подхода социальное зло задается в качестве способа самоопределения социального бытия, рассматриваемого в тождестве с языком и мышлением. Общество понимается как продукт самоконструирующейся социальной субъективности, самовоспроизводящейся в системе социального знания, которое разворачивается в структурах позитивной и негативной дискурсивности (социальная апологетика и социальная

критика). Утверждается, что «действительное зло» возникает в результате элиминации мыслящего субъекта из системы социального знания, «растворения» мышления в трансцендентной субъективности и нерелегируемой повседневности. Это приводит к полной объективации социального бытия, что полагается равносильным его нигилизации [238; 239; 240; 241].

В заключение отметим, что дискурсивный поворот – важная и актуальная тенденция развития современной социально-политической и гуманитарной науки. Предложенный обзор научных разработок представителей уральской школы политической дискурсологии очертил ряд основных перспективных направлений отечественных дискурс-исследований. Интерес уральских ученых к проблемам дискурсивных практик и видов дискурса неизменно растет.

Накопленный фундаментально-теоретический материал по изучению многообразных дискурсивных формаций вводит в научный оборот новые исследовательские оптики и аспекты дискурс-анализа политических процессов, институтов и социальных практик, что в итоге ведет к существенному расширению предметной области политической дискурсологии и усилению ее методологического потенциала.

1. Вахрушева Е. А. Закрытие городского пространства и политики открытого города: критический анализ // Культура открытого города: новые смыслы и практики. Материалы V Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Екатеринбург: Управление культуры Администрации города Екатеринбурга; МБОУ ВО «Екатеринбургская академия современного искусства» (институт). 2017. С. 28–31.

2. Вахрушева Е. А. Концепция идеологии во второй половине XX – начале XXI вв.: от конца идеологии к ее глобальному возвращению // Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / под ред. В.С. Мартыанова, Л.Г. Фишмана. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 144–157.

3. Вахрушева Е. А. Критика глобализации и антиглобалистские стратегии Фредрика Джеймисона // Полития. 2016. № 1 (80). С. 43–53.

4. Вахрушева Е. А. Политическая философия Фредрика Джеймисона: автореф. дис. ... канд. полит. наук.: 23.00.01 / Вахрушева Евгения Александровна. Москва, 2017. 22 с.

5. Вахрушева Е. А. Постмодернистский неомарксизм Фредрика Джеймисона // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2015. Т. 15. вып. 2. С. 86–98.

6. Вахрушева Е. А. Фредрик Джеймисон // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. 2017. М.: Издательство «Весь Мир». – 992 с. С. 737–739.

7. Грибовод Е. Г. Дискурс Soft power и медиатизация политики как коммуникативные стратегии ШОС / Е. Г. Грибовод // Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О. Ф. Русаковой. Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2015. С. 263–276.

8. Грибовод Е. Г. Ключевые категории медиатизации как направления политического процесса // Развитие политических институтов и процес-

сов: зарубежный и отечественный опыт: материалы IV Всерос. науч. – практ. конф. / [отв. ред. И.А. Ветренко]. Омск, 2013. С. 221–224.

9. Грибовод, Е.Г. Медиатизация политики как институционально-коммуникативный процесс и информационно-стратегический ресурс: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Грибовод Екатерина Григорьевна. Екатеринбург, 2017. 189 с.

10. Грибовод Е.Г. Медиатизация политики как стратегический ресурс политических коммуникаций // Наука Красноярья. 2016. № 6. С. 48–57.

11. Грибовод Е.Г. Мобильность как атрибут медиатизации политики // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. Вып. 2 (19). С. 75–77.

12. Грибовод Е.Г. Основные модели медиатизация политики как институционально-коммуникативного процесса // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2016. Вып. 4 (25). С. 231–237.

13. Грибовод Е.Г. Процесс медиатизации политики в странах – членах ШОС // Социум и власть. 2015. № 3. С. 39–44.

14. Грибовод Е.Г. Развитие национальных информационных инфраструктур, проектируемых в странах Шанхайской организации сотрудничества // Проблемы международного сотрудничества в рамках ШОС: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2011. С. 180–188.

15. Грибовод Е.Г. Страны ШОС в условиях медиатизации политики // Проблемы и перспективы социокультурного и экономического взаимодействия стран – участников и наблюдателей Шанхайской организации сотрудничества: сб. ст. участников III Междунар. конф., г. Екатеринбург, 18–19 сент. 2012 г. Екатеринбург, 2012. С. 192–195.

16. Грибовод Е.Г. Феномен медиатизации как аспект современной коммуникативной практики // Россия между модернизацией и архаизацией: 1917–2017 гг.: материалы XX Всероссийской научно-практической конференции Гуманитарного университета, 11–12 апреля 2017 года: доклады / редкол.: Л.А. Закс и др.: в 2 т. Т. 1. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2017. С. 445–447.

17. Давыдов Д.А. Актуален ли социализм? О некоторых недостатках «концепций капиталистического пути к коммунизму» // Неприкосновенный запас. 2017. № 3. С. 46–59.

18. Давыдов Д.А. После капитализма: свобода от отчуждения или рентное забвение? // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2016. № 1. С. 20–32.

19. Давыдов Д.А. Смена общественно-экономической формации? Несколько слов о рентном обществе и перспективах посткапитализма // Свободная мысль. 2016. № 4. С. 19–30.

20. Давыдов Д.А. Технологии отчуждения и призрак коммунизма // Человек. 2017. № 5. С. 75–85.

21. Давыдов Д.А., Фишман Л.Г. Будущее капитализма: от литРПП к футурологии // Свободная мысль. 2015. № 3. С. 159–150.

22. Дьякова Е.Г. Массовая коммуникация и власть / Отв. ред. А.В. Гайда. Екатеринбург: УрО РАН, 2002. 278 с.

23. Дьякова Е.Г. Массовая коммуникация и власть в теории установления повестки дня // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния

Рос. акад. наук. 2002. Вып. 3. С. 144–168.

24. Дьякова Е.Г. Переход к электронному правительству в России: насколько готовы к нему граждане? // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2010. № 10. С. 117–120.

25. Дьякова Е.Г. Переход к электронному правительству: отражают ли международные рейтинги национальную специфику (США, Китай и Россия)? // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2012. Вып. 12. С. 272–284.

26. Дьякова Е.Г. Процесс перехода к электронному правительству как объект теоретического моделирования // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2010. Вып. 10. С. 204–224.

27. Дьякова Е.Г. «Электронное правительство» как элемент этатистского дискурса информационного общества // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2009. Вып. 9. С. 317–332.

28. Дьякова Е.Г. Soft power как проявление «административной моды» (на примере формирования электронного правительства в Китае) // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2014. № 4 (17). С. 45–49.

29. Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. «...И все подумали хором»: установление повестки дня и другие социальные технологии. Екатеринбург: изд-во Уральского ун-та, 2011. 253 с.

30. Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. Массовая коммуникация: модели влияния. Как формируется «повестка дня»? / Отв. ред. С.Д. Балмаева. Екатеринбург: Изд-во Гуманит. ун-та, 2001. 132 с.

31. Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. Механизмы «soft power»: как локальная административная мода становится глобальной // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2017. № 3–4 (28–29). – С. 229–237.

32. Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. Социальная адаптация информационных технологий в сфере взаимодействия граждан с органами власти: новые компетенции и акторы // Наука Красноярья 2016. № 2 (25). С. 81–100.

33. Дьякова Е.Г. Трахтенберг А.Д. Социокультурные механизмы установления повестки дня // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2001. Вып. 2. С. 166–191.

34. Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. Формирование нормативно-правовой базы электронного правительства в России: от первого цикла к третьему // Евразийский юридический журнал. 2017. № 10 (113). С. 312–315

35. Иванова Е.А. Категория пространства в концепции постмодернизма Фредрика Джеймисона // Открытый город: Стратегии развития и формы публичности: материалы всероссийской междисциплинарной научной конференции молодых ученых, Екатеринбург: Екатеринбургская академия современного искусства; Уральский федеральный университет; отв. ред. Е.И. Рабинович. Екатеринбург: Екатеринбургская академия современного искусства, 2014. С. 17–21.

36. Ильченко М.С. Городское публичное пространство в современной России: символическая логика конструирования. Опыт Екатеринбурга // Культурная память и культурная идентичность: материалы Всерос. (с международ. участием) науч. конф. молодых учёных (XI Колосницыинские чтения) / Под общ. ред. Н.Б. Кирилловой. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2016. С. 81–88.

37. Ильченко М.С. Незавершённый проект как форма восприятия советского градостроительства 1920–1930-х гг.: опыт социалистических городов // Сибирские исторические исследования. 2017. № 2. С. 56–79.

38. Ильченко М.С. Постфордизм в современном мире: новые вызовы и способы осмысления // Постфордизм: концепции, институты, практики / Под ред. М.С. Ильченко, В.С. Мартьянова. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 4–17. 279 с.

39. Ильченко М.С. Постфордистские тенденции в развитии современного российского города // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19–21 октября 2016 года) [Электронный ресурс] Материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В. А. Мансуров. Электрон. Дан. М.: Российское общество социологов, 2016. С. 3510–3515.

40. Ильченко М.С. Риторика советского прошлого в современной российской политике // Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / под ред. В.С. Мартьянова, Л.Г. Фишмана. М.: Политическая энциклопедия, 2016. (Глава 3.4). С. 215–238.

41. Ильченко М.С. Российский мегаполис в логике постфордизма: «точка роста» или «зона неопределённости»? // Устойчивое развитие России: вызовы, риски, стратегии: материалы XIX Международной научно-практической конференции Гуманитарного университета, 12–13 апреля 2016 года: доклады / редкол.: Л. А. Закс и др.: в 2 т. Т. 1. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2016. С. 149–153.

42. Ильченко М.С. «Советское» и способы его прочтения в современном городском пространстве: символические трансформации архитектуры авангарда // Россия между модернизацией и архаизацией: 1917–2017 гг.: материалы XX Всероссийской научно-практической конференции Гуманитарного университета 11–12 апреля 2017 года: доклады / редкол. Л.А. Закс и др.: в 2 т. Т. 1. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2017. С. 131–136.

43. Ильченко М.С. Современный российский город: логика трансформации в постфордистской перспективе // Россия в условиях новой политической реальности: стратегия и методы развития. Материалы Всероссийской научной конференции РАПН, Москва, РАНХиГС при Президенте РФ, 25–26 ноября 2016 г. / Под ред. Гаман-Голутвиной О.В., Сморгунова Л.В., Тимофеевой Л.Н. М.: Изд-во «Проспект», 2016. С. 122–123.

44. Ильченко М. Уралмаш между «наследием» и «утопией»: архитектура авангарда в поисках языков описания // Неприкосновенный запас. 2017. № 4 (114). С. 215–235.

45. Исаков А.С. Агональный дискурс в исламе: шииты против суннитов // Научный журнал «Дискурс-Пи» 2015. № 1 (18). С. 37–43.

46. Исаков А.С. Агональный характер мягкой силы современной Турции // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2017. № 3–4 (28–29). С. 142–149.

47. Исаков А.С. «Арабская Весна» как источник концептуального плюрализма в политических исследованиях исламского Востока // Социум и Власть. 2016. № 4. С. 78–83.

48. Исаков А.С. Дискурс мобильности в исламе: политологический анамнез // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 2 (19). С. 57–64.

49. Исаков А.С. Дискурс адаптивности в исламе: от исламизации к рваншу // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2013. № 3. С. 83–87.
50. Исаков А.С. Дискурс исламизма // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2017. № 3–4 (28–29). С. 276–282.
51. Исаков А.С. Маликитское изменение дискурса мобильности в исламе // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2017. № 2 (27). С. 93–102.
52. Исаков А.С. От национализма к космополитизму: перформативное измерение политической доктрины Турции // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2014. № 14. С. 19–24.
53. Исаков А.С. Политическая модернизация в странах исламского Востока: концептуальный генезис // Известия Уральского Федерального Университета. Серия 3: общественные науки. 2017. № 1. С. 79–92.
54. Исаков А.С. Политический курс президента Хасана Роухани в системе фракций Исламской Республики Иран // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2017. № 1. С. 113–119.
55. Исаков А.С. Проблемы реализации демократии в современных шитских обществах / Материалы XVII Международной конференции «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования». Екатеринбург, 10–11 апреля 2014. С. 829–836.
56. Исаков А.С. Ханафитское изменение дискурса мобильности в исламе // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2016. № 3–4 С. 186–192.
57. Киселев К.В., Ляпустина М.А., Руденко В.Н. Публичные слушания в муниципальных образованиях. Екатеринбург: УрО РАН, 2007. – 151 с.
58. Ковалева (Ковба) Д.М. Гуманитарный имидж Свердловской области // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2013. № 11. С. 274–277.
59. Ковалева (Ковба) Д.М. Дискурс идентичности как инструмент soft power // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2013. № 11. С. 25–31.
60. Ковалева (Ковба) Д.М. Концепт soft power как предмет изучения современной политической науки и теоретическая основа внешнеполитических стратегий // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2013. Т. 13. Вып. 1. С. 118–132.
61. Ковба Д.М. Академическая мобильность в сфере высшего образования в контексте теории «мягкой силы» // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2016. № 3–4 (24–25). С. 181–185.
62. Ковба Д.М. Гражданское общество Китая в контексте теории «мягкой силы» // Теории и проблемы политических исследований. 2017. № 4А. С. 186–194.
63. Ковба Д.М. Дискурс и стратегия «мягкой силы в государствах Восточной Азии» // Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи», 2015. С. 44–60, С. 179–252.
64. Ковба Д.М. «Мягкая сила» в китайской политической науке и практике // XX Международная конференция памяти профессора Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования», 16–18 марта 2017 г., Екатеринбург. Екатеринбург: УрФУ, 2017. С. 2002–2010.
65. Ковба Д.М. Мягкая сила образования как средство установления

культурных связей и достижения политических целей // Россия и Восток: культурные связи в прошлом и настоящем: материалы Международной научной конференции (IX Колосницинские чтения, 16–17 апреля 2014 г.). Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2014. С. 33–36.

66. Ковба Д.М. Основные подходы к исследованию «мягкой силы» в отечественной политической науке // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2017. № 1 (26). С. 143–148.

67. Ковба Д.М. Ресурсы и механизм реализации мягкой силы // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2014. № 1 (14). С. 136–139.

68. Ковба Д.М. Различия в интерпретации концепта «мягкой силы» учеными Запада и Востока // Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад – диалог мировоззрений: тезисы докладов VII Российского философского конгресса (Уфа, 6–10 октября 2015 г.). Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. Т. II. С. 330.

69. Ковба Д.М. Теоретическая и практическая адаптация концепта «мягкой силы» азиатскими государствами // Пространство и время. 2014. № 4. С. 111–118.

70. Ковба Д.М. Фактор мобильности с точки зрения теории «мягкой силы» // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 2 (19). С. 53–56.

71. Ковба Д.М., Исаков А.С. «Мягкая сила»: рецепция концепта азиатскими государствами // Известия Уральского Федерального Университета. Серия 3: общественные науки. 2018. № 3. С. 79–88.

72. Кондрашов П.Н. Анализ экзистенциальной проблематики в философии Карла Маркса // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Екатеринбург: УрО РАН, 2014. Том 14. Вып. 3. С. 34–57.

73. Кондрашов П.Н. К вопросу о возможности построения системы экзистенциальных категорий в философии Карла Маркса // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Екатеринбург: УрО РАН, 2015. Том 15. Вып. 3. С. 47–64.

74. Кондрашов П.Н. Концепция историчности экзистенциального бытия в философии Карла Маркса // Известия УрФУ. Серия 3. Общественные науки. 2016. № 1. С. 125–137.

75. Кондрашов П.Н. Марксистская теория повседневности: попытка предварительной экспликации // Философия и общество. 2006. № 3. С. 98–115.

76. Кондрашов П.Н. наброски к праксеологическому истолкованию материалистического понимания истории // Альтернативы. 2017. № 2. С. 61–83.

77. Кондрашов П.Н. Онтологические структуры историчности: Исследование философии истории Карла Маркса / Под ред. К.Н. Любутина. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 320 с.

78. Кондрашов П.Н. Онтология историчности в философии Маркса // Логос. 2011. № 2 (81). С. 82–97.

79. Кондрашов П.Н. Понятие экзистенции в философии Карла Маркса // Человек. 2016. № 2. С. 127–139.

80. Кондрашов П.Н. Постфордизм: грядущий синтез феодализма и фордизма или только моменты в экономиках глобального центра? // Социологические исследования. 2016. № 11 (390). С. 158–164.

81. Кондрашов П.Н. Проблема повседневности в философии классического марксизма. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Екатеринбург, 2007. 164 с.

82. Кондрашов П.Н. Развертывание экзистенции из праксиса: попытка марксистской интерпретации // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2016. Т. 2. № 1. С. 75–84.

83. Кондрашов П.Н. Философия как теоретическая форма мировоззрения и экзистенциальное отношение человека к миру // Alma Mater. 2016. № 11. С. 9–12.

84. Кондрашов П.Н. Экзистенциальная категория страдания в философии Карла Маркса // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2015. Том 15. Вып. № 6. С. 8–11.

85. Кондрашов П.Н. Экзистенциальные контексты философии К. Маркса // Философские науки. 2015. № 7. С. 53–67.

86. Кондрашов П.Н. Экзистенциальный модус историчности в философии Карла Маркса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки». 2012. № 1. С. 61–68.

87. Кондрашов П.Н. Является ли постфордизм возможной экономической системой будущего? // Вестник Московской международной высшей школы бизнеса МИРБИС. 2016. № 1 (5). С. 47–51.

88. Кондрашов П.Н., Вахрушева Е.А. Наброски к истолкованию диалектики Фредрика Джеймисона // Vox. Философский журнал. 2015. № 19. С. 190–207.

89. Кондрашов П.Н., Любутин К.Н. Диалектика повседневности: Попытка марксистского анализа. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2015. 184 с.

90. Кондрашов П.Н., Любутин К.Н. Имманентное развертывание социальной историчности // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2013. Том 13. Вып. 2. С. 22–39.

91. Кондрашов П.Н., Любутин К.Н. Понятие историчности в философии К. Маркса // Философия и общество. 2012. Вып. № 4 (68). С. 5–22.

92. Кондрашов П.Н., Любутин К.Н. Философско-исторический метод К. Маркса // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2012. Вып. 12. С. 51–69.

93. Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. Историческая феноменология бесчеловечности. Екатеринбург: УрО РАН, 2010. 246 с.

94. Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. Историчность повседневности: от феодализма к капитализму // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2006. Вып. 6. С. 49–77.

95. Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. Наслаждение как конститутивный принцип историчности в философии К. Маркса // Известия Уральского государственного университета. Серия «Общественные науки». 2009. № 3. С. 177–189.

96. Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. Три модели исторического процесса в философии истории К. Маркса // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2009. № 1 (1). С. 62–73.

97. Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. Три модели исторического процесса

в философии К. Маркса // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Философия и право. 2009. № 1. С. 31–37.

98. Мартьянов В.С. Институциональное противодействие коррупции: законодательный каркас и общественный контроль // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: сб. тр. по итогам Всерос. науч. конф. / отв. ред. В.Н. Руденко; ред. К.В. Киселев, Е.А. Степанова, В.В. Эмих; Ин-т философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Екатеринбург: 2014. С. 66–77.

99. Мартьянов В.С. Креативный город: урбанистическая теория неолитерализма и ее альтернативы // Социодинамика. 2016. № 7. С. 38–48.

100. Мартьянов В.С. Модернизация морально-политических и правовых регуляторов как способ противодействия коррупции // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2014. Т. 14. № 2. С. 108–142.

101. Мартьянов В.С. Наше рентное будущее: глобальные контуры общества без труда? // СОЦИС. 2017. № 5. С. 141–153.

102. Мартьянов В.С. Переосмысляя Арктику: динамика российских приоритетов // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2013. Т. 13. № 1. С. 83–96.

103. Мартьянов В.С. Политический порядок Модерна в контексте рентной трансформации капитализма // Политическая концептология. 2017. № 3. С. 53–65.

104. Мартьянов В.С. Проблема легитимации прогрессора как условие политической гегемонии // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2014. № 1 (14). С. 103–112.

105. Мартьянов В.С. Противодействие коррупции в ситуации новой российской сословности // Вестник РАН. 2017. Том 87. № 6. С. 511–519.

106. Мартьянов В.С. Рентная демократия // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2016. Т. 16. № 3. С. 41–60.

107. Мартьянов В.С. Рентно-сословная трансформация российского общества // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2016. № 5. С. 106–124.

108. Мартьянов В.С. Российский политический порядок в рентно-сословной перспективе // Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 81–99.

109. Мартьянов В.С. Сети и иерархии городов в глобальном мире: модернизационный потенциал и пределы экспансии // МЭиМО. 2017. Т. 61. № 6. С. 57–66.

110. Мартьянов В.С. Социальная стратификация современных обществ: от экономических классов к рентным группам // СОЦИС. 2016. № 10. С. 139–148.

111. Мартьянов В.С. Трансформация факторов развития северных городов России: внутренние миграции и диверсификация ресурсов // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2013. Вып. 13. С. 66–73.

112. Мартьянов В.С., Панкевич Н.В., Старцев Я.Ю., Эмих В.В. Интересы мировых держав в Арктике: по результатам мониторинга ведущих СМИ // Социум и власть. 2017. № 2. С. 41–52.

113. Мартьянов В. С., Руденко В. Н. Российские мегаполисы: от промышленных городов к стратегии многофункциональных агломераций // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2012. Вып. 12. С. 316–330.

114. Моисеенко Я. Ю. Амбивалентная природа конформизма в ракурсе политической теории // Материалы XX Международной конференции «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования / редакционная коллегия: Грунт Е. В., Меренков А. В., Рыбцова Л. Л., Старшинова А. В. Екатеринбург, УрФУ, 2016.

115. Моисеенко Я. Ю. Дискурс конформизма / Научный журнал «Дискурс-Пи» 2013. № 2 (12). С. 252–255.

116. Моисеенко Я. Ю. Колониальная политика в дискурсе конформизма: между «империализмом» и «Империей» // «Локус»: Люди, общества, культуры, смыслы. 2017. № 2 (28). С. 107–118.

117. Моисеенко Я. Ю. Конформизм как имманентный элемент тоталитарных, авторитарных и либерально-демократических политических режимов // Вестник Гуманитарного Университета. 2017. № 1 (16). С. 64–72.

118. Моисеенко Я. Ю. Конформизм как ценностное основание идеологии прав человека // Материалы конференции V Декабрьские чтения по правам человека «Личность, социум и мир» / под ред. О. Н. Богатырёвой. Екатеринбург, УрФУ, 2016. С. 138–145.

119. Моисеенко Я. Ю. Мобильность как фактор политической социализации индивида // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2013. № 13. С. 40–43.

120. Моисеенко Я. Ю. Мобильность как форма массового конформистского сознания / Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 2 (19). С. 39–47.

121. Моисеенко Я. Ю. «Мягкая сила» конформизма и креативности в глобальном мире. // Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под редакцией О. Ф. Русаковой. – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2015. С. 80–94.

122. Моисеенко Я. Ю. Ресурсы и инструментарий интеллектуального колониализма: введение в теоретический анализ // Интеллектуальный колониализм на глобальном образовательном рынке: монография / Шаронова С. А. и др.; [под ред. доктора социологических наук С. А. Шароновой и кандидата философских наук Н. В. Трубниковой]. М.: РУДН, 2017. С. 33–61.

123. Моисеенко Я. Ю. Феноменология мобильности: методологический аспект // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2016. № 2 (23). С. 34–42.

124. Моисеенко Я. Ю. Феноменология smart power: кратологический аспект // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2017. № 3 (28). С. 150–155.

125. Моисеенко Я. Ю. «Homo mobilis» как антропологический тип: генезис // Труды Научного Общества КЖТ УрГУПС. Выпуск 1. Философия. Психология. Педагогика: сборник научных статей / под ред. А. С. Лунькова. Екатеринбург: Издательский Дом «Ажур», 2015. С. 20–25.

126. Мошкин С. В. Базовые принципы формирования национального парламента в федеративном государстве // Конституционализм в современной мировой и российской истории. Вторые Ельцинские чтения: материалы Международ. науч. конф. [сост. Ю. В. Запарий]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. С. 114–120.

127. Мошкин С.В. «Внешняя политика России: «гибридная война» вместо «мягкой силы» // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2014. № 1 (14). С. 168–173.
128. Мошкин С.В. «Военные марксисты» против Троцкого // Политическая экспертиза: Политэкс. 2012. Т. 8. № 4. С. 84–99.
129. Мошкин С.В. Дипломатическая война за Черноморские проливы в 1944–1946 годах // Дискурс-Пи. Научный журнал. 2016. № 1 (22). С. 112–116.
130. Мошкин С.В. Дискуссия о «красной интервенции» // Свободная мысль. 2012. № 9–10 (1635). С. 117–128.
131. Мошкин С.В. История одной фальсификации, или что делать с городскими легендами? Казус Ефима Артамонова // Родина. 2014. № 6. С. 40–41.
132. Мошкин С.В. Закарпатье – послевоенное приобретение Сталина // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2012. Вып. 11. С. 389–407.
133. Мошкин С.В. Закарпатье – «случайное» приобретение Сталина // Свободная мысль. 2012. № 1/2 (1631). С. 145–156.
134. Мошкин С.В. Когда и где началась холодная война? // «Я должен вспомнить – это было...» К 70-летию Великой Победы: монография / отв. ред. А.А. Степанова. Днепропетровск: Акцент ПП, 2015. С. 163–171.
135. Мошкин С.В. Коррупционные зоны информационного обслуживания власти // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: сб. тр. по итогам Всерос. науч. конф., Ин-т философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Екатеринбург: 2014. С. 230–237.
136. Мошкин С.В. Марксово понимание сути политической деятельности // Социум и власть. 2015. № 6 (56). С. 77–81.
137. Мошкин С.В. Мотивы и источники советской модернизации // Россия между модернизацией и архаизацией: 1917–2017 гг.: материалы XX Всерос. науч. – практ. конф. Гуманитарного ун-та, 11–12 апр. 2017 г.: доклады / редкол. Л.А. Закс и др.: в 2 т. Т. 1. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2017. С. 50–52.
138. Мошкин С.В. Нравственный императив гуманитарных интервенций // Ценности и нормы в потоке времени: материалы VI Международной научной конференции (Курган, 9–10 апреля 2015 г.) / отв. ред. Б.С. Шалютин. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2015. С. 83–85.
139. Мошкин С.В. Политическая деятельность и гражданское участие // Общая тетрадь. Вестник Московской школы гражданского просвещения. 2015. № 1 (67). С. 77–80.
140. Мошкин С.В. Политическая эволюция постсоветских стран Центральной Азии и России // Евразийство: история и современность конструкции «духовности» в стратегиях власти и этика современных повседневных практик: сб. ст. V Междунар. науч. – теор. очно-заочной конф. (Екатеринбург, 10 апреля 2015 г.) / [отв. за вып. М.В. Воробьева]. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2015. С. 40–47.
141. Мошкин С.В. Почему Хрущев передал Крым Украине? Судьбу полуострова предопределило простое хозяйственное решение // Российская газета. Ежедневное государственное издание. Официальный печатный орган Пра-

вительства Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2014/04/15/hrushev-site.html> (дата обращения: 29.10.2018).

142. Мошкин С.В. Права человека или государственный суверенитет? Затянувшиеся споры вокруг гуманитарных интервенций // Гуманитарная дипломатия: личность, социум, мир, права человека: Материалы международного конвента. 4–6 декабря 2014 года. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2015. С. 217–226.

143. Мошкин С.В. Режим имитационной демократии // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 1 (18). С. 138–143.

144. Мошкин С.В. «Священная корова» губернаторов. Медиаресурсы власти и коррупционные риски // Общая тетрадь: Вестник Московской школы политических исследований. 2014. № 1 (64). С. 39–47.

145. Мошкин С.В. СССР – Турция: дипломатическая война за проливы в 1944–1946 годах // 70-летие Великой Победы: исторический опыт и проблемы современности. Девятые уральские военно-исторические чтения. Сборник научных статей. В 2-х частях. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2015. Ч. II. С. 373–378.

146. Мошкин С.В. Уральская республика. Хроники // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2013. № 13 (2013). С. 103–107.

147. Нежданов Д.В., Русакова О.Ф. «Политический рынок» как системообразующая метафора современного политологического дискурса // Полис. 2011. № 4. С. 158–170.

148. Романова К.С. Дискурс методов и форм мягкой силы (soft power) в системах управления // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2018. № 1 (30). С. 96–103.

149. Романова К.С. Дискурсы исторической памяти // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2016. № 3 (24). С. 31–36.

150. Романова К.С. Дискурсы исторической памяти (продолжение) // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2017. № 1 (26). С. 36–42.

151. Романова К.С. Манипуляция как форма «мягкой» власти // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 1 (18). С. 131–135.

152. Романова К.С. Мифические образы и реальность в травелогe // Дискурс философского пути. Материалы круглого стола VI Российского философского конгресса. Нижний Новгород, 27–30 июня 2012 г. / Под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи». 2012. 128 с. С. 79–86.

153. Романова К.С. Перформанс повседневной жизни // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2014. № 1 (14) С. 15–18.

154. Романова К.С. Политические и социально-психологические дискурсы прошлого и будущего // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2013. № 12. С. 191–194.

155. Романова К.С. Свойства социального пространства и времени как факторы, определяющие мобильность личности // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 3–4 (20–21). С. 88–93.

156. Романова К.С. Травелог: движение к себе или бегство от себя? Ментальные особенности и культурное разнообразие // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 1 (18). С. 15–18.

157. Российская Арктика в поисках интегральной идентичности: колл. моногр. / отв. ред. О.Б. Подвинцев – М.: Новый хронограф, 2016. 208 с.

158. Руденко В.Н. Большие гражданские жюри в Калифорнии и их роль в противодействии коррупции // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции Сборник научных трудов по итогам Второй Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2016. С. 287–307.

159. Руденко В.Н. Большое жюри как институт гражданского участия в отправлении правосудия // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2011. № 11. С. 467–488.

160. Руденко В.Н. Гражданские большие жюри как форма общественного контроля // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2017. № 2 (27). С. 22–30.

161. Руденко В.Н. Делиберативная демократия в аксиологии защиты прав человека // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2017. Т. 17. № 4. С. 115–127

162. Руденко В.Н. Демократическое верховенство права и политические режимы // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2013. Т. 13. № 4. С. 57–73.

163. Руденко В.Н. Клеротерион как выражение Афинской модели демократии // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2005. № 1 (5). С. 159–162.

164. Руденко В.Н. Quaestiones repretuae или древнеримский опыт правосудия без коррупции // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции Сборник трудов по итогам Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2014. С. 443–454.

165. Руденко В.Н. Прямая демократия: модели правления, конституционно-правовые институты. Екатеринбург: УрО РАН, 2003. 474 с.

166. Руденко В.Н. Система смешанных судов в Японии // Государство и право. 2010. № 1. С. 95–102.

167. Руденко В.Н. «Чистая демократия» и ее атрибуты // Вестник Новосибирского Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2012. Т. 10. № 3. С. 120–126.

168. Русаков В.М., Русакова О.Ф. Философия мобильности в современном мире // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 2 (19). С. 10–18.

169. Русакова О.Ф. Агональность как стратегия политического медиадискурса в условиях информационной войны // Коммуникация в политике, бизнесе и образовании: материалы Международной научно-практической конференции 17–19 мая 2017 года. Научное электронное издание. М.: Издательство Московского университета, 2017. 272 с. С. 67–69.

170. Русакова О.Ф. Дискурс глэм-культуры // Научный журнал «Дискурс-Пи», 2013. № 13. С. 143–146.

171. Русакова О.Ф. Дискурс современной политической философии: становление новой концептуальной сферы // Науві записки Луганського національного університету. Серія «Філологічні науки». Дискурсологія: мова, культура, суспільство: зб. Наук. праць. Луганськ: Вид-во ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка», 2013. С. 56–71.

172. Русакова О.Ф. Дискурс soft power во внешней политике // Вестник ЮУрГУ, № 32 (291). Серия «Социально-гуманитарные науки». 2012. Вып. 19. С. 118–121.

173. Русакова О.Ф. Коммуникативные стратегии перформативного дискурса // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2014. № 1 (14). С. 12–14.

174. Русакова О.Ф. Концепт и стратегия креативного города // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2013. № 13. С. 78–82.

175. Русакова О.Ф. Концепт «мягкой силы» (Soft Power) в современной политической философии // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2010. Выпуск 10. С. 203–229.

176. Русакова О.Ф. Концепт smart power как теоретическое основание политической стратегии // Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2015. С. 33–43.

177. Русакова О.Ф. Медиадискурс как инструмент конструирования политической реальности // Масс-медиа и массовые коммуникации: статус научных и учебных дисциплин: Первый международный научный коллоквиум. Белгород, БелГУ, 26–27 сентября 2013. Сборник научных работ. – Белгород: ИПЦ «ПОЛТЕРРА», 2013. С. 95–99.

178. Русакова О.Ф. Медиадискурс как концепт дисциплины «политическая коммуникативистика» // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 27 (170). Вып. 20. Библиогр. С. 159–160.

179. Русакова О.Ф. Кратологическая модель дискурса соблазна // Известия Уральского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. 2011. № 4 (97). С. 135–144.

180. Русакова О.Ф. Метафорика и концептосфера дискурса мобильности // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2013. Вып. 13. С. 19–25.

181. Русакова О.Ф. Методологические проблемы категориального и инструментального анализа soft power // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2014. № 1 (14). С. 68–74.

182. Русакова О.Ф. Мобильность как инструмент политической коммуникации // Материалы XVII Международной конференции «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. Памяти профессора Л.Н. Когана /редакционная коллегия: Грунт Е.В., Кораблева Г.Б., Комлева Н.А. и др. Екатеринбург: УрФУ, 2014. С. 881–892.

183. Русакова О.Ф. Парадигма мобильности в дискурсе гуманитарных исследований // Стилистика сегодня и завтра: материалы IV Международной научной конференции. М.: Ф-т журн. МГУ, 2016. 639 с. С. 501–503.

184. Русакова О.Ф. Перформативный поворот в политической коммуникативистике // VI Всероссийский конгресс политологов «Россия в глобальном мире: Институты и стратегии политического взаимодействия». Материалы. Москва, 22–24 ноября 2012. М.: Российская ассоциация политической науки, 2012. С. 402–403.

185. Русакова О.Ф. Политическая власть медиадискурса // Современные информационно-психологические войны в политическом пространстве России: коммуникативные, геополитические и этнокультурные тенденции. Материалы

Всероссийской научно-практической конференции и круглого стола (с международным участием). Екатеринбург, 13–16 сентября 2010 года. Екатеринбург, ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», 2010. С. 145–153.

186. Русакова О.Ф. Политический медиадискурс: опыт структурного анализа // Взаимодействие языков и культур: материалы Международной научной конференции, 28–30 мая 2018 г. / под ред. О.А. Турбиной. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2018. Т. 1. С. 237–240.

187. Русакова О.Ф. Презентационный дискурс // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2013. № 13. С. 141–143.

188. Русакова О.Ф. Шоу-политика: особенности дискурса // Социум и власть. Социум и власть. 2009. № 4 (24). С. 36–39.

189. Русакова О.Ф. Soft power как стратегический ресурс и инструмент формирования государственного бренда: опыт стран Азии // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. 2013. № 3 (118). С. 52–61.

190. Русакова О.Ф., Бочаров А.В., Грибовод Е.Г. Концептуальные основания стратегии цветной революции: теории soft power, управляемого хаоса и медиатизации политики // Социум и власть. 2014. № 4. С. 42–47.

191. Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2014. Т. 14. Вып. 4. С. 65–77.

192. Русакова О.Ф., Квятковский К.О. Основные методологические подходы к исследованиям дискурса политической блогосферы // Социум и власть. 2011. № 3 (31). С. 70–74.

193. Русакова О.Ф., Ковалева (Ковба) Д.М. «Мягкая сила» и «умная власть»: концептуальный анализ // Социум и власть. 2013. № 3. С. 118–132.

194. Русакова О.Ф., Ковба Д.М. Стратегические модели «мягкой силы» стран восточноазиатского региона // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2016. № 2. С. 14–29.

195. Русакова О.Ф., Корнеева В.А. Спорт как сфера применения «мягкой» и «жесткой» сил политического влияния // Теории и проблемы политических исследований. 2016. № 5. С. 206–218.

196. Русакова О.Ф., Моисеенко Я.Ю. Современная политическая теория/философия в зеркале исследования Мэтью Дж. Мура // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2013. Т. 13. Вып. 4. С. 18–31.

197. Русакова О.Ф., Русаков В.М. Город как пространство исторической памяти // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2017. № 1 (26). С. 22–35.

198. Русакова О.Ф., Русаков В.М. Дискурсы и концепты «Мягкого влияния» в современном гуманитарном знании // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2012. Т. 10, вып. 3. С. 161–167.

199. Русакова О.Ф., Русаков В.М. «Мягкая сила» дискурса политических медиаобразов: анализ стратегических эффектов // Известия УрФУ. Серия 3. Общественные науки. 2017. Том 12. № 1 (161). С. 53–67.

200. Русакова О.Ф., Русаков В.М. «Мягкая сила» как инструмент политической коммуникации и гуманитарной дипломатии // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2017. № 1 (26). С. 61–72.
201. Русакова О.Ф., Русаков В.М. Парадигма мобильности в современном политическом медиадискурсе // Вопросы политологии. 2016. № 4 (24). С. 79–87.
202. Русакова О.Ф., Русаков В.М. Правый поворот в современном политическом дискурсе и кризис неолиберализма // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2016. № 3. С. 13–22.
203. Русакова О.Ф., Русаков В.М. Реализация технологий «мягкой силы» во внешней политике России // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2014. № 2–3 (15–16). С. 58–65.
204. Русакова О.Ф., Кочнева Е.Д. Оценки Октябрьской революции в официальном дискурсе политики памяти // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2017. № 3–4 (28–29). С. 17–30.
205. Русакова О.Ф., Русаков В.М. PR-дискурс: Теоретико-методологический анализ. – 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: УрО РАН, ИД «Дискурс-Пи». 2011. 336 с. С. 170–179.
206. Русакова О.Ф., Хмелинин А.А. Глобальная стратегия неолиберальных трансформаций: критический анализ // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 2 (19). С. 91–101.
207. Русакова О.Ф., Хмелинин А.А. Идеологическая мобильность современного неолиберализма // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2013. № 13. С. 88–92.
208. Русакова О.Ф., Хмелинин А.А. Неолиберальный дискурс: стратегии и технологии конструирования новой субъектности // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2012. Вып. 12. С. 259–271.
209. Русакова О.Ф., Хмелинин А.А. Проблема критического анализа неолиберализма в современной политической философии // Социум и власть. 2014. № 2 (46). С. 41–48.
210. Трахтенберг А.Д. В поисках утраченной альтернативы: Интернет как объект анализа в восходящих к Ж. Лакану теориях медиа-дискурса // Известия УрГУ. № 1. 2010. С. 28–38.
211. Трахтенберг А.Д. «Вещи, которые недоступны были ранее»: компьютеры и Интернет в структурах повседневности // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2009. Вып. 9. С. 333–353.
212. Трахтенберг А.Д. Интернет и возрождение «публичной сферы»: хабермасианский идеал и реальность Рунета // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2007. Вып. 7. С. 224–230.
213. Трахтенберг А.Д. Интернет как возвышенный объект идеологии в антикапиталистической риторике // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2008. Вып. 8. С. 242–256.
214. Трахтенберг А.Д. Информационная революция в зеркале обыденного сознания: компьютеры и Интернет в дискурсе повседневности // Социум. 2009. № 4. С. 14–19.
215. Трахтенберг А.Д. «Компьютеры на Россию как ушат воды вылили»:

информационно-коммуникационные технологии глазами пожилых людей // Научно-практический альманах «Дискурс-Пи». 2010. № 10. С. 117–120.

216. Трахтенберг А.Д. Электронное правительство: состоится ли «изобретение государства заново»? // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2011. Вып. 11. С. 285–297.

217. Трахтенберг А.Д. Электронное правительство: технократическая утопия или востребованная структура? // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2011. Вып. 11. С. 253–269.

218. Трахтенберг А.Д. Электронное правительство и электронные услуги: операционализация административной идеологии и тактики граждан // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2016. Т. 16. № 2. С. 63–79.

219. Трахтенберг А.Д. «Электронное правительство» как идеологический конструкт: как работает риторика разрыва? // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2017. Т. 17. № 2. С. 41–58.

220. Фан И.Б. Дискурс мобильности в обществе позднего Модерна // XIX международная конференция памяти профессора Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования» / ред. коллегия: Грунт Е.В., Меренков А.В., Рыбцова Л.Л., Старшинова А.В.: Материалы конф., 17–18 марта 2016 г. Екатеринбург: УрФУ. С. 895–903.

221. Фан И.Б. Дискурс мобильности и проблематизация модели национального гражданства // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 2 (19). С. 24–29.

222. Фан И.Б. Дискурс патриотизма: от многообразия к монополии // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2013. № 11–12. С. 147–153.

223. Фан И.Б. Либеральный дискурс гражданственности // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2017. № 2 (27). С. 170–173.

224. Фишман Л. Антиэкстремистский дискурс – взбесившийся либерализм? // Свободная мысль. 2016. № 4. С. 39–48.

225. Фишман Л.Г. Идеология и победа // Полития. 2015. № 3. С. 111–119.

226. Фишман Л. «Идеология победы» и её имитация или Почему Россия не Америка // Левая политика. 2016. № 25–26. С. 132–141.

227. Фишман Л. О «русском мире» и бесперспективности «недонационализма» // Неприкосновенный запас. 2015. № 1. С. 261–268.

228. Фишман Л.Г. Получилось как всегда. Идеологические потребности российской элиты: спрос и предложение // Политическая концептология. 2017. № 1. С. 125–135.

229. Фишман Л.Г. Трансгуманизм – тупиковая ветвь Просвещения? // Постчеловек и Постчеловечество: Будущее цивилизации или её конец? (Круглый стол) / Хоружий С.С., Фишман Л.Г., Комлева Н.А., Манойло А.В., Багдасарян В.Э., Радиков И.В., Федорченко С.Н., Абрамов А.В. // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2016. № 3. С. 23–33.

230. Фурсов К.К. Дискурс вражды: понятие и современные практики // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 1 (18). С. 25–30.

231. Фурсов К.К. «Дискурс вражды» масс-медиа: современные тенденции. // Новая наука: опыт, традиции, инновации. 2017. № 5–2. С. 23–27.
232. Фурсов К.К. Категория вражды в политических исследованиях: дискурсивный аспект // Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад – диалог мировоззрений: тезисы докладов VII Российского философского конгресса. Т. 2. С. 353–354.
233. Фурсов К.К. «Мягкая», «жесткая» и «умная» сила в политическом дискурсе международного кризиса вокруг Украины // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2014. № 2–3 (15–16). С. 129–133.
234. Фурсов К.К. Проявление дискурса вражды в жанре автобиографии в рамках процесса вертикальной политической мобильности // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 2 (19). С. 47–52.
235. Фурсов К.К. Субъекты политического «дискурса вражды» в пространстве масс-медиа. // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2017. № 2 (27). С. 146–153.
236. Яркеев А. Бытие прав человека в дискурсе биополитики // Евразийский юридический журнал. 2017. № 11 (114). С. 451–453.
237. Яркеев А. Бытие социального в поле правовой дискурсивности // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 26. № 3. С. 14–21.
238. Яркеев А. Зло как способ самоопределения социального бытия в структурах позитивной и негативной дискурсивности // Вестник Удмуртского университета. 2014. № 3–4. С. 25–30.
239. Яркеев А. Конструирование дискурса социальной онтологии в структурах негативности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 11–1. С. 213–215.
240. Яркеев А. Самоконституирование социальной реальности в дискурсе терроризма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 10. С. 211–212.
241. Яркеев А. Социальное конструирование «опасного индивида» в судебно-медицинском дискурсе // Евразийский юридический журнал. 2016. № 9 (100). С. 401–403.
242. Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2015. 376 с.
243. Ilchenko M. Avant-Garde Architecture in Search for the New Languages of Description // Autoportret. Pismo o Dobrej Przestrzeni. № 2 (53). 2016. С. 74–79.
244. Ilchenko M. Utopian spaces: Symbolic transformation of the “Socialist Cities” under post-Soviet conditions // Re-Imagining the City: Municipality and Urbanity Today from a Sociological Perspective», Ed. by M. Smagacz-Pozniemska, K. Frysztacki, A. Bukowski. Jagiellonian University Press, 2017. С. 32–52.
245. Trakhtenberg A.D. Electronic State Services from the Government’s and Citizens’ Standpoint // Proceedings of the 2015 2nd International Conference on Electronic Governance and Open Society: Challenges in Eurasia St. Petersburg, Russian Federation – November 24–25, 2015.

References

1. Vaxrusheva E.A. Zakrytie gorodskogo prostranstva i politiki otkrytogo goroda: kriticheskij analiz // Kul'tura otkrytogo goroda: novye smysly i praktiki. Materialy V Vserossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoy konferencii studentov, aspirantov i molodyx uchenyx. Ekaterinburg: Upravlenie kul'tury Administracii goroda Ekaterinburga; MBOU VO «Ekaterinburgskaya akademiya sovremennogo iskusstva» (institut). 2017. S. 28–31.
2. Vaxrusheva E.A. Koncepciya ideologii vo vtoroj polovine XX – nachale XXI vv.: ot konca ideologii k ee global'nomu vozvrashheniyu // Rossiya v poiskax ideologij: transformaciya cennostnyx reguljatorov sovremennyx obshhestv / pod red. V.S. Mart'yanova, L.G. Fishmana. M.: Politicheskaya e'nciklopediya, 2016. S. 144–157.
3. Vaxrusheva E.A. Kritika globalizacii i antiglobalistskie strategii Fredrika Dzhejmisona // Politiya. 2016. № 1 (80). S. 43–53.
4. Vaxrusheva E.A. Politicheskaya filosofiya Fredrika Dzhejmisona: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk.: 23.00.01 / Vaxrusheva Evgeniya Aleksandrovna. Moskva, 2017. 22 s.
5. Vaxrusheva E.A. Postmodernistskij neomarksizm Fredrika Dzhejmisona // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2015. T. 15. vyp. 2. S. 86–98.
6. Vaxrusheva E.A. Fredrik Dzhejmison // Identichnost': Lichnost', obshhestvo, politika. E'nciklopedicheskoe izdanie. 2017. M.: Izdatel'stvo «Ves' Mir». – 992 s. S. 737–739.
7. Gribovod E.G. Diskurs Soft power i mediatizaciya politiki kak kommunikativnye strategii ShOS / E.G. Gribovod // Soft power: teoriya, resursy, diskurs / pod red. O.F. Rusakovej. Ekaterinburg: Izdatel'skij Dom «Diskurs-Pi», 2015. S. 263–276.
8. Gribovod E.G. Klyucheveye kategorii mediatizacii kak napravleniya politicheskogo processa // Razvitie politicheskix institutov i processov: zarubezhnyj i otechestvennyj opyt: materialy IV Vseros. nauch. – prakt. konf. / [otv. red. I.A. Vetrenko]. Omsk, 2013. S. 221–224.
9. Gribovod, E.G. Mediatizaciya politiki kak institucional'no-kommunikativnyj process i informacionno-strategicheskij resurs: dis. ... kand. polit. nauk: 23.00.02 / Gribovod Ekaterina Grigor'evna. Ekaterinburg, 2017. 189 s.
10. Gribovod E.G. Mediatizaciya politiki kak strategicheskij resurs politicheskix kommunikacij // Nauka Krasnoyar'ya. 2016. № 6. S. 48–57.
11. Gribovod E.G. Mobil'nost' kak atribut mediatizacii politiki // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. Vyp. 2 (19). S. 75–77.
12. Gribovod E.G. Osnovnye modeli mediatizacii politiki kak institucional'no-kommunikativnogo processa // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2016. Vyp. 4 (25). S. 231–237.
13. Gribovod E.G. Process mediatizacii politiki v stranax – chlenax ShOS // Socium i vlast'. 2015. № 3. S. 39–44.
14. Gribovod E.G. Razvitie nacional'nyx informacionnyx infrastruktur, proektiruemyx v stranax Shanxajskoj organizacii sotrudnichestva // Problemy

mezhdunarodnogo sotrudnichestva v ramkax ShOS: sb. nauch. tr. Ekaterinburg, 2011. S. 180–188.

15. Gribovod E.G. Strany ShOS v usloviyax mediatizacii politiki // Problemy i perspektivy sociokul'turnogo i e'konomicheskogo vzaimodejstviya stran – uchastnikov i nablyudatelej Shanxajskoj organizacii sotrudnichestva: sb. st. uchastnikov III Mezhdunar. konf., g. Ekaterinburg, 18–19 sent. 2012 g. Ekaterinburg, 2012. S. 192–195.

16. Gribovod E.G. Fenomen mediatizacii kak aspekt sovremennoj kommunikativnoj praktiki // Rossiya mezhdru modernizaciej i arxaizaciej: 1917–2017 gg.: materialy XX Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii Gumanitarnogo universiteta, 11–12 aprelya 2017 goda: doklady / redkol.: L. A. Zaks i dr.: v 2 t. T. 1. Ekaterinburg: Gumanitarnyj universitet, 2017. S. 445–447.

17. Davydov D. A. Aktualen li socializm? O nekotoryx nedostatках «koncepcij kapitalisticheskogo puti k kommunizmu» // Neprikosnovennyj zapas. 2017. № 3. S. 46–59.

18. Davydov D.A. Posle kapitalizma: svoboda ot otchuzhdeniya ili rentnoe zabvenie? // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2016. № 1. S. 20–32.

19. Davydov D.A. Smena obshhestvenno-e'konomicheskoy formacii? Neskol'ko slov o rentnom obshhestve i perspektivax postkapitalizma // Svobodnaya mysl'. 2016. № 4. S. 19–30.

20. Davydov D.A. Texnologii otchuzhdeniya i prizrak kommunizma // Chelovek. 2017. № 5. S. 75–85.

21. Davydov D.A., Fishman L.G. Budushhee kapitalizma: ot litRPG k futurologii // Svobodnaya mysl'. 2015. № 3. S. 159–150.

22. D'yakova E.G. Massovaya kommunikaciya i vlast' / Otv. red. A. V. Gajda. Ekaterinburg: UrO RAN, 2002. 278 s.

23. D'yakova E.G. Massovaya kommunikaciya i vlast' v teorii ustanovleniya povestki dnya // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2002. Vyp. 3. S. 144–168.

24. D'yakova E.G. Perexod k e'lektronnomu pravitel'stvu v Rossii: naskol'ko gotovy k nemu grazhdane? // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2010. № 10. S. 117–120.

25. D'yakova E.G. Perexod k e'lektronnomu pravitel'stvu: otrazhayut li mezhdunarodnye rejtingi nacional'nuyu specifiku (SShA, Kitaj i Rossiya)? // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2012. Vyp. 12. S. 272–284.

26. D'yakova E.G. Process perexoda k e'lektronnomu pravitel'stvu kak ob'ekt teoreticheskogo modelirovaniya // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2010. Vyp. 10. S. 204–224.

27. D'yakova E.G. «E'lektronnoe pravitel'stvo» kak e'lement e'tatistkogo diskursa informacionnogo obshhestva // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2009. Vyp. 9. S. 317–332.

28. D'yakova E.G. Soft power kak proyavlenie «administrativnoj mody» (na primere formirovaniya e'lektronnogo pravitel'stva v Kitae) // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2014. № 4 (17). S. 45–49.

29. D'yakova E. G., Traxtenberg A. D. «...I vse podumali xorom»: ustanovlenie povestki dnya i drugie social'nye texnologii. Ekaterinburg: izd-vo Ural'skogo un-ta, 2011. 253 s.

30. D'yakova E. G., Traxtenberg A. D. Massovaya kommunikaciya: modeli vliyaniya. Kak formiruetsya «povestka dnya»? / Otv. red. S. D. Balmaeva. Ekaterinburg: Izd-vo Gumanit. un-ta, 2001. 132 s.

31. D'yakova E. G., Traxtenberg A. D. Mexanizmy «soft power»: kak lokal'naya administrativnaya moda stanovitsya global'noj // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2017. № 3–4 (28–29). – S. 229–237.

32. D'yakova E. G., Traxtenberg A. D. Social'naya adaptaciya informacionnyx texnologij v sfere vzaimodejstviya grazhdan s organami vlasti: novye kompetencii i aktory // Nauka Krasnoyar'ya 2016. № 2 (25). S. 81–100.

33. D'yakova E. G., Traxtenberg A. D. Sociokul'turnye mexanizmy ustanovleniya povestki dnya // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2001. Vyp. 2. S. 166–191.

34. D'yakova E. G., Traxtenberg A. D. Formirovanie normativno-pravovoj bazy e'lektronno go pravitel'stva v Rossii: ot pervogo cikla k tret'emu // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2017. № 10 (113). S. 312–315

35. Ivanova E. A. Kategoriya prostranstva v koncepcii postmodernizma Fredrika Dzhejmisona // Otkrytyj gorod: Strategii razvitiya i formy publichnosti: materialy vserossijskoj mezhdisciplinarnoj nauchnoj konferencii molodyx uchenyx, Ekaterinburg: Ekaterinburgskaya akademiya sovremennogo iskusstva; Ural'skij federal'nyj universitet; otv. red. E. I. Rabinovich. Ekaterinburg: Ekaterinburgskaya akademiya sovremennogo iskusstva, 2014. S. 17–21.

36. Il'chenko M. S. Gorodskoe publichnoe prostranstvo v sovremennoj Rossii: simvolicheskaya logika konstruirovaniya. Opyt Ekaterinburga // Kul'turnaya pamyat' i kul'turnaya identichnost': materialy Vseros. (s mezhdunarod. uchastiem) nauch. konf. molodyx uchyonyx (XI Kolosnicynskie chteniya) / Pod obshh. red. N. B. Kirillovoj. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. Un-ta, 2016. S. 81–88.

37. Il'chenko M. S. Nezavershyonnyj proekt kak forma vospriyatiya sovetskogo gradostroitel'stva 1920–1930-x gg.: opyt socialisticheskix gorodov // Sibirskie istoricheskie issledovaniya. 2017. № 2. S. 56–79.

38. Il'chenko M. S. Postfordizm v sovremennom mire: novye vyzovy i sposoby osmysleniya // Postfordizm: koncepcii, instituty, praktiki / Pod red. M. S. Il'chenko, V. S. Mart'yanova. M.: Politicheskaya e'nciklopediya, 2015. S. 4–17. 279 s.

39. Il'chenko M. S. Postfordistskie tendencii v razvitii sovremennogo rossijskogo goroda // Sociologiya i obshhestvo: social'noe neravenstvo i social'naya spravedlivost' (Ekaterinburg, 19–21 oktyabrya 2016 goda) [E'lektronnyj resurs] Materialy V Vserossijskogo sociologicheskogo kongressa / otv. red. V. A. Mansurov. E'lektron. Dan. M.: Rossijskoe obshhestvo sociologov, 2016. S. 3510–3515.

40. Il'chenko M. S. Ritorika sovetskogo proshlogo v sovremennoj rossijskoj politike // Rossiya v poiskax ideologii: transformaciya cennostnyx reguljatorov sovremennyx obshhestv / pod red. V. S. Mart'yanova, L. G. Fishmana. M.: Politicheskaya e'nciklopediya, 2016. (Glava 3.4). S. 215–238.

41. Il'chenko M. S. Rossijskij megapolis v logike postfordizma: «tochka rosta» ili «zona neopredelyonnosti»? // Ustojchivoe razvitie Rossii: vyzovy, riski, strategii:

materialy XIX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii Gumanitarnogo universiteta, 12–13 aprelya 2016 goda: doklady / redkol.: L.A. Zaks i dr.: v 2 t. T. 1. Ekaterinburg: Gumanitarnyj universitet, 2016. S. 149–153.

42. Il'chenko M.S. «Sovetskoe» i sposoby ego prochteniya v sovremennom gorodskom prostranstve: simvolicheskie transformacii arxitektury avangarda // Rossiya mezhdru modernizaciej i arxaizaciej: 1917–2017 gg.: materialy XX Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii Gumanitarnogo universiteta 11–12 aprelya 2017 goda: doklady / redkol. L.A. Zaks i dr.: v 2 t. T. 1. Ekaterinburg: Gumanitarnyj universitet, 2017. S. 131–136.

43. Il'chenko M.S. Sovremennyy rossijskij gorod: logika transformacii v postfordistskoj perspektive // Rossiya v usloviyax novoj politicheskoy real'nosti: strategiya i metody razvitiya. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii RAPN, Moskva, RANXiGS pri Prezidente RF, 25–26 noyabrya 2016 g. / Pod red. Gaman-Golutvinoj O.V., Smorgunova L.V., Timofeevoj L.N. M.: Izd-vo «Prospekt», 2016. S. 122–123.

44. Il'chenko M. Uralmash mezhdru «naslediem» i «utopiej»: arxitektura avangarda v poiskax yazykov opisaniya // Neprikosnovennyj zapas. 2017. № 4 (114). S. 215–235.

45. Isakov A.S. Agonal'nyj diskurs v islame: shiity protiv sunnitov // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi» 2015. № 1 (18). S. 37–43.

46. Isakov A.S. Agonal'nyj xarakter myagkoj sily sovremennoj Turcii // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2017. № 3–4 (28–29). S. 142–149.

47. Isakov A.S. «Arabskaya Vesna» kak istochnik konceptual'nogo plyuralizma v politicheskix issledovaniyax islamskogo Vostoka // Socium i Vlast'. 2016. № 4. S. 78–83.

48. Isakov A.S. Diskurs mobil'nosti v islame: politologicheskij anamnez // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. № 2 (19). S. 57–64.

49. Isakov A.S. Diskurs adaptivnosti v islame: ot islamizacii k revanshu // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2013. № 3. S. 83–87.

50. Isakov A.S. Diskurs islamizma // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2017. № 3–4 (28–29). S. 276–282.

51. Isakov A.S. Malikitskoe izmenenie diskursa mobil'nosti v islame // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2017. № 2 (27). S. 93–102.

52. Isakov A.S. Ot nacionalizma k kosmopolitizmu: performativnoe izmerenie politicheskoy doktriny Turcii // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2014. № 14. S. 19–24.

53. Isakov A.S. Politicheskaya modernizaciya v stranax islamskogo Vostoka: konceptual'nyj genezis // Izvestiya Ural'skogo Federal'nogo Universiteta. Seriya 3: obshhestvennye nauki. 2017. № 1. S. 79–92.

54. Isakov A.S. Politicheskij kurs prezidenta Xasana Rouxani v sisteme frakcij Islamskoj Respubliki Iran // Kaspijskij region: politika, e'konomika, kul'tura. 2017. № 1. S. 113–119.

55. Isakov A.S. Problemy realizacii demokracji v sovremennyx shiitskix obshhestvax / Materialy XVII Mezhdunarodnoj konferencii «Kul'tura, lichnost', obshhestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt e'mpiricheskogo issledovaniya». Ekaterinburg, 10–11 aprelya 2014. S. 829–836.

56. Isakov A.S. Xanafitskoe izmenenie diskursa mobil'nosti v islame // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2016. № 3–4 S. 186–192.
57. Kiselev K.V., Lyapustina M.A., Rudenko V.N. Publichnye slushaniya v municipal'nyx obrazovaniyax. Ekaterinburg: UrO RAN, 2007. – 151 s.
58. Kovaleva (Kovba) D.M. Gumanitarnyj imidzh Sverdlovskoj oblasti // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2013. № 11. С. 274–277.
59. Kovaleva (Kovba) D.M. Diskurs identichnosti kak instrument soft power // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2013. № 11. С. 25–31.
60. Kovaleva (Kovba) D.M. Koncept soft power kak predmet izucheniya sovremennoj politicheskoy nauki i teoreticheskaya osnova vneshnepoliticheskix strategij // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2013. T. 13. Vyp. 1. С. 118–132.
61. Kovba D.M. Akademicheskaya mobil'nost' v sfere vysshego obrazovaniya v kontekste teorii «myagkoj sily» // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2016. № 3–4 (24–25). S. 181–185.
62. Kovba D.M. Grazhdanskoe obshhestvo Kitaya v kontekste teorii «myagkoj sily» // Teorii i problemy politicheskix issledovanij. 2017. № 4A. S. 186–194.
63. Kovba D.M. Diskurs i strategiya «myagkoj sily v gosudarstvax Vostochnoj Azii» // Soft power: teoriya, resursy, diskurs / pod red. O.F. Rusakovoj. Ekaterinburg: Izdatel'skij dom «Diskurs-Pi», 2015. S. 44–60, S. 179–252.
64. Kovba D.M. «Myagkaya sila» v kitajskoj politicheskoy nauke i praktike // XX Mezhdunarodnaya konferenciya pamyati professora L.N. Kogana «Kul'tura, lichnost', obshhestvo v sovremennom mire: Metodologiya, opyt e'mpiricheskogo issledovaniya», 16–18 marta 2017 g., Ekaterinburg. Ekaterinburg: UrFU, 2017. S. 2002–2010.
65. Kovba D.M. Myagkaya sila obrazovaniya kak sredstvo ustanovleniya kul'turnyx svyazej i dostizheniya politicheskix celej // Rossiya i Vostok: kul'turnye svyazi v proshlom i nastoyashhem: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (IX Kolosnicynskie chteniya, 16–17 aprelya 2014 g.). Ekaterinburg: Gumanitarnyj universitet, 2014. S. 33–36.
66. Kovba D.M. Osnovnye podxody k issledovaniyu «myagkoj sily» v otechestvennoj politicheskoy nauke // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2017. № 1 (26). S. 143–148.
67. Kovba D.M. Resursy i mexanizm realizacii myagkoj sily // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2014. № 1 (14). S. 136–139.
68. Kovba D.M. Razlichiya v interpretacii koncepta «myagkoj sily» uchenymi Zapada i Vostoka // Filosofiya. Tolerantnost'. Globalizaciya. Vostok i Zapad – dialog mirovozzrenij: tezisy dokladov VII Rossijskogo filosofskogo kongressa (Ufa, 6–10 oktyabrya 2015 g.). Ufa: RIC BashGU, 2015. T. II. S. 330.
69. Kovba D.M. Teoreticheskaya i prakticheskaya adaptaciya koncepta «myagkoj sily» aziatskimi gosudarstvami // Prostranstvo i vremya. 2014. № 4. S. 111–118.
70. Kovba D.M. Faktor mobil'nosti s tochki zreniya teorii «myagkoj sily» // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. № 2 (19). S. 53–56.
71. Kovba D.M., Isakov A.S. «Myagkaya sila»: recepciya koncepta aziatskimi gosudarstvami // Izvestiya Ural'skogo Federal'nogo Universiteta. Seriya 3:

obshhestvennye nauki. 2018. № 3. S. 79–88.

72. Kondrashov P.N. Analiz e'kzistencial'noj problematiki v filosofii Karla Marksa // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. Ekaterinburg: UrO RAN, 2014. Tom 14. Vyp. 3. S. 34–57.

73. Kondrashov P.N. K voprosu o vozmozhnosti postroeniya sistemy e'kzistencial'nyx kategorij v filosofii Karla Marksa // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. Ekaterinburg: UrO RAN, 2015. Tom 15. Vyp. 3. S. 47–64.

74. Kondrashov P.N. Konceptiya istorichnosti e'kzistencial'nogo bytiya v filosofii Karla Marksa // Izvestiya UrFU. Seriya 3. Obshhestvennye nauki. 2016. № 1. S. 125–137.

75. Kondrashov P.N. Marksistskaya teoriya povsednevnosti: popytka predvaritel'noj e'ksplikacii // Filosofiya i obshhestvo. 2006. № 3. S. 98–115.

76. Kondrashov P.N. Nabroski k prakseologicheskomu istolkovaniyu materialisticheskogo ponimaniya istorii // Al'ternativy. 2017. № 2. S. 61–83.

77. Kondrashov P.N. Ontologicheskie struktury istorichnosti: Issledovanie filosofii istorii Karla Marksa / Pod red. K.N. Lyubutina. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2014. 320 s.

78. Kondrashov P.N. Ontologiya istorichnosti v filosofii Marksa // Logos. 2011. № 2 (81). S. 82–97.

79. Kondrashov P.N. Ponyatie e'kzistencii v filosofii Karla Marksa // Chelovek. 2016. № 2. S. 127–139.

80. Kondrashov P.N. Postfordizm: gryadushhij sintez feodalizma i fordizma ili tol'ko momenty v e'konomikax global'nogo centra? // Sociologicheskie issledovaniya. 2016. № 11 (390). S. 158–164.

81. Kondrashov P.N. Problema povsednevnosti v filosofii klassicheskogo marksizma. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filosofskix nauk. Ekaterinburg, 2007. 164 s.

82. Kondrashov P.N. Razvertyvanie e'kzistencii iz praksisa: popytka marksistskoj interpretacii // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2016. T. 2. № 1. S. 75–84.

83. Kondrashov P.N. Filosofiya kak teoreticheskaya forma mirovozzreniya i e'kzistencial'noe otnoshenie cheloveka k miru // Alma Mater. 2016. № 11. S. 9–12.

84. Kondrashov P.N. E'kzistencial'naya kategoriya stradaniya v filosofii Karla Marksa // Vestnik Kyrghyzsko-Rossijskogo slavyanskogo universiteta. 2015. Tom 15. Vyp. № 6. S. 8–11.

85. Kondrashov P.N. E'kzistencial'nye konteksty filosofii K. Marksa // Filosofskie nauki. 2015. № 7. S. 53–67.

86. Kondrashov P.N. E'kzistencial'nyj modus istorichnosti v filosofii Karla Marksa // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Filosofskie nauki». 2012. № 1. S. 61–68.

87. Kondrashov P.N. Yavlyaetsya li postfordizm vozmozhnoj e'konomicheskoy sistemoy budushhego? // Vestnik Moskovskoj mezhdunarodnoj vysshej shkoly biznesa MIRBIS. 2016. № 1 (5). S. 47–51.

88. Kondrashov P.N., Vaxrusheva E.A. Nabroski k istolkovaniyu dialektiki Fredrika Dzhejmisona // Vox. Filosofskij zhurnal. 2015. № 19. S. 190–207.

89. Kondrashov P.N., Lyubutin K.N. Dialektika povsednevnosti: Popytka marksistskogo analiza. Izd. 2-e, ispr. i dop. M.: LENAND, 2015. 184 s.

90. Kondrashov P.N., Lyubutin K.N. Immanentnoe razvertyvanie social'noj istorichnosti // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2013. Tom 13. Vyp. 2. S. 22–39.

91. Kondrashov P.N., Lyubutin K.N. Ponyatie istorichnosti v filosofii K. Marksa // Filosofiya i obshchestvo. 2012. Vyp. № 4 (68). S. 5–22.

92. Kondrashov P.N., Lyubutin K.N. Filosofsko-istoricheskij metod K. Marksa // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2012. Vyp. 12. S. 51–69.

93. Lyubutin K.N., Kondrashov P.N. Istoricheskaya fenomenologiya beschelovechnosti. Ekaterinburg: UrO RAN, 2010. 246 s.

94. Lyubutin K.N., Kondrashov P.N. Istorichnost' povsednevnosti: ot feodalizma k kapitalizmu // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2006. Vyp. 6. S. 49–77.

95. Lyubutin K.N., Kondrashov P.N. Naslazhdenie kak konstitutivnyj princip istorichnosti v filosofii K. Marksa // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvenno universiteta. Seriya «Obshchestvennye nauki». 2009. № 3. S. 177–189.

96. Lyubutin K.N., Kondrashov P.N. Tri modeli istoricheskogo processa v filosofii istorii K. Marksa // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. 2009. № 1 (1). S. 62–73.

97. Lyubutin K.N., Kondrashov P.N. Tri modeli istoricheskogo processa v filosofii K. Marksa // Gumanitarnye nauki v Sibiri. Seriya: Filosofiya i pravo. 2009. № 1. S. 31–37.

98. Mart'yanov V.S. Institucional'noe protivodejstvie korrupcii: zakonodatel'nyj karkas i obshchestvennyj kontrol' // Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v oblasti protivodejstviya korrupcii: sb. tr. po itogam Vseros. nauch. konf. / otv. red. V.N. Rudenko; red. K.V. Kiselev, E.A. Stepanova, V.V. E'mix; In-t filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. Ekaterinburg: 2014. S. 66–77.

99. Mart'yanov V.S. Kreativnyj gorod: urbanisticheskaya teoriya neoliberalizma i ee al'ternativy // Sociodinamika. 2016. № 7. S. 38–48.

100. Mart'yanov V.S. Modernizaciya moral'no-politicheskix i pravovyx reguljatorov kak sposob protivodejstviya korrupcii // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2014. T. 14. № 2. S. 108–142.

101. Mart'yanov V.S. Nashe rentnoe budushhee: global'nye kontury obshchestva bez truda? // SOCIS. 2017. № 5. S. 141–153.

102. Mart'yanov V.S. Pereosmyslyaya Arktiku: dinamika rossijskix prioritetov // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2013. T. 13. № 1. S. 83–96.

103. Mart'yanov V.S. Politicheskij poryadok Moderna v kontekste rentnoj transformacii kapitalizma // Politicheskaya konceptologiya. 2017. № 3. S. 53–65.

104. Mart'yanov V.S. Problema legitimacii progressora kak uslovie politicheskij gegemonii // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2014. № 1 (14). S. 103–112.

105. Mart'yanov V.S. Protivodejstvie korrupcii v situacii novej rossijskoj soslovnosti // Vestnik RAN. 2017. Tom 87. № 6. C. 511–519.

106. Mart'yanov V.S. Rentnaya demokratiya // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2016. T. 16. № 3. S. 41–60.
107. Mart'yanov V.S. Rentno-soslovnaya transformaciya rossijskogo obshhestva // Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture. 2016. № 5. S. 106–124.
108. Mart'yanov V.S. Rossijskij politicheskij poryadok v rentno-soslovnoj perspektive // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2016. № 4. S. 81–99.
109. Mart'yanov V.S. Seti i ierarxii gorodov v global'nom mire: modernizacionnyj potencial i predely e'kspansii // ME'iMO. 2017. T. 61. № 6. C. 57–66.
110. Mart'yanov V.S. Social'naya stratifikaciya sovremennyx obshhestv: ot e'konomicheskix klassov k rentnym gruppam // SOCIS. 2016. № 10. S. 139–148.
111. Mart'yanov V.S. Transformaciya faktorov razvitiya severnyx gorodov Rossii: vnutrennie migracii i diversifikaciya resursov // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2013. Vyp. 13. C. 66–73.
112. Mart'yanov V.S., Pankevich N.V., Starcev Ya. Yu., E'mix V.V. Interesy mirovyx derzhav v Arktike: po rezul'tatam monitoringa vedushhix SMI // Socium i vlast'. 2017. № 2. S. 41–52.
113. Mart'yanov V.S., Rudenko V.N. Rossijskie megapolis: ot industrial'nyx gorodov k strategii mnogofunktional'nyx aglomeracij // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2012. Vyp. 12. S. 316–330.
114. Moiseenko Ya. Yu. Ambivalentnaya priroda konformizma v raketse politicheskoy teorii // Materialy XX Mezhdunarodnoj konferencii «Kul'tura, lichnost', obshhestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt e'mpiricheskogo issledovaniya / redakcionnaya kollegiya: Grunt E. V., Merenkov A. V., Rybcova L. L., Starshinova A. V. Ekaterinburg, UrFU, 2016.
115. Moiseenko Ya. Yu. Diskurs konformizma / Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi» 2013. № 2 (12). S. 252–255.
116. Moiseenko Ya. Yu. Kolonial'naya politika v diskurse konformizma: mezhdru «imperializmom» i «Imperiej» // «Lokus»: Lyudi, obshhestva, kul'tury, smysly. 2017. № 2 (28). S. 107–118.
117. Moiseenko Ya. Yu. Konformizm kak immanentnyj e'lement totalitarnyx, avtoritarnyx i liberal'no-demokraticheskix politicheskix rezhimov // Vestnik Gumanitarnogo Universiteta. 2017. № 1 (16). C. 64–72.
118. Moiseenko Ya. Yu. Konformizm kak cennostnoe osnovanie ideologii prav cheloveka // Materialy konferencii V Dekabr'skie chteniya po pravam cheloveka «Lichnost', socium i mir» / pod red. O.N. Bogatyryovoj. Ekaterinburg, UrFU, 2016. C. 138–145.
119. Moiseenko Ya. Yu. Mobil'nost' kak faktor politicheskoy socializacii individa // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2013. № 13. S. 40–43.
120. Moiseenko Ya. Yu. Mobil'nost' kak forma massovogo konformistskogo soznaniya / Nauchnyj zhurnal «Diskurs Pi». 2015. № 2 (19). S. 39–47.
121. Moiseenko Ya. Yu. «Myagkaya sila» konformizma i kreativnosti v global'nom mire. // Soft power: teoriya, resursy, diskurs / pod. redakciej O.F. Rusakovoj. – Ekaterinburg: Izdatel'skij Dom «Diskurs-Pi», 2015. S. 80–94.
122. Moiseenko Ya. Yu. Resursy i instrumentarij intellektual'nogo kolonializma: vvedenie v teoreticheskij analiz // Intellektual'nyj kolonializm

na global'nom obrazovatel'nom rynke: monografiya / Sharonova S.A. i dr.; [pod red. doktora sociologicheskix nauk S.A. Sharonovoj i kandidata filosofskix nauk N.V. Trubnikovoj]. M.: RUDN, 2017. S. 33–61.

123. Moiseenko Ya. Yu. Fenomenologiya mobil'nosti: metodologicheskij aspekt // Nauchnyj zhurnal «Diskurs Pi». 2016. № 2 (23). S. 34–42.

124. Moiseenko Ya. Yu. Fenomenologiya smart power: kratologicheskij aspekt // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2017. № 3 (28). S. 150–155.

125. Moiseenko Ya. Yu. «Homo mobilis» kak antropologicheskij tip: genezis // Trudy Nauchnogo Obshhestva KZHT UrGUPS. Vypusk 1. Filosofiya. Psixologiya. Pedagogika: sbornik nauchnyx statej / pod red. A.S. Lun'kova. Ekaterinburg: Izdatel'skij Dom «Azhar», 2015. S. 20–25.

126. Moshkin S. V. Bazovye principy formirovaniya nacional'nogo parlamenta v federativnom gosudarstve // Konstitucionalizm v sovremennoj mirovoj i rossijskoj istorii. Vtorye El'cinskie chteniya: materialy Mezhdunarod. nauch. konf. [sost. Yu. V. Zaparij]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2014. S. 114–120.

127. Moshkin S. V. «Vneshnyaya politika Rossii: «gibridnaya vojna» vmesto «myagkoj sily» // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2014. № 1 (14). S. 168–173.

128. Moshkin S. V. «Voennye marksisty» protiv Trockogo // Politicheskaya e'kspertiza: Polite'ks. 2012. T. 8. № 4. S. 84–99.

129. Moshkin S. V. Diplomatischeeskaya vojna za Chernomorskie prolivy v 1944–1946 godax // Diskurs-Pi. Nauchnyj zhurnal. 2016. № 1 (22). S. 112–116.

130. Moshkin S. V. Diskussiya o «krasnoj intervencii» // Svobodnaya mysl'. 2012. № 9–10 (1635). S. 117–128.

131. Moshkin S. V. Istoriya odnoj fal'sifikacii, ili chto delat' s gorodskimi legendami? Kazus Efima Artamonova // Rodina. 2014. № 6. S. 40–41.

132. Moshkin S. V. Zakarpat'e – poslevoennoe priobretenie Stalina // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2012. Vyp. 11. S. 389–407.

133. Moshkin S. V. Zakarpat'e – «sluchajnoe» priobretenie Stalina // Svobodnaya mysl'. 2012. № 1/2 (1631). S. 145–156.

134. Moshkin S. V. Kogda i gde nachalas' xolodnaya vojna? // «Ya dolzhen vspomnit' – e'to bylo...» K 70-letiyu Velikoj Pobedy: monografiya / otv. red. A. A. Stepanova. Dnepropetrovsk: Akcent PP, 2015. S. 163–171.

135. Moshkin S. V. Korrupcionnye zony informacionnogo obsluzhivaniya vlasti // Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v oblasti protivodejstvija korrupcii: sb. tr. po itogam Vseros. nauch. konf., In-t filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. Ekaterinburg: 2014. S. 230–237.

136. Moshkin S. V. Marksovo ponimanie suti politicheskij deyatel'nosti // Socium i vlast'. 2015. № 6 (56). S. 77–81.

137. Moshkin S. V. Motivy i istochniki sovetskoj modernizacii // Rossiya mezhdru modernizaciej i arxaizaciej: 1917–2017 gg.: materialy XX Vseros. nauch. – prakt. konf. Gumanitarnogo un-ta, 11–12 apr. 2017 g.: doklady / redkol. L. A. Zaks i dr.: v 2 t. T. 1. Ekaterinburg: Gumanitarnyj un-t, 2017. S. 50–52.

138. Moshkin S. V. Nравstvennyj imperativ gumanitarnyx intervencij // Cennosti i normy v potoke vremeni: materialy VI Mezhdunarodnoj nauchnoj

konferencii (Kurgan, 9–10 aprelya 2015 g.) / *otv. red. B.S. Shalyutin*. Kurgan: Izd-vo Kurganskogo gos. un-ta, 2015. S. 83–85.

139. Moshkin S.V. Politicheskaya deyatelnost' i grazhdanskoe uchastie // *Obshchaya tetrad'*. Vestnik Moskovskoj shkoly grazhdanskogo prosveshheniya. 2015. № 1 (67). S. 77–80.

140. Moshkin S.V. Politicheskaya e'volyuciya postsovetskix stran Central'noj Azii i Rossii // *Evrazijstvo: istoriya i sovremennost' konstrukcii «duxovnosti» v strategiyax vlasti i e'tika sovremennyx povsednevnyx praktik: sb. st. V Mezhdunar. nauch. – teor. ochno-zaochnoj konf. (Ekaterinburg, 10 aprelya 2015 g.)* / [otv. za vyp. M.V. Vorob'eva]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. e'kon. un-ta, 2015. S. 40–47.

141. Moshkin S.V. Pochemu Xrushhev peredal Krym Ukraine? Sud'bu poluostrova predopredelilo prostoe zozyajstvennoe reshenie // *Rossijskaya gazeta. Ezhednevnoe gosudarstvennoe izdanie. Oficial'nyj pechatnyj organ Pravitel'stva Rossijskoj Federacii [E'lektronnyj resurs]*. URL: <http://www.rg.ru/2014/04/15/hrushev-site.html> (data obrashheniya: 29.10.2018).

142. Moshkin S.V. Prava cheloveka ili gosudarstvennyj suverenitet? Zatyauvshiesya spory vokrug gumanitarnyx intervencij // *Gumanitarnaya diplomatiya: lichnost', socium, mir, prava cheloveka: Materialy mezhdunarodnogo konventa. 4–6 dekabrya 2014 goda*. Ekaterinburg: Gumanitarnyj universitet, 2015. S. 217–226.

143. Moshkin S.V. Rezhim imitacionnoj demokratii // *Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi»*. 2015. № 1 (18). S. 138–143.

144. Moshkin S.V. «Svyashhennaya korova» gubernatorov. Mediaresursy vlasti i korrupcionnye riski // *Obshchaya tetrad'*: Vestnik Moskovskoj shkoly politicheskix issledovanij. 2014. № 1 (64). S. 39–47.

145. Moshkin S.V. SSSR – Turciya: diplomaticheskaya vojna za prolivy v 1944–1946 godax // *70-letie Velikoj Pobedy: istoricheskij opyt i problemy sovremennosti. Devyatye ural'skie voenno-istoricheskie chteniya. Sbornik nauchnyx statej. V 2-x chastyax*. Ekaterinburg: Bank kul'turnoj informacii, 2015. Ch. II. S. 373–378.

146. Moshkin S.V. Ural'skaya respublika. Xroniki // *Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi»*. 2013. № 13 (2013). S. 103–107.

147. Nezhdanov D.V., Rusakova O.F. «Politicheskij rynek» kak sistemoobrazuyushchaya metafora sovremennogo politologicheskogo diskursa // *Polis*. 2011. № 4. S. 158–170.

148. Romanova K.S. Diskurs metodov i form myagkoj sily (soft power) v sistemax upravleniya // *Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi»*. 2018. № 1 (30). S. 96–103.

149. Romanova K.S. Diskursy istoricheskoy pamyati // *Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi»*. 2016. № 3 (24). S. 31–36.

150. Romanova K.S. Diskursy istoricheskoy pamyati (prodolzhenie) // *Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi»*. 2017. № 1 (26). S. 36–42.

151. Romanova K.S. Manipulyaciya kak forma «myagkoj» vlasti // *Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi»*. 2015. № 1 (18). S. 131–135.

152. Romanova K.S. Mificheskie obrazy i real'nost' v traveloge // *Diskurs filosofskogo puti. Materialy kruglogo stola VI Rossijskogo filosofskogo kongressa. Nizhnij Novgorod, 27–30 iyunya 2012 g.* / Pod red. O.F. Rusakovoj. Ekaterinburg:

ID «Diskurs-Pi», 2012. 128 s. S. 79–86.

153. Romanova K.S. Performans povsednevnoj zhizni // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2014. № 1 (14) S. 15–18.

154. Romanova K.S. Politicheskie i social'no-psixologicheskie diskursy proshlogo i budushhego // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2013. № 12. S. 191–194.

155. Romanova K.S. Svoystva social'nogo prostranstva i vremeni kak faktory, opredelyayushhie mobil'nost' lichnosti // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. № 3–4 (20–21). S. 88–93.

156. Romanova K.S. Travelog: dvizhenie k sebe ili begstvo ot sebya? Mental'nye osobennosti i kul'turnoe raznoobrazie // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. № 1 (18). S. 15–18.

157. Rossijskaya Arktika v poiskax integral'noj identichnosti: koll. monogr. / otv. red. O.B. Podvincev – M.: Novyj xronograf, 2016. 208 s.

158. Rudenko V.N. Bol'shie grazhdanskie zhyuri v Kalifornii i ix rol' v protivodejstvii korrupcii // Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v oblasti protivodejstviya korrupcii. Sbornik nauchnyx trudov po itogam Vtoroj Vserossijskoj nauchnoj konferencii. Ekaterinburg, 2016. S. 287–307.

159. Rudenko V.N. Bol'shoe zhyuri kak institut grazhdanskogo uchastiya v otpravlenii pravosudiya // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2011. № 11. S. 467–488.

160. Rudenko V.N. Grazhdanskie bol'shie zhyuri kak forma obshhestvennogo kontrolya // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2017. № 2 (27). S. 22–30.

161. Rudenko V.N. Deliberativnaya demokratiya v aksiologii zashhity prav cheloveka // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2017. T. 17. № 4. S. 115–127

162. Rudenko V.N. Demokraticeskoe verxovenstvo prava i politicheskie rezhimy // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2013. T. 13. № 4. S. 57–73.

163. Rudenko V.N. Kleroterion kak vyrazhenie Afinskoj modeli demokratii // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2005. № 1 (5). S. 159–162.

164. Rudenko V.N. Quaestiones perpetuae ili drevnerimskij opyt pravosudiya bez korrupcii // Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v oblasti protivodejstviya korrupcii. Sbornik trudov po itogam Vserossijskoj nauchnoj konferencii. Ekaterinburg, 2014. S. 443–454.

165. Rudenko V.N. Pryamaya demokratiya: modeli pravleniya, konstitucionno-pravovye instituty. Ekaterinburg: UrO RAN, 2003. 474 s.

166. Rudenko V.N. Sistema smeshannyx sudov v Yaponii // Gosudarstvo i pravo. 2010. № 1. S. 95–102.

167. Rudenko V.N. «Chistaya demokratiya» i ee atributy // Vestnik Novosibirskogo Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. 2012. T. 10. № 3. S. 120–126.

168. Rusakov V.M., Rusakova O.F. Filosofiya mobil'nosti v sovremennom mire // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. № 2 (19). S. 10–18.

169. Rusakova O.F. Agonal'nost' kak strategiya politicheskogo mediadiskursa v usloviyax informacionnoj vojny // Kommunikaciya v politike, biznese

i obrazovanii: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii 17–19 maya 2017 goda. Nauchnoe e'lektronnoe izdanie. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2017. 272 s. S. 67–69.

170. Rusakova O.F. Diskurs gle'm-kul'tury // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi», 2013. № 13. S. 143–146.

171. Rusakova O.F. Diskurs sovremennoj politicheskoy filosofii: stanovlenie novoj konceptual'noj sfery // Nauvi zapiski Lugan'skogo natsional'nogo universitetu. Seriya «Filologichni nauki». Diskursologiya: mova, kul'tura, suspil'stvo: zb. Nauk. prac". Lugan'sk: Vid-vo DZ «LNU imeni Tarasa Shevchenka», 2013. S. 56–71.

172. Rusakova O.F. Diskurs soft power vo vneshnej politike // Vestnik YuUrGU, № 32 (291). Seriya «Social'no-gumanitarnye nauki». 2012. Vyp. 19. S. 118–121.

173. Rusakova O.F. Kommunikativnye strategii performativnogo diskursa // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2014. № 1 (14). S. 12–14.

174. Rusakova O.F. Koncept i strategiya kreativnogo goroda // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2013. № 13. S. 78–82.

175. Rusakova O.F. Koncept «myagkoj sily» (Soft Power) v sovremennoj politicheskoy filosofii // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2010. Vypusk 10. S. 203–229.

176. Rusakova O.F. Koncept smart power kak teoreticheskoe osnovanie politicheskoy strategii // Soft power: teoriya, resursy, diskurs / pod red. O.F. Rusakovej. Ekaterinburg: Izdatel'skij Dom «Diskurs-Pi», 2015. S. 33–43.

177. Rusakova O.F. Mediadiskurs kak instrument konstruirovaniya politicheskoy real'nosti // Mass-media i massovye kommunikacii: status nauchnyx i uchebnyx disciplin: Pervyj mezhdunarodnyj nauchnyj kollokvium. Belgorod, BelGU, 26–27 sentyabrya 2013. Sbornik nauchnyx rabot. – Belgorod: IPC «POLTERRA», 2013. S. 95–99.

178. Rusakova O.F. Mediadiskurs kak koncept discipliny «politicheskaya kommunikativistika» // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universtiteta. Gumanitarnye nauki. 2013. № 27 (170). Vyp. 20. Bibliogr. S. 159–160.

179. Rusakova O.F. Kratologicheskaya model' diskursa soblazna // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3. Obshhestvennye nauki. 2011. № 4 (97). S. 135–144.

180. Rusakova O.F. Metaforika i konceptosfera diskursa mobil'nosti // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2013. Vyp. 13. S. 19–25.

181. Rusakova O.F. Metodologicheskie problemy kategorial'nogo i instrumental'nogo analiza soft power // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2014. № 1 (14). S. 68–74.

182. Rusakova O.F. Mobil'nost' kak instrument politicheskoy kommunikacii // Materialy XVII Mezhdunarodnoj konferencii «Kul'tura, lichnost', obshhestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt e'mpiricheskogo issledovaniya. Pamyati professora L.N. Kogana /redakcionnaya kollegiya: Grunt E.V., Korableva G.B., Komleva N.A. i dr. Ekaterinburg: UrFU, 2014. S. 881–892.

183. Rusakova O.F. Paradigma mobil'nosti v diskurse gumanitarnyx issledovanij // Stilistika segodnya i zavtra: materialy IV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. M.: F-t zhurn. MGU, 2016. 639 s. S. 501–503.

184. Rusakova O.F. Performativnyj povорот v politicheskoy

kommunikativistike // VI Vserossijskij kongress politologov «Rossiya v global'nom mire: Instituty i strategii politicheskogo vzaimodejstviya». Materialy. Moskva, 22–24 noyabrya 2012. M.: Rossijskaya asociaciya politicheskoy nauki, 2012. S. 402–403.

185. Rusakova O.F. Politicheskaya vlast' mediadiskursa // *Sovremennye informacionno-psixologicheskie vojny v politicheskom prostranstve Rossii: kommunikativnye, geopoliticheskie i e'tnokul'turnye tendencii*. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii i kruglogo stola (s mezhdunarodnym uchastiem). Ekaterinburg, 13–16 sentyabrya 2010 goda. Ekaterinburg, GOU VPO «Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet», 2010. S. 145–153.

186. Rusakova O.F. Politicheskij mediadiskurs: opyt strukturnogo analiza // *Vzaimodejstvie yazykov i kul'tur: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 28–30 maya 2018 g.* / pod red. O.A. Turbinov. Chelyabinsk: Izdatel'skij centr YuUrGU, 2018. T. 1. S. 237–240.

187. Rusakova O.F. Prezentacionnyj diskurs // *Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi»*. 2013. № 13. S. 141–143.

188. Rusakova O.F. Shou-politika: osobennosti diskursa // *Socium i vlast'. Socium i vlast'*. 2009. № 4 (24). S. 36–39.

189. Rusakova O.F. Soft power kak strategicheskij resurs i instrument formirovaniya gosudarstvennogo brenda: opyt stran Azii // *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3. Obshhestvennye nauki*. 2013. № 3 (118). S. 52–61.

190. Rusakova O.F., Bocharov A.V., Gribovod E.G. Konceptual'nye osnovaniya strategii cvetnoj revolyucii: teorii soft power, upravlyaemogo xaosa i mediatizacii politiki // *Socium i vlast'*. 2014. № 4. S. 42–47.

191. Rusakova O.F., Gribovod E.G. Politicheskij mediadiskurs i mediatizaciya politiki kak koncepty politicheskoy kommunikativistiki // *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*. 2014. T. 14. Vyp. 4. S. 65–77.

192. Rusakova O.F., Kvyatkovskij K.O. Osnovnye metodologicheskie podxody k issledovaniyam diskursa politicheskoy blogosfery // *Socium i vlast'*. 2011. № 3 (31). S. 70–74.

193. Rusakova O.F., Kovaleva (Kovba) D.M. «Myagkaya sila» i «umnaya vlast'»: konceptual'nyj analiz // *Socium i vlast'*. 2013. № 3. S. 118–132.

194. Rusakova O.F., Kovba D.M. Strategicheskie modeli «myagkoj sily» stran vostochnoaziatskogo regiona // *Politicheskaya e'kspertiza: POLITE'KS*. 2016. № 2. S. 14–29.

195. Rusakova O.F., Korneeva V.A. Sport kak sfera primeneniya «myagkoj» i «zhestkoj» sil politicheskogo vliyaniya // *Teorii i problemy politicheskix issledovaniy*. 2016. № 5. S. 206–218.

196. Rusakova O.F., Moiseenko Ya. Yu. Sovremennaya politicheskaya teoriya/filosofiya v zerkale issledovaniya Me't'yu Dzh. Mura // *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*. 2013. T. 13. Vyp. 4. S. 18–31.

197. Rusakova O.F., Rusakov V.M. Gorod kak prostranstvo istoricheskoy pamyati // *Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi»*. 2017. № 1 (26). S. 22–35.

198. Rusakova O.F., Rusakov V.M. Diskursy i koncepty «Myagkogo vliyaniya» v sovremennom gumanitarnom znaniy // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo*

universiteta. Seriya: Filosofiya. 2012. T. 10, vyp. 3. S. 161–167.

199. Rusakova O.F., Rusakov V.M. «Myagkaya sila» diskursa politicheskix mediaobrazov: analiz strategicheskix e'ffektov // Izvestiya UrFU. Seriya 3. Obshhestvennye nauki. 2017. Tom 12. № 1 (161). S. 53–67.

200. Rusakova O.F., Rusakov V.M. «Myagkaya sila» kak instrument politicheskoy kommunikacii i gumanitarnoj diplomatii // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2017. № 1 (26). S. 61–72.

201. Rusakova O.F., Rusakov V.M. Paradigma mobil'nosti v sovremennom politicheskom mediadiskurse // Voprosy politologii. 2016. № 4 (24). S. 79–87.

202. Rusakova O.F., Rusakov V.M. Pravyj povorot v sovremennom politicheskom diskurse i krizis neoliberalizma // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2016. № 3. S. 13–22.

203. Rusakova O.F., Rusakov V.M. Realizaciya texnologij «myagkoj sily» vo vneshnej politike Rossii // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2014. № 2–3 (15–16). S. 58–65.

204. Rusakova O.F., Kochneva E.D. Ocenki Oktyabr'skoj revolyucii v oficial'nom diskurse politiki pamyati // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2017. № 3–4 (28–29). S. 17–30.

205. Rusakova O.F., Rusakov V.M. PR-diskurs: Teoretiko-metodologicheskij analiz. – 2-e izd., ispr. i dop. Ekaterinburg: UrO RAN, ID «Diskurs-Pi». 2011. 336 s. S. 170–179.

206. Rusakova O.F., Xmelinin A.A. Global'naya strategiya neoliberal'nyx transformacij: kriticheskij analiz // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. № 2 (19). S. 91–101.

207. Rusakova O.F., Xmelinin A.A. Ideologicheskaya mobil'nost' sovremennogo neoliberalizma // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2013. № 13. S. 88–92.

208. Rusakova O.F., Xmelinin A.A. Neoliberal'nyj diskurs: strategii i texnologii konstruirovaniya novoj sub"ektnosti // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2012. Vyp. 12. S. 259–271.

209. Rusakova O.F., Xmelinin A.A. Problema kriticheskogo analiza neoliberalizma v sovremennoj politicheskoj filosofii // Socium i vlast'. 2014. № 2 (46). S. 41–48.

210. Traxtenberg A.D. V poiskax utrachennoj al'ternativy: Internet kak ob"ekt analiza v vosxodyashhix k Zh. Lakanu teoriyax media-diskursa // Izvestiya UrGU. № 1. 2010. S. 28–38.

211. Traxtenberg A.D. «Veshhi, kotorye nedostupny byli ranee»: komp'yutery i Internet v strukturax povsednevnosti // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2009. Vyp. 9. S. 333–353.

212. Traxtenberg A.D. Internet i vozrozhdenie «publichnoj sfery»: xabermasianskij ideal i real'nost' Runeta // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2007. Vyp. 7. S. 224–230.

213. Traxtenberg A.D. Internet kak vozvysennyj ob"ekt ideologii v antikapitalisticheskoy ritorike // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk. 2008. Vyp. 8. S. 242–256.

214. Traxtenberg A.D. Informacionnaya revolyuciya v zerkale obydenno

soznaniya: komp'yutery i Internet v diskurse povsednevnosti // *Socium*. 2009. № 4. S. 14–19.

215. Traxtenberg A.D. «Komp'yutery na Rossiyu kak ushat vody vylili»: informacionno-kommunikacionnye tekhnologii glazami pozhilyx lyudej // *Nauchno-prakticheskij al'manax «Diskurs-Pi»*. 2010. № 10. S. 117–120.

216. Traxtenberg A.D. E'lektronnoe pravitel'stvo: sostoitsya li «izobretenie gosudarstva zanovo»? // *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*. 2011. Vyp. 11. S. 285–297.

217. Traxtenberg A.D. E'lektronnoe pravitel'stvo: texnokraticheskaya utopiya ili vobrebovannaya struktura? // *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*. 2011. Vyp. 11. S. 253–269.

218. Traxtenberg A.D. E'lektronnoe pravitel'stvo i e'lektronnye uslugi: operacionalizaciya administrativnoj ideologii i taktiki grazhdan // *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*. 2016. T. 16. № 2. S. 63–79.

219. Traxtenberg A.D. «E'lektronnoe pravitel'stvo» kak ideologicheskij konstrukt: kak rabotaet ritorika razryva? // *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*. 2017. T. 17. № 2. S. 41–58.

220. Fan I.B. Diskurs mobil'nosti v obshhestve pozdnego Moderna // XIX mezhdunarodnaya konferenciya pamyati professora L.N. Kogana «Kul'tura, lichnost', obshhestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt e'mpiricheskogo issledovaniya» / red. kollegiya: Grunt E.V., Merenkov A.V., Rybcova L.L., Starshinova A.V.: *Materialy konf.*, 17–18 marta 2016 g. Ekaterinburg: UrFU. S. 895–903.

221. Fan I.B. Diskurs mobil'nosti i problematizaciya modeli nacional'nogo grazhdanstva // *Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi»*. 2015. № 2 (19). S. 24–29.

222. Fan I.B. Diskurs patriotizma: ot mnogoobraziya k monopolii // *Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi»*. 2013. № 11–12. S. 147–153.

223. Fan I.B. Liberal'nyj diskurs grazhdanstvennosti // *Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi»*. 2017. № 2 (27). S. 170–173.

224. Fishman L. Antie'kstremistskij diskurs – vzbeshivshijsya liberalizm? // *Svobodnaya mysl'*. 2016. № 4. S. 39–48.

225. Fishman L.G. Ideologiya i pobeda // *Politiya*. 2015. № 3. S. 111–119.

226. Fishman L. «Ideologiya pobedy» i eyo imitaciya ili Pochemu Rossiya ne Amerika // *Levaya politika*. 2016. № 25–26. S. 132–141.

227. Fishman L. O «russkom mire» i besperspektivnosti «nedonacionalizma» // *Neprikosnovennyj zapas*. 2015. № 1. S. 261–268.

228. Fishman L.G. Poluchilos' kak vseгда. Ideologicheskie potrebnosti rossijskoj e'lity: spros i predlozhenie // *Politicheskaya konceptologiya*. 2017. № 1. S. 125–135.

229. Fishman L.G. Transgumanizm – tupikovaya vetv' Prosveshheniya? // *Postchelovek i Postchelovechestvo: Budushhee civilizacii ili eyo konec? (Kruglyj stol)* / Xoruzhij S.S., Fishman L.G., Komleva N.A., Manojlo A.V., Bagdasaryan V.E., Radikov I.V., Fedorchenko S.N., Abramov A.V. // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (e'lektronnyj zhurnal)*. 2016. № 3. С. 23–33.

230. Fursov K.K. Diskurs vrazhdy: ponyatie i sovremennye praktiki //

Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. № 1 (18). S. 25–30.

231. Fursov K.K. «Diskurs vrazhdy» mass-media: sovremennye tendencii. // Novaya nauka: opyt, tradicii, innovacii. 2017. № 5–2. S. 23–27.

232. Fursov K.K. Kategoriya vrazhdy v politicheskix issledovaniyax: diskursivnyj aspekt // Filosiya. Tolerantnost'. Globalizaciya. Vostok i Zapad – dialog mirovozzrenij: tezisy dokladov VII Rossijskogo filiosofskogo kongressa. T. 2. S. 353–354.

233. Fursov K.K. «Myagkaya», «zhyostkaya» i «umnaya» sila v politicheskom diskurse mezhdunarodnogo krizisa vokrug Ukrainy // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2014. № 2–3 (15–16). S. 129–133.

234. Fursov K.K. Proyavlenie diskursa vrazhdy v zhanre avtobiografii v ramkax processa vertikal'noj politicheskoy mobil'nosti // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. № 2 (19). S. 47–52.

235. Fursov K.K. Sub"ekty politicheskogo «diskursa vrazhdy» v prostranstve mass-media. // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2017. № 2 (27). S. 146–153.

236. Yarkeev A. Bytie prav cheloveka v diskurse biopolitiki // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2017. № 11 (114). S. 451–453.

237. Yarkeev A. Bytie social'nogo v pole pravovoj diskursivnosti // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Filosiya. Psihologiya. Pedagogika. 2016. T. 26. № 3. S. 14–21.

238. Yarkeev A. Zlo kak sposob samoopredeleniya social'nogo bytiya v strukturax pozitivnoj i negativnoj diskursivnosti // Vestnik Udmurtskogo universiteta. 2014. № 3–4. S. 25–30.

239. Yarkeev A. Konstruirovaniye diskursa social'noj ontologii v strukturax negativnosti // Istoricheskie, filiosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2013. № 11–1. S. 213–215.

240. Yarkeev A. Samokonstituirovaniye social'noj real'nosti v diskurse terrorizma // Istoricheskie, filiosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 10. S. 211–212.

241. Yarkeev A. Social'noe konstruirovaniye «opasnogo individa» v sudebno-medicinskom diskurse // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2016. № 9 (100). S. 401–403.

242. Soft power: teoriya, resursy, diskurs / pod red. O.F. Rusakovoj – Ekaterinburg: Izdatel'skij Dom «Diskurs-Pi», 2015. 376 s.

243. Ilchenko M. Avant-Garde Architecture in Search for the New Languages of Description // Autoportret. Pismo o Dobrej Przestrzeni. № 2 (53). 2016. S. 74–79.

244. Ilchenko M. Utopian spaces: Symbolic transformation of the “Socialist Cities” under post-Soviet conditions // Re-Imagining the City: Municipality and Urbanity Today from a Sociological Perspective», Ed. by M. Smagacz-Poziemska, K. Frysztacki, A. Bukowski. Jagiellonian University Press, 2017. S. 32–52.

245. Trakhtenberg A.D. Electronic State Services from the Government's and Citizens' Standpoint // Proceedings of the 2015 2nd International Conference on Electronic Governance and Open Society: Challenges in Eurasia St. Petersburg, Russian Federation – November 24–25, 2015.

UDC 327

DOI 10.17506/dipi.2018.31.2.30113

PERSONAL CONTRIBUTION OF URAL SCIENTISTS TO THE STUDY OF POLITICAL DISCOURSES: A STRUCTURAL AND THEMATIC REVIEW

Rusakova Olga Fredovna,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Political Sciences, Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Gribov Ekaterina Grigorievna,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Candidate of Political Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: gribovod_kate@mail.ru

Annotation

The main goal of this article is to disclose the most significant individual achievements of Ural scientists working at the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences in the field of research on specific types of political discourse and methods of its analysis.

The review provides a brief description of the main discourse topics, personally developed by the Ural scientists. All materials are structured according to thematic headings, fixing attention to the scientific interests of the authors. The content of the headings is mainly presented in the author's edition. The materials are presented mainly in the form of postulates and conclusions. The developed review model allows for a holistic presentation of the contribution of each Ural scholar to the development of political discourse science.

Key concepts:

the discourse of political philosophy, the discourse of Marxism, the discourse of the postmodern, the discourse of post-Fordism, postcapitalism discourse, deliberative discourse, neoliberal discourse, urban discourse, the discourse of citizenship, the discourse of democracy, the discourse of conformity, the media discourse, the discourse of mediatization of politics, the discourse of soft power, the discourse of mobility, the discourse of the politics of memory.

УДК 304.9

DOI 10.17506/dipi.2018.31.2.114122

ЕСТЬ ЛИ СМЫСЛ В КОНЦЕПТЕ ПОСТКАПИТАЛИЗМА?*

Давыдов Дмитрий Александрович,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
кандидат политических наук,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о причинах игнорирования многими современными левыми исследователями и идеологами терминов «социализм» и «коммунизм» и связанной с этим популяризации термина «посткапитализм». Ставится вопрос о новизне концепций посткапитализма. Выявляется эвристический потенциал самого концепта «посткапитализм».

Ключевые понятия:

коммунизм, посткапитализм, социал-демократия, социализм.

В последнее время отмечаются следующие тенденции: растущее значение знания в экономике, рост социального неравенства [10], развитие высоких технологий, приводящее к росту технологической безработицы [2; 18], нестабильная занятость и различные формы прекарного труда [14]. Сегодня можно говорить о начале кризиса «общества труда» [16], что в перспективе может привести к постепенному свертыванию капиталистических отношений. При этом появляются соответствующие концепции посткапиталистического общества, которые позиционируют как нечто новое в пространстве политических смыслов. Примечательно, что многие левые авторы начинают предпочитать термин «посткапитализм» привычным терминам «социализм» и «коммунизм». Цель настоящей статьи – выяснить, есть ли вообще смысл в таком туманном термине,

*Статья подготовлена при поддержке исследовательского проекта ИФиП УрО РАН № 18–6–6–9 «Фундаментальные проблемы правовой и морально-политической регуляции современных обществ в национальном и глобальном аспекте».

как «посткапитализм», если существует множество различных концепций социалистического или коммунистического общества.

Что такое посткапитализм? С точки зрения семантики данный термин означает то, что на смену капитализму что-то приходит. Но что конкретно – пока еще неизвестно. В самом общем смысле посткапитализм – это вообще любая форма общественного устройства, которая следует за капитализмом. Сюда, например, можно отнести как коммунизм или социализм, так и различные вариации анархизма. Концептуализированное таким образом понятие «посткапитализм» оказывается предельно бессодержательным и лишенным каких-либо эвристических перспектив. Однако сегодня термин «посткапитализм» постепенно начинает ассоциироваться с определенным способом мышления, описания ряда происходящих социально-экономических и политических трансформаций капиталистического общества. Думается, дискурс посткапитализма возникает в ответ на так называемый кризис «общества труда» и на неспособность авангарда левых стать движущей силой системных трансформаций.

Прежде всего, дискурс посткапитализма стремится к развенчанию мифологии труда, выступает против пропаганды трудовой этики, ведущей к конструированию негативных социальных представлений о тех, кто по тем или иным причинам не желает работать (не видит смысла в работе, хочет сам ставить перед собой цели, заниматься свободной творческой деятельностью и т. п.). Дальнейший общественный прогресс связывается с *освобождением от труда*, с *поиском равновесия между трудом и досугом*, с избавлением от абсурдной и отчужденной работы. Фактически ускорение процесса автоматизации и роботизации производства означает, что общество и так объективно будет становиться богаче без массового труда [1]. Однако усилия большей части левых сегодня направлены не на преодоление «общества труда», а на его цементирование путем борьбы за большое количество рабочих мест для всех. Д. Фрайн, например, пишет: «что непостижимо, так это факт, что этический статус работы до сих пор не дестабилизирован разрушающимся рынком труда. Массовая безработица, ненадежность работы и низкооплачиваемый труд делают работу как таковую все более ненадежным источником дохода, прав и принадлежности. Ортодоксальное политическое разрешение этой ситуации – это «создание работы», изобретение работы путем увеличения выпуска продукции и экспансии экономики в новые сектора» [19].

Указывается, что наступление массовой технологической безработицы постоянно откладывается созданием никому не нужной и даже в каком-то смысле вредной работы («bullshit jobs»). Как правило, такая работа не приносит удовлетворенности, а также плохо оплачивается. Как отмечает в одном интервью автор, наиболее продуманной и развернутой концепции посткапитализма П. Мейсон, экономический рост в современной неолиберальной экономике стимулируют при помощи наплыва дешевой рабочей силы. Вместо того чтобы инвестировать в технологии, повышать производительность, проще нанять работника, который почти ничего не стоит. В Великобритании символом таких перемен стали автомойки. Сейчас – это все чаще четверо парней с губками, а еще

10–20 лет назад работу выполнял автомат. В таких условиях у инженеров нет стимула разрабатывать более совершенные автоматы» [10]. Он, таким образом, выступает не за искусственное создание рабочих мест сомнительного качества, а за постепенное сокращение рабочей недели вплоть до установления свободы не работать вообще. Поэтому технический прогресс нужно только всеми силами ускорять (акселерационизм). Как пишут Н. Срничек и А. Вильямс, «в наиболее детализированных оценках рынка труда предполагается, что от 47 до 80% сегодняшних профессий могут быть полностью автоматизированы. Можно принимать эту оценку не в качестве детерминистского предсказания, а как горизонт политического проекта против работы. Тогда эти цифры станут чертой, относительно которой можно оценивать наши успехи» [13].

Соответственно, если лучший вариант будущего – это общество свободы от работы, то субъектом перемен должен стать тот, кто уже не подчиняется слепо этике труда. Постепенное преодоление этики труда уже происходит в условиях «когнитивного капитализма» [4] и вследствие повышения роли творчества и знания в экономике [15; 18]. Отсюда отчаянные попытки глобальных технологических корпораций создать свободную и непринужденную атмосферу на рабочих местах, освободить работников от тотальной регламентации, стереть грань между игрой и работой (офисы корпорации «Google» – типичный тому пример). Растет доля работников, предпочитающих работать удаленно или вовсе не иметь стабильной работы (фрилансерство). Постепенно освобождающийся от прямого бюрократического надзора творческий работник, как предполагается, является потенциальным субъектом посткапитализма. Это – «универсально образованный человек» [9, с. 167], главной целью которого начинает быть творчество и изменение мира к лучшему [15]. Как пишет А. Горц, «капитализм в развитии своих производительных сил достиг предела, за которым он должен был бы преодолеть себя самого, чтобы полностью использовать свой потенциал. *Потенциальный творец этого преодоления – сам «человеческий капитал», поскольку он стремится стать независимым от капитала»* [4, с. 85].

Предполагается также, что посткапиталистическая экономика – это экономика сетевых взаимодействий и сотрудничества [12]. Это, наконец, экономика свободного обмена знаниями (например, обмена программным обеспечением с «открытым кодом»), сотрудничества и самоорганизации. Подобным образом и политическая борьба будет организована «по образу и подобию» сетевых взаимодействий (П. Мейсон предлагает концепт «сетевых индивидов» [9, с. 296]). Критикуя методы борьбы современных левых, П. Мейсон пишет: «...когда возможность выхода из капитализма по-советски исчезла, современные левые занялись обычным противостоянием чему-нибудь: приватизации медицины, законам против профсоюзов, гидравлической добыче газа и т. д. Если я прав, логичным приоритетом сторонников посткапитализма является строительство альтернатив внутри системы, использование государственной власти радикальным и революционным образом и направление всех своих действий на смену формаций, а не на защиту случайно выбранных элементов старой системы» [10].

Иными словами, сторонники идеи посткапитализма выступают как против косметических реформ, так и против революции. Они призывают к *нереформистским реформам* – реформам, которые бы постепенно меняли *сущность системы*. Такие реформы якобы не разрушат капитализм мгновенно, дадут ему

некоторое время до тех пор, пока он еще выполняет некоторые полезные функции. Среди таких нереформистских реформ, как правило, фигурируют введение *безусловного дохода* [1; 4; 9; 10], сокращение рабочей недели до 15 часов [1], ограничение авторского права [10] и т. п. Выплаты безусловного дохода (ежемесячных пособий, которые должны покрывать базовые расходы всех без исключения граждан) позволят освободить людей от работы, дать им реальную свободу выбирать, чем заниматься. Безусловный доход в идеале должен вовсе избавить людей от необходимости работать, то есть дать им возможность большую часть времени заниматься саморазвитием, творчеством, общением, путешествиями и т. п. Он, таким образом, меняет соотношение сил: капиталисты теряют свою власть над рабочей силой. В целом, безусловный доход позволит решить проблему бедности и растущих рисков технологической безработицы. Как пишет Р. Брегман, «сегодня исключительно подходящее время для введения универсального безусловного базового дохода. Взгляните вокруг. Возросшее разнообразие рабочих мест требует большей безопасности. Глобализация съедает доходы среднего класса. Растущая пропасть между теми, у кого есть диплом колледжа, и теми, у кого его нет, требует помочь вторым. А создание все более умных роботов может стоить рабочих мест даже первым» [1, с. 55–56].

В целом дискурсу посткапитализма свойственен технологический оптимизм. В трудах сторонников посткапитализма акцент существенно смещен к анализу различных технологических трансформаций, дающих надежду на чуть ли не автоматический переход к посткапитализму. Даже вышеперечисленные «нереформистские реформы» оказываются ответом на технологические изменения: как необходимая мера «страховки» в условиях быстрой роботизации и автоматизации производства. В большей степени технооптимистом является Дж. Рифкин, в трудах которого вообще почти ничего нет о политической борьбе против капитализма. Фактически гипотетическое «общество эмпатии, нулевых предельных издержек и сотрудничества» представляется закономерным результатом развития современной капиталистической экономики. Капитализм якобы сам постепенно «сожмется» до минимума, оставляя место для свободного творчества, сотрудничества, зеленой экономики, активности самоорганизующихся групп и т. п. Сценарий незамысловат: экономическая конкуренция вынуждает производителей сокращать предельные издержки производства продукции. В результате ширится набор товаров и благ, предельные издержки производства которых оказываются нулевыми. Дж. Рифкин пишет: «Мы являемся свидетелями рождения новой экономической системы: гибрида существующей капиталистической структуры и распределенной экономики. Большинство товаров и услуг, которые [составляют наше] качество жизни, будут намного дешевле. Будет легче расширить слой благосостояния, не имея необходимости бороться с дефицитом ресурсов, отчасти потому, что будет намного проще использовать ресурсы, которые у нас уже есть. Кооперативы, бесплатные услуги и предприятия, основанные на приложениях, будут вытеснять некоторые – но не все – из существующих корпораций, которые зависят от бизнес-моделей с фиксированной стоимостью» [12]. Попутно развивается «зеленая экономика», «интернет вещей», появляются 3-D принтеры, которые буквально из мусора позволяют создавать новые предметы потребления по эскизам и чертежам, которые создаются ради «всеобщего блага» творческими людьми в их свободное время. В конце концов, капиталистические

отношения как бы сами собой оказываются непригодными. О чем-то подобном пишет П. Мейсон: «В нишах и пустотах рыночной системы целые пласты экономической жизни почти незаметно начинают двигаться в другом ритме. Параллельные валюты, банки времени, кооперативы и самоуправляемые пространства получили широкое распространение, хотя и практически ускользнули из поля зрения профессиональных экономистов. Зачастую это было следствием разложения старых структур после кризиса 2008 года. Новые формы собственности, новые формы кредитования, новые законные контракты: в последние десять лет сложилась целая деловая структура, которую СМИ окрестили «долевой экономикой». Стали расхожими термины вроде «общественные блага» и «одноранговое производство», однако мало кто задается вопросом, что это означает для самого капитализма» [9, с. 186].

Итак, выше было показано, что авторы концепций посткапитализма отвергают как идеи пролетарской революции и плановой экономики, так и стратегии современной социал-демократии, нацеленной скорее на укрепление «культуры труда», нежели на построение посттрудового общества. Однако все же данный дискурс не является чем-то принципиально новым. В конце концов, многое из того, о чем говорилось выше, можно встретить еще в трудах Маркса. Именно Маркс – один из первых последовательных критиков «общества труда» («царства необходимости»). В третьем томе «Капитала» говорится, что «царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства...» [8, с. 386–387]. Известно, что немало писал Маркс о технологической безработице и о том, что автоматизация, в конце концов, приведет к изобилию материальных благ, к освобождению от материальной нужды и, соответственно, к возникновению очагов «царства свободы». Не нова и идея радикального сокращения рабочей недели (например, еще в 1956 г. Р. Никсон обещал, что «в не столь отдаленном будущем» американцы будут работать лишь четыре дня в неделю [1, с. 148]). А идея, согласно которой каждый должен быть обеспечен минимумом материальных благ, обсуждается уже давно и разделяется очень многими левыми авторами (к примеру, Э. Фромм и многие другие). В целом, идея, согласно которой освобождение от работы породит общество свободного творчества и сотрудничества, вполне соответствует идее коммунизма как общества, в котором преодолеваются противоречия капитализма. Более того, дискурс посткапитализма имеет много общего с неомарксизмом. Так, А.В. Бузгалин тоже делает акцент на сетевой самоорганизации, на необходимости демократического перехода к социализму, на развитии гражданского участия, кооперации, на креатосфере, творчестве и т. п. [3].

Дискурс посткапитализма, таким образом, просто является реакцией на расхождение между объективными предпосылками преодоления «общества труда» и тем, что левый мейнстрим движется в обратную сторону – в сторону цементирования трудовой этики и борьбы за рабочие места любой ценой. В этом смысле новизна концепций посткапитализма не столько в декларируемой ко-

нечной цели (оказывающейся на поверку все тем же бесклассовым обществом), сколько в сочетании предлагаемых средств ее достижения: некоторые старые идеи были объединены, актуализированы и противопоставлены существующему порядку вещей.

Однако есть ли какой-либо смысл в концепте посткапитализма, если речь все равно идет о движении к бесклассовому обществу? На наш взгляд, есть. В конце концов, дискурс посткапитализма – это уже некоторое дистанцирование от устоявшихся представлений о социализме как об общественном устройстве, в котором важнейшую роль играет труд («каждому по труду»), а самым значимым субъектом является государство. Посткапитализм – это и не тот социализм, к которому ведут старые методы классовой борьбы и революции. В целом, под социализмом сегодня понимают разные состояния: как «диктатуру пролетариата» вкупе с плановой экономикой, так и, например, синтез рыночной экономики и мощного государственного и общественного секторов экономики («шведский социализм»). Ни то, ни другое не удовлетворяет многих современных исследователей и идеологов. Более того, в данном контексте резонны попытки ряда авторов не прибегать к терминам, за которыми уже закрепились определенные устойчивые и при этом часто противоречащие друг другу коннотации, особенно если многие эти коннотации негативные (связаны, например, с печальным опытом СССР). Как отметил М. Фишер, «невероятно, но люди до сих пор пишут статьи с аргументами типа «если вы не любите капитализм, тогда езжайте жить в Северную Корею». Предпочтение, отдаваемое термину «посткапитализм» вместо «коммунизма», обусловлено как раз этим обстоятельством. Нам следует учитывать мемовический потенциал определенных терминов, не глубокий смысл того или иного термина, а тот, который распространяется. Если бы нам пришлось столкнуться с консультантами по брендингу или рекламщиками, они бы отвергли такое слово, как «коммунизм» из-за большого количества концептуальных пояснений, которые вам пришлось бы постоянно делать, чтобы очистить его от очень плохих коннотаций. <...> Достоинство концепта посткапитализма в том, что он не обременен тяжелым наследием плохих ассоциаций. С другой стороны, термин «посткапитализм» пуст, он предъявляет требование к нам наполнить его. Он также исключает искушение примитивизма: то, за что мы боремся – это не возвращение к докапиталистическому аграрному обществу, но появление чего-то нового, чего-то, что еще пока не приняло свою окончательную форму...» [20, с. 37–38].

Однако думается, значение термина «посткапитализм» не исключается «нейтрализацией» негативных коннотаций термина «коммунизм». Данный термин позволяет «нейтрализовать» как чрезвычайно негативные, так и чрезвычайно позитивные коннотации (коммунизм как идеальное общество равенства и братства). Дело в том, что даже там, где многие марксисты признают существование противоречий в коммунистическом обществе (например, [4]), данные противоречия берутся в слишком «мягкой» форме. Так, признается, что «снятие» капитализма не излечит психически больных, не избавит от несчастных случаев [6, с. 89–129], как и не решит данная мера многих проблем, связанных с возможными негативными последствиями творческой деятельности (например, опасные научные эксперименты). Однако современные марксисты в любом случае рассматривают эти проблемы как решаемые в бесклассовом обществе гораздо легче, чем сегодня. Проблема современного марксизма в том, что ему свойствен-

но демонизировать капитализм, в то время как возможны крайне извращенные формы бесклассового общества. Более того, вполне возможно, что *противоречия посткапиталистического общества будут куда более серьезными, чем противоречия общества капиталистического*. В конце концов, представимо будущее, в котором общество оказывается расколотым на несколько совершенно не понимающих друг друга ветвей человечества в результате манипуляций с генами или сознанием (сценарий, довольно распространенный в научной фантастике – например, А. и Б. Стругацкие «Волны гасят ветер»). Вполне серьезно современные философы относятся и к идее того, что человечеству придется уступить место компьютерному сверхразуму или слиться с ним в единое целое (Р. Курцвейл, Г. Моравек и др.). Возможны и более приземленные сценарии, в которых общество сталкивается с отчуждением, порожденным отсутствием спроса на творческий труд, социальными противоречиями, связанными с творческой конкуренцией [5]. Не меньше проблем порождают процессы роботизации и автоматизации производства, в результате которых обесценивается труд большого числа людей, которым уготована судьба «лишних» [17].

Таким образом, дискурс посткапитализма представляет собой сплав старых марксистских идей с современной критикой «цивилизации труда». Скорее всего, именно неприятие старых концепций социализма (как плановой экономики в условиях «диктатуры пролетариата», или как сильного социального государства, обеспечивающего относительное равенство в обмен на трудовые заслуги) и обусловило фактическое игнорирование некоторыми исследователями терминов «социализм» и «коммунизм». Преимущество используемого ими термина «посткапитализм» заключается в его нейтральности. Он избегает не только чрезмерно негативных, но и чрезмерно позитивных коннотаций терминов «социализм» и «коммунизм». В сущности, он как бы символизирует ситуацию неопределенности будущего человеческого общества. Разумеется, рано или поздно придется найти данному термину более «определенную» замену. Но сейчас пока еще довольно сложно ответить на вопрос, каким же конкретно будет посткапиталистическое общество.

1. Брегман Р. Утопия для реалистов. Как построить идеальный мир. М.: Альпина Паблишер, 2018.
2. Бриньолфсон Дж., Макафи Э. Вторая эра машин. М.: Neoclassic, АСТ, 2017.
3. Бузгалин А.В. По ту сторону царства необходимости (эскизы и концепции). М.: Экономическая демократия, 1998.
4. Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: ГУ-ВШЭ, 2010.
5. Давыдов Д.А. После капитализма: свобода от отчуждения или рентное забвение? // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2016. № 1. С. 20–32.
6. Иглтон Т. Почему Маркс был прав. М.: Карьера Пресс, 2017.
7. Кагарлицкий Б.Ю. Между классом и дискурсом. Левые интеллектуалы на страже капитализма. М.: Издательский Дом ВШЭ, 2017.
8. Маркс К. Капитал. Т. III // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М., 1962 Т. 25. Ч. II.

9. Мейсон П. Посткапитализм: Путеводитель по нашему будущему. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.
10. Мейсон П. Что будет после капитализма? // Иносми.ру. URL: <https://inosmi.ru/social/20161106/238145417.html> (дата обращения: 13.05.2018).
11. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем, 2016.
12. Рифкин Дж. Мы стоим на пороге Будущего Изобилия – если не разрушим экологию // RusNext. URL: http://rusnext.ru/recent_opinions/1512936255 (дата обращения: 13.05.2018).
13. Срничек Н., Вильямс А. Пост-трудовое воображаемое // Фем. Штаб. 2016. URL: <http://www.art-initiatives.org/ru/content/srnichek-williams-post-trudovoe-voobrazhaemoe-ru> (дата обращения: 13.04.2018).
14. Стэндинг Г. Прекариат. Новый опасный класс. М.: Ад Маргинем, 2014.
15. Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые создают будущее. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016.
16. Фишман Л.Г. Закат «общества труда»: современная идеологическая констелляция // Полития. 2016. № 3 (86). С. 116–129.
17. Форд М. Роботы наступают. Развитие технологий и будущее без работы. М.: Альпина нон-фикшн, 2016.
18. Drucker P. Post-Capitalist Society. New York: Harper Business, 2014.
19. Frayne D. The Refusal of Work: The Theory and Practice of Resistance to Work. London: Zed Books, 2015.
20. We Can't Afford to Be Realist: A conversation with Mark Fisher and Jodi Dean / Shonkwiler A., L. – C. La Berge (eds) Reading Capitalist Realism. Iowa City: University of Iowa Press, 2014.

References

1. Bregman R. Utopiya dlya realistov. Kak postroit' ideal'nyj mir. M.: Al'pina Pabliher, 2018.
2. Brin'olfson Dzh., Makafi E'. Vtoraya e'ra mashin. M.: Neoclassic, AST, 2017.
3. Buzgalin A. V. Po tu storonu carstva neobxodimosti (e'skizy i koncepcii). M.: E'konomicheskaya demokratiya, 1998.
4. Gorc A. Nematerial'noe. Znanie, stoimost' i kapital. M.: GU-VShE', 2010.
5. Davydov D. A. Posle kapitalizma: svoboda ot otchuzhdeniya ili rentnoe zabvenie? // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN. 2016. № 1. S. 20–32.
6. Iglton T. Pochemu Marks byl prav. M.: Kar'era Press, 2017.
7. Kagarlickij B. Yu. Mezhdru klassom i diskursom. Levye intellektualy na strazhe kapitalizma. M.: Izdatel'skij Dom VShE', 2017.
8. Marks K. Kapital. T. III // Marks K., E'ngel's F. Sochineniya. Izd. 2-e. M., 1962 T. 25. Ch. II.
9. Mejson P. Postkapitalizm: Putevoditel' po nashemu budushhemu. M.: Ad Marginem Press, 2016.
10. Mejson P. Chto budet posle kapitalizma? // Inosmi.ru. URL: <https://inosmi.ru/social/20161106/238145417.html> (дата обращения: 13.05.2018).

11. Piketti T. Kapital v XXI veke. M.: Ad Marginem, 2016.
 12. Rifkin Dzh. My stoim na poroge Budushhego Izobiliya – esli ne razrushim e'kologiyu // RusNext. URL: http://rusnext.ru/recent_opinions/1512936255 (data obrashheniya: 13.05.2018).
 13. Srnichek N., Vil'yams A. Post-trudovoe voobrazhaemoe // Fem. Shtab. 2016. URL: <http://www.art-initiatives.org/ru/content/srnichek-williams-post-trudovoe-voobrazhaemoe-ru> (data obrashheniya: 13.04.2018).
 14. Ste'nding G. Prekariat. Novyj opasnyj klass. M.: Ad Marginem, 2014.
 15. Florida R. Kreativnyj klass. Lyudi, kotorye sozdayut budushhee. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2016.
 16. Fishman L. G. Zakat «obshhestva truda»: sovremennaya ideologicheskaya konstellyaciya // Politiya. 2016. № 3 (86). S. 116–129.
 17. Ford M. Roboty nastupayut. Razvitie texnologij i budushhee bez raboty. M.: Al'pinanon-fikshn, 2016.
 18. Drucker P. Post-Capitalist Society. New York: Harper Business, 2014.
 19. Frayne D. The Refusal of Work: The Theory and Practice of Resistance to Work. London: Zed Books, 2015.
 20. We Can't Afford to Be Realist: A conversation with Mark Fisher and Jodi Dean / Shonkwiler A., L. – C. La Berge (eds) Reading Capitalist Realism. Iowa City: University of Iowa Press, 2014.
-

UDC 304.9

DOI 10.17506/dipi.2018.31.2.114122

DOES THE CONCEPT OF POST-CAPITALISM MAKE SENSE?

Dmitry Alexandrovich Davydov,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Candidate of Political Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

Annotation

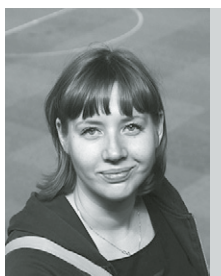
The article discusses the reasons for the ignoring of the terms “socialism” and “communism” by many modern left-wing researchers and ideologists and the popularization of the term “post-capitalism”. The question is raised about the novelty of post-capitalism concepts. The heuristic potential of the concept “post-capitalism” is revealed.

Key concepts:

communism, post-capitalism, social democracy, socialism.

УДК 323.23, 327
DOI 10.17506/dipi.2018.31.2.123132

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ИНСТРУМЕНТЫ*

Грибовод Екатерина Григорьевна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
кандидат политических наук,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: gribovod_kate@mail.ru

Ковба Дарья Михайловна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
кандидат политических наук,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: dmkovaljova@mail.ru

Моисеенко Ян Юрьевич,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
младший научный сотрудник,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: yan.moiseenko@mail.ru

* Статья подготовлена в рамках проекта фундаментальных исследований Института философии и права УрО РАН: проект № 18–6–6–8 «Стратегические установки и технологии реализации политики национальной памяти на постсоветском пространстве в контексте информационной безопасности России».

Аннотация

Статья посвящена анализу феноменов коллективной и национальной памяти. На примере современной России рассмотрены причины обращения к национальной политике памяти, выделен ее инструментарий (законотворческая деятельность, разработка учебников истории, регулирование доступа к архивам, использование СМИ и другие) и основные особенности. Исследованы функции, которые выполняют традиционные СМИ и новые медиа при формировании коллективной памяти. Сделан вывод о том, что национальная политика памяти является властным и символическим ресурсом, используемым для конструирования гражданской идентичности населения и позиционирования в системе международных отношений.

Ключевые понятия:

политика памяти, национальная память, коллективная память, государственная политика памяти, постсоветское прошлое, конформизм, фальсификация истории, интеллектуальный колониализм.

Онтология феномена «коллективной памяти» уходит своими корнями в древнегреческую философию, поскольку пролегоменной к его философскому осмыслению можно считать учение Платона об *анамнесисе*. В сугубо политический дискурс этот феномен вошёл сравнительно недавно. В качестве пролога к процессу его утверждения в предметном поле политической теории можно считать специфический тренд на «бум памяти» (*memory boom*), завладевший не только коллективным сознанием западных обывателей с конца 60-ых годов XX в., но и оказавшийся в фокусе внимания широкого круга исследователей – социальных философов, антропологов, психологов и, конечно же, историков [15].

Спектр причин, лежащих в основе значимости влияния *memory boom* на осмысление исторического и политического процессов, настолько широк, что его изучение невозможно свести к предметному полю какой-либо конкретной дисциплины. Исследователи выделяют причины как социальной природы: например, всплеск интереса молодежи – первого послевоенного поколения – к событиям предыдущих десятилетий, когда их «отцы» непосредственным образом творили историю. Кроме этого, выход на авансцену проблематики «коллективной памяти» был обусловлен и политическими аспектами, такими как ведение большинством европейских держав того времени неприкрытой колониальной политики в отношении стран так называемого «третьего мира», лишая их не только политического суверенитета, но и суверенитета на «память» об их собственном прошлом. Не стоит недооценивать и философское измерение – пример человеконенавистнической политики Третьего Рейха и его европейских сателлитов для широкого ряда европейских интеллектуалов (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Ю. Хабермас и др.) стал своего рода «точкой невозврата», после которой были подвергнуты сомнению не только устои, на которых зиждилось европейское сообщество и которыми руководствовались его политические элиты в выстраивании своей внешней политики, но и сами

философские основания Новейшего времени (показательна концепция Адорно «мыслить после Аушвица» [1]).

Таким образом, формально идеологически нейтральный, классический, «дюркгеймовский» по духу концепт «коллективная память» на волне *memory boom* был сразу же низвергнут в «пучину» конъюнктурного политического процесса, где он приобрел, в том числе, и национальное прочтение, поскольку основными политическими акторами по-прежнему остаются национальные государства (*nation-state*). Политические элиты, утратившие в силу комплекса причин возможности проведения явной колониальной политики, моментально взяли на вооружение новый «инструмент» подчинения, вследствие чего был рождён феномен так называемого «интеллектуального колониализма» [7]. Эта особая форма колониализма апеллирует к конформизму, что свойственен сообществам, вне зависимости от их масштаба, пребывающим в состоянии ценностной аномии или вакуума.

Фактически, «интеллектуальный колониализм» процветает сугубо на «конформистской почве», поскольку именно она способствует успешному форматированию массового сознания, в том числе, национальных сообществ. Однако, как показывает политическая практика последних десятилетий (в особенности, после распада социалистического лагеря и СССР), «садоводу» выгодно не столько даже выращивать необходимую для него повестку «дня текущего», сколько формировать выгодный «образ прошлого», так как вторая стратегия более эффективна с точки зрения принесённых результатов (можно наблюдать в странах Восточной Европы и на постсоветском пространстве).

Итак, некогда конвенциональные нарративы вытесняются совершенно новыми, в чём-то даже «революционными», результаты чего не осмыслены однозначным образом до сих пор. Продуктом этой борьбы нарративов за право трактовки, интерпретации событий прошлых эпох могут стать как социальные протесты, манипуляция которыми может вылиться в смену политического режима в той или иной отдельно взятой стране, так и смена главенствующей философской парадигмы, после чего развитие общества будет переведено на фундаментально иные «рельсы». Учитывая эту несомненную важность роли феномена «национальной памяти» в развёртывании исторического процесса, необходимо рассматривать его в контексте широкого круга политических, социальных и прочих дискурсов, ведущих борьбу за обладание «монополией» на интерпретацию прошлого. Таким образом, рассмотрение феномена «национальной памяти» исключительно как «вещи в себе», то есть в комплексе его внутренних противоречий, пусть и, безусловно, интересных, является вторичной исследовательской задачей.

При оценке феномена «национальная память» стоит отдельно остановиться на определении концепта «политика памяти». В самом общем плане политику памяти определяют как «всю сферу публичных государственных стратегий в отношении способов запечатления прошлого в массовом сознании, совокупность различных практик и норм, связанных с регулированием коллективной памяти» [11, с. 18]. В контексте данного исследования категории «национальная память» и «политика памяти» рассматриваем как взаимосвязанные феномены. Политика памяти, как отмечает Д. А. Аникин, направлена на воспроизведение

приоритетных для современной политической системы образов или отдельных элементов прошлого с помощью различных технологий и практик [2, с. 17]. Основной задачей политики памяти становится форматирование отношения нации, мирового сообщества и др. к наследию прошлого за счет определенных оптик и контекстов, приоритетных для действующего политического режима или элиты.

Вызовы и угрозы, с которыми сталкиваются государства, процесс медиатизации политики [4] и информатизации изменяют форму трансляции и способ воспроизводства политики памяти как на макроуровне, так и на уровне отдельных стран. В рамках национальных государств вектор от политики памяти мирового сообщества – «коллективной памяти» – смещается в сторону национальной или государственной политики памяти. Данный тип памяти конструируется на основе истории и символического прошлого отдельного государства. Согласно Е. В. Беляеву и А. А. Линченко государственная политика памяти – это одна из форм политики памяти, где субъектом выступает как само государство, так и ее институты или структуры, задействованные в процессе формирования национальной политики памяти [3]. Однако усиливающийся процесс медиатизации и глобализации частично нивелирует эффекты от реализации стратегий доминирования национальной памяти в пользу коллективной памяти, которая транслируется через мягкие механизмы воздействия [5], например, культурную глобализацию и гуманитарную дипломатию.

Таким образом, каждый тип памяти может применяться как властный ресурс для легитимации существующей политической системы и нормативно-ценностных ориентиров и контуров, а также для институционализации определенной политической практики, транслируемой через медийные и немедийные каналы. Создание стратегий и программ, направленных на формирование национальной политики памяти, тесно связано с национальной идентичностью, поэтому государственную политику памяти также можно рассматривать в качестве символического ресурса. Кроме того, наличие целостной национальной политики памяти – важное условие успешного позиционирования страны в мировой политике, сохранения исторических ценностей и смыслов, консолидации общества и др.

Национальная политика памяти приобрела большое значение в современном российском обществе по причине необходимости поиска внутреннего самоопределения, позиционирования в системе международных отношений. Текущий процесс осмысления истории связан не только с отбором важнейших событий прошлого, определивших реальность и способных очертить перспективы развития общества, но и с интерпретацией этих событий. В этом смысле нынешнее социально-политическое состояние общества представляет собой результат конкуренции, столкновения и взаимодействия различных продвигаемых вариантов толкования истории.

Тенденция активного использования истории в государственной политике наметилась в начале 2000-х годов. Она была связана с поиском новой идентичности, отсутствием общественного единства в оценке советского периода (с одной стороны, идеализация опыта СССР, с другой – его отрицание; имело место и разочарование реалиями постсоветской России). Обращению к политике

памяти способствовала также обеспокоенность процессами переосмысления истории, происходившими в странах постсоветского пространства. Российская власть не могла не ответить на эти вызовы: от нее начали исходить инициативы поддержки различных проектов и экспертных групп, запустился процесс формулирования повестки дня по вопросам национальной памяти.

Обращение к прошлому является также одним из способов обоснования места России на геополитической арене как великой державы. Одну из ключевых ролей в этом играет Великая Отечественная война. В июне 2018 г. ВЦИОМ опубликовал результаты опросов россиян по поводу их отношения к этому событию. В исследовании отмечается, что в последние годы внимание граждан к теме войны заметно усилилось: о встречах с ветеранами сообщили 45% опрошенных (тогда как в 2014 г. – 35%), 61% посетили музеи, места боевой славы (в 2014 г. таких было 30%), почтить захоронения погибших воинов пришли 51% (ранее сообщалось о 28%). Подавляющее большинство респондентов смотрели фильмы о войне (88%), но вот число людей, читавших книги, соответствующей тематики, уменьшилось: с 30% в 2014 г. до 23% в 2018 г. [8].

В 2009 г. С. Шойгу предложил ввести уголовное наказание за отрицание победы СССР в ВОВ [13]. Его предложение было одобрено Думой в апреле 2014 г. и подписано В. Путиным 5 мая того же года. Основная цель такой инициативы – противодействие попыткам посягнуть на историческую память о событиях, происходящих в период Второй мировой войны. В Уголовный кодекс была включена новая статья (354.1), касающаяся реабилитации нацизма. Согласно этой статье, «осквернение символов воинской славы России, совершенные публично, наказываются штрафом в размере до трехсот тысяч рублей...» [12]. Документ также затрагивает такие моменты, как распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР, оправдание нацизма. Данный закон ясно очерчивает интересы России. Тем не менее, важно, чтобы на практике не возникало желание выборочного его использования или злоупотребления для ограничения не «патриотичной» деятельности.

Память о ВОВ является не только фактором внутригосударственной идентичности: она является важным ресурсом внешней политики. Россия, являясь правопреемницей СССР, позиционирует себя как страну, спасшую мир от нацизма. Память о Победе является ресурсом совместного переживания прошлого и используется на постсоветском пространстве для выстраивания особых братских отношений.

Помимо законотворческой деятельности в инструментарий национальной политики памяти входят многие другие инициативы. В 2006 г. от Кремля поступил запрос на разработку учебников истории для студентов и преподавателей. Процесс шел нелегко: приходилось учитывать большое количество критических замечаний различных исторических организаций, СМИ, экспертных сообществ. Ставился вопрос о том, нужен ли в принципе единый учебник истории. С конца 2013 г. речь стала идти уже не о создании учебника, а о выработке стандарта и проведении конкурса работ. По мнению А.И. Миллера, проблема заключается не столько в плюрализме нынешних федеральных учебников, которые по принципиальным вопросам не слишком отличаются друг от друга, сколько в содержании текстов в национальных республиках. Нередко в таких учебниках

происходит трактовка этнической, региональной идентичности как противопоставленной общероссийской. Эта проблема и пути ее решения должны стать предметом публичных дискуссий [6, с. 124].

В 2009 г. указом президента Д. Медведева была создана комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Среди ее основных задач была выработка стратегий и разработка рекомендаций по борьбе с фальсификацией фактов [14]. Комиссия не добилась каких-либо осязаемых результатов и в 2012 г. прекратила свое существование. Тем не менее, она указала на направление использования политики памяти как способа противодействия «неправильным» интерпретациям, а также закрепила в обществе идею необходимости борьбы с фальсификациями, причиняющими ущерб государству.

Регулирование доступа к архивам – еще один инструмент политики памяти. Закон о рассекречивании документов предусматривает, что исследователи получают возможность работы с ними после истечения определенного периода, и лишь отдельные документы могут оставаться закрытыми по итогам специальных решений. На практике доступ к документам предоставляется лишь избранным специалистам, работающим «на заказ», выполняющим государственные задачи. Это, безусловно, удобный инструмент неформального регулирования доступа, который, однако, может ограничивать интересы более широкого круга исследователей.

При реализации национальной политики памяти приоритет отдается не только экономическим и государственным, но информационным инструментам, а именно традиционным и новым СМИ. В зависимости от целей масс-медиа ресурсы, с одной стороны, могут являться инструментом трансляции и формирования национальной памяти, а с другой стороны, выполнять деструктивную функцию, создавать фейк-новости, слухи и иное.

В процессе формирования национальной политики памяти традиционные СМИ (телевидение, радио и печатные издания) и новые медиа (социальные сети, блоги, мессенджеры и др.) могут выполнять следующие функции.

Во-первых, изменяют временные рамки воспроизводства, потребления, доступности накопленного исторического опыта, представленного в виде архивных документов и источников, памятников культурного наследия (например, виртуальная экскурсия по галерее, виртуальная выставка) и др. Новые СМИ меняют способ трансляции, запоминания и подачи воспоминания, духовных скреп и памятных моментов.

Во-вторых, становятся инструментом замалчивания или «забвения», то есть в процессе формирования повестки дня отдельные темы и сюжеты сознательно вытесняются или пропускаются в информационном пространстве национальной политики памяти. В качестве примера стоит привести «тихий юбилей» Октябрьской революции.

В-третьих, применяются для фальсификации истории, создания фейковых (недостовверных) сведений и новостей с целью форматирования сознания населения и манипулирования национальной памятью. Субъектом, формирующим данный контент, являются как государственные акторы, так и отдельные пользователи или организации. Классический пример – британская пропаганда в период Первой мировой войны. Новые формы массовой коммуникации значительно расширили целевую аудиторию, а цифровой способ передачи упростил

доступ, увеличил охват транслируемой информации (сделал ее воспроизводимой в любой точке планеты и в любое время).

В теоретико-методологическом плане в качестве критерия хронологических исследований политики памяти используется именно способ коммуникации (устный, письменный, механический, цифровой), выделяя этапы развития и воспроизводства коллективной памяти. К. А. Пахалюк разделяет способы обращения к прошлому на две категории: символические жесты и создание мест памяти. Под жестами имеется в виду ограниченные по количеству участников и времени обращения к прошлому, позволяющие зафиксировать желаемые смыслы (заявления на историческую тематику, организация конференций, торжественные церемонии, проведение выставок) [9]. Большое значение здесь имеет использование съездов международных организаций в качестве площадок для принятия общих документов относительно исторических событий. Примером является принятие на заседании Генассамблеи ООН резолюции по борьбе с героизацией нацизма по инициативе России.

Места памяти долговечнее и устойчивее жестов, однако, их символическое значение также важно поддерживать. Политика памяти здесь может принимать следующие формы: установка памятников (как на территории России, так и в дар другим странам), организация музеев (и также сотрудничество по организации их в других государствах), обустройство гражданских и воинских захоронений, переименование улиц и других топонимических объектов [9].

Интересно, что важной чертой российской политики памяти является практика забывания, вытеснения. Она используется наравне с конструированием моделей прошлого. Обычно практика забывания нацелена на исключение из дискурса проблемы, существовавшей в прошлом или перенос общественной дискуссии на то время, когда участие в ней смогут принять поколения, которые не являлись свидетелями обсуждаемых событий. По мнению Т. В. Растимешиной из истории России нередко вырывались отдельные важные события, иногда даже целые пласты, на забвение были обречены институты, организации, государственные и политические деятели [10, с. 62].

Таким образом, можно утверждать, что национальная политика памяти выступает важной основой легитимности власти страны, основой для выстраивания гражданской идентичности. В последние годы в России данный вопрос стал предметом государственной важности, идет процесс разработки стратегий, принятия соответствующих мер в отношении политики памяти как внутри страны, так и в пространстве ближнего зарубежья. Стоит отдельно отметить, что обращение к национальной политике памяти должно быть очень деликатным и аккуратным. Глобализация, информационное перенасыщение создают условия, в которых национальная политика памяти уступает место коллективной, а также становится источником потенциальных угроз. На данный момент риски, связанные с внедрением стратегий национальной политики памяти, мало изучены. Деконструирование определенных сюжетов прошлого должно учитывать особенности исторического и политического контекста государства, а также не нарушать целостность социальной памяти других стран. Важно, чтобы эта деятельность не шла исключительно «сверху вниз» и не сводилась к простой пропаганде. В нее должны вовлекаться широкие круги экспертов, представляющих научные круги и организации гражданского общества.

1. Адорно Т.В. Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003. С. 322–333.
2. Аникин Д.А. Политика памяти в глобальном мире: предпосылки социально-философского исследования // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2011. № 1. С. 15–21.
3. Беляев Е.В., Линченко А.А. Государственная политика памяти и ценности массового исторического сознания в современной России: проблемы и противоречия // Studia Humanitatis. 2016. URL: http://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/belyaev_linchenko.pdf (дата обращения: 04.06.2018).
4. Грибовод Е.Г. Медиатизация политики как стратегический ресурс политических коммуникаций // Наука Красноярья. 2016. № 6. С. 48–57.
5. Ковалева Д.М. Концепт soft power как предмет изучения современной политической науки и теоретическая основа внешнеполитических стратегий // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2013. Т. 13. Вып. 1. С. 118–132.
6. Миллер А.И. Роль экспертных сообществ в политике памяти России // Политика. 2013. № 4. С. 114–126.
7. Моисеенко Я.Ю. Ресурсы и инструментарий интеллектуального колониализма: введение в теоретический анализ // Интеллектуальный колониализм на глобальном образовательном рынке: монография / Шаронова С.А. и др.; [под ред. доктора социологических наук С.А. Шароновой и кандидата философских наук Н.В. Трубниковой] – М.: РУДН, 2017. С. 33–61.
8. Память о войне: истории и мифы // ВЦИОМ <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9176> (дата обращения: 05.07.2018).
9. Пахалюк К.А. Мягкая сила и политика памяти в контексте внешней политики современной России: точки пересечения // URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=4772> (дата обращения: 05.07.2018).
10. Растимешиной Т.В. Культурное наследие в российской политике государственной памяти // Власть. 2012. № 10. С. 60–64.
11. Русакова О.Ф., Кочнева Е.Д. Оценки Октябрьской революции в официальном дискурсе политики памяти // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 3–4 (28–29). С. 17–30.
12. Статья 354.1 УК РФ. Реабилитация нацизма (действующая редакция) // Кодексы и законы. URL: <https://www.zakonrf.info/uk/354.1/> (дата обращения: 05.07.2018).
13. Тюрьма – за отрицание Великой Отечественной войны // Газета.ru. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2009/02/24_kz_2948230.shtml (дата обращения: 05.07.2018).
14. Указ Президента Российской Федерации от 15 мая 2009 г. N 549 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» // URL: <https://rg.ru/2009/05/20/komissia-dok.html> (дата обращения: 12.05.2018).
15. Blight, David W. The Memory Boom: Why and Why Now? In Memory in Mind and Culture. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. pp. 238–251.

References

1. Adorno T. V. *Negativnaya dialektika*. M.: Nauchnyj mir, 2003. S. 322–333.
2. Anikin D. A. *Politika pamyati v global'nom mire: predposylki social'no-filosofskogo issledovaniya* // *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta*. Ser.: Gumanitarnye nauki. 2011. № 1. S. 15–21.
3. Belyaev E. V., Linchenko A. A. *Gosudarstvennaya politika pamyati i cennosti massovogo istoricheskogo soznaniya v sovremennoj Rossii: problemy i protivorechiya* // *Studia Humanitatis*. 2016. URL: http://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/belyaev_linchenko.pdf (data obrashheniya: 04.06.2018).
4. Gribovod E. G. *Mediatizaciya politiki kak strategicheskij resurs politicheskix kommunikacij* // *Nauka Krasnoyar'ya*. 2016. № 6. S. 48–57.
5. Kovaleva D. M. *Koncept soft power kak predmet izucheniya sovremennoj politicheskoy nauki i teoreticheskaya osnova vneshnepoliticheskix strategij* // *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN*. 2013. T. 13. Vyp. 1. S. 118–132.
6. Miller A. I. *Rol' e'kspertnyx soobshhestv v politike pamyati Rossii* // *Politiya*. 2013. № 4. S. 114–126.
7. Moiseenko Ya. Yu. *Resursy i instrumentarij intellektual'nogo kolonializma: vvedenie v teoreticheskij analiz* // *Intellektual'nyj kolonializm na global'nom obrazovatel'nom rynke: monografiya / Sharonova S. A. i dr.; [pod red. doktora sociologicheskix nauk S. A. Sharonovoj i kandidata filosofskix nauk N. V. Trubnikovoj]* – M.: RUDN, 2017. S. 33–61.
8. *Pamyat' o vojne: istorii i mify* // VCIOM <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9176> (data obrashheniya: 05.07.2018).
9. Paxalyuk K. A. *Myagkaya sila i politika pamyati v kontekste vneshnej politiki sovremennoj Rossii: tochki peresecheniya* // URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=4772> (data obrashheniya: 05.07.2018).
10. Rastimeshinoj T. V. *Kul'turnoe nasledie v rossijskoj politike gosudarstvennoj pamyati* // *Vlast'*. 2012. № 10. S. 60–64.
11. Rusakova O. F., Kochneva E. D. *Ocenki Oktyabr'skoj revolyucii v oficial'nom diskurse politiki pamyati* // *Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi»*. 2015. № 3–4 (28–29). S. 17–30.
12. *Stat'ya 354.1 UK RF. Reabilitaciya nacizma (dejstvuyushhaya redakciya) // Kodeksy i zakony*. URL: <https://www.zakonrf.info/uk/354.1/> (data obrashheniya: 05.07.2018).
13. *Tyur'ma – za otricanie Velikoj Otechestvennoj vojny* // *Gazeta.ru*. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2009/02/24_kz_2948230.shtml (data obrashheniya: 05.07.2018).
14. *Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 15 maya 2009 g. N 549 «O Komissii pri Prezidente Rossijskoj Federacii po protivodejstviyu popytkam fal'sifikacii istorii v usherb interesam Rossii»* // URL: <https://rg.ru/2009/05/20/komissia-dok.html> (data obrashheniya: 12.05.2018).
15. Blight, David W. *The Memory Boom: Why and Why Now?* In *Memory in Mind and Culture*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. pp. 238–251.

UDC 323.23, 327

DOI 10.17506/dipi.2018.31.2.123132

NATIONAL POLITICS OF MEMORY IN MODERN RUSSIA: MAIN TRENDS AND INSTRUMENTS

Gribovod Ekaterina Grigorievna,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Candidate of Political Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: gribovod_kate@mail.ru

Kovba Darya Mikhailovna,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Candidate of Political Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: dmkovaljova@mail.ru

Moiseenko Yan Yurievich,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Junior Researcher,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: yan.moiseenko@mail.ru

Annotation

The article is devoted to the analysis of the phenomena of collective and national memory. Through the example of modern Russian situation, reasons for applying to the national politics of memory are considered, with main instruments (e. g. law-making activity, developing of history books, regulations of public access to the archives, use of the media, etc.) and key features being highlighted. Traditional media as well as new media functions are also examined in the process of collective memory formation. The conclusion is reached that the national politics of memory is an authoritative and symbolic resource for civil identity constructing and positioning of the nation-state in the system of international relations.

Key concepts:

politics of memory, national memory, collective memory, state politics of memory, post-Soviet past, conformism, falsification of history, intellectual colonialism.

УДК 13
DOI 10.17506/dipi.2018.31.2.133139

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ КАК АНТРОПОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Ниязбаева Наталья Николаевна,

Костанайский государственный университет им. А. Байтурсынова,
кандидат педагогических наук, доцент,
Костанай, Казахстан,
E-mail: niyaz_nn@mail.ru

Аннотация:

В статье предлагается авторский вариант концепции экзистенциальной антропологии образования, в которой усилена аксиологическая составляющая как основание образовательной бытийности человека. Решающим феноменом человеческого существования и образования является самоосуществление, выраженное в экзистенциальных понятиях «выбор», «смысл», «осмысление», «ценности», «переживание», «преодоление». Онтологический аспект экзистенциальной антропологии образования определяется решающими феноменами человеческого существования, которые составляют экзистенциальную структуру целеполагания образования.

Ключевые понятия:

экзистенциальная антропология образования, образование, самоосуществление, смысл, экзистенциальные ценности.

Экзистенциальная антропология как учение о человеке самоосуществленном, экзистенциально исполненном, обращает вектор предмета своего исследования в сторону образования человека как возможности его развития, феномена его полноценной, активной жизни. Образование как возможность выбора и осуществления, пронизывающее жизнь человека, актуализирует экзистенциальные проблемы уникальности и значимости, свободы и ответственности, решения и совести, преодоления и спонтанности, одиночества и «заброшенности», предназначения, творчества, глубинные переживания своих успехов и неудач.

Экзистенциальный антропоцентризм в образовании акцентирует внимание на авторстве жизни человека, осмыслении ценностей и сути собственного образования как возможности осуществить себя в жизни, преодолении социаль-

ной и собственной ограниченности на пути к самоосуществлению, глубокой рефлексивной позиции в познании себя и мира.

Экзистенциальная составляющая образования представляет собой отражение в сознании его субъектов экзистенциального отношения к самообразованию, рефлексивное отношение к процессу и результату учения и саморазвитию, осознанию и переживанию процесса своего образования как акта смыслопорождения в собственной жизни и осуществлении.

Ключевой идеей экзистенциальной антропологии образования является идея построения стратегии образования как принципиального самообразования, выраженного осознанием субъектом глубинных экзистенциальных ценностей, осмысленностью процесса, высокой степенью рефлексивности в деятельности, субъективностью как способностью проявить и выразить себя, ответственностью за полученный результат.

Образовательная философия в экзистенциальной антропологии образования очерчивает свое пространство понятиями, раскрывающими суть триады «образование – смыслозначимость – самоосуществление»: экзистенциальные ценности образования, данности образования, дихотомии образования, образовательная бытийность, экзистенциальный выбор, смысл, смыслопорождение, рефлексивность, экзистенциальное самоосуществление.

Ключевое понятие в предлагаемой концепции – «образование». Образование как путь к подлинной, осуществленной жизни подразумевает экзистенциальное ориентирование, понимание своего бытия в качестве выбора между модусами осуществления и отчуждения. Это положение стало одним из ключевых в экзистенциальной антропологии образования.

Образование как структурная единица бытия последовательно актуализируется на социальном, культурном, личностном, экзистенциальном уровнях. Образование – это фундаментальная антропологическая структура бытия, в которой последовательно рождается, переживается, осуществляется специфическое содержание человеческой жизни [7].

Образование – это возможность, выбор которой всегда есть, и это глубокий экзистенциальный акт. В образовании человек получает возможность делать выбор: осуществить себя, наполнить свою жизнь смыслом и порядком, так и обречь себя на растерянность и бессмысленность бытия.

Структуру образованности человека на экзистенциальном уровне бытия в общем виде можно представить как сочетание внешних условий (приобретение образования, приобщение к знанию внешнего мира) и внутренней смысловой наполненности человека. Внешние условия позволяют высветиться в их глубинах смыслу, содержанию, представляющему другой полюс его структуры. Зазор между этими двумя сторонами открывает бесконечный горизонт интенций и саму возможность дальнейшего процесса смыслотворчества [10].

В состоянии необразованности человек видит лишь то, что попадает в поле уже ведомых понятий и образов, стереотипов и шаблонов, доступных пониманию, которые сложились в ходе освоения социального пространства мира. Выход на новый уровень познания требует определенной силы, дарованной устремленностью намерения. С этой энергией жажды понимания человек рождается. В ходе образования она либо находит источники, ее поддерживающие, либо иссякает, уйдя в песок повседневности [10]. Образование как единица

Бытия предоставляет человеку возможность экзистенциального осуществления себя, построения собственного мира либо жизнь в заданных границах, правилах, повторениях.

Собственный мир, содержание и качество жизни определяют ценности как антропологический выбор человека. Бытие человека наполнено фундаментальными данностями, экзистенциальный выбор которых, их значимость, осмысление и переживание есть возможность быть в своей жизни.

Экзистенциальные ценности образования – универсальные характеристики, фундаментальные данности (И. Ялом) образовательной бытийности, актуализация которых в образовательной деятельности обуславливает самоосуществление личности. С точки зрения личностного выбора экзистенциальные ценности образования – особый вид субъективной информации, выражающий внутреннюю позицию человека, включенность в образование, осмысленность значимости своего образования.

Экзистенциальная ценность – доминанта экзистенции человека, направленная на достижение совершенного бытия, наполненного смысловой значимостью. Ценности, переживаемые человеком в стремлении к пониманию себя, образуют ценностный потенциал личности. Экзистенциальные ценности – это сущность и условия полноценного бытия человека, что подчеркивает их фундаментальность.

Дихотомичность экзистенциальных ценностей раскрывается через экзистенциальные противоречия, которые экзистенциалисты называют одним из способов бытия. В основе противоречивости человеческого бытия лежит противоречие между сущностью и существованием. Именно экзистенциальные противоречия побуждают человека совершенствоваться, становиться хозяином природы и самого себя [9].

Экзистенциальные дихотомии – это неизбежные противоречия, выраженные полярными экзистенциальными данностями жизни, характер встречи с которыми и их решение определяет способ бытия человека.

Человек, по своей природной сути, постоянно живет в дихотомиях, пребывает в неравновесном состоянии, которое неустранимо [9]. Дихотомичность истории человечества связана с разумом человека, который и побуждает его к созданию собственного мира, своему развитию. Человек должен выбирать, двигаться вперед, отдавать себе отчет о смысле своего существования, – пишет Э. Фромм в книге «Человек для самого себя». Экзистенциальные дихотомии – это противоречия, укорененные в самом существовании человека, которые человек не может устранить, и на которые он реагирует в соответствии со своими убеждениями и образом жизни [9].

Базовые экзистенциальные противоречия в образовании заключаются в конфронтации субъекта образования с фундаментальными данностями, образующими дихотомии, например, «свобода – принуждение», «осуществление – отчуждение»; «ответственность – долженствование» и др. С одной стороны, – необходимость обновления ценностных приоритетов теории и практики образования, связанных с идеями абсолютной уникальности человеческого бытия, личности как «открытой возможности» (Э. Фромм), способной к самоактуализации (А. Маслоу), стремящейся к самоосуществлению (Ж. – П. Сартр). С другой – нарастание источников отчуждения и деструктивности личности

в условиях современного образовательного процесса, ориентированного на механическое запоминание и воспроизведение, шаблонность мышления, директивность воспитания.

Экзистенциалисты подчеркивают, что существование человека настолько противоречиво, что его можно описывать только с помощью противоположных категорий, и здесь также обозначена проблема экзистенциального выбора. Экзистенциальный выбор приобретает особую значимость, когда субъект вынужден действовать и понимать ситуации, имеющие фундаментальное значение для каждого человека.

Экзистенциальный выбор представлен как необходимый выбор в контексте напряженных экзистенциальных данностей между жизнеопределяющими возможностями, «помеченными» человеком как ценности и имеющими для него статус альтернатив [4]. Преодоление противоречия – фундаментальная проблема-вызов человека в процессе его самоосуществления. Экзистенциальный выбор – смысловая доминанта жизни человека.

Именно экзистенциальные ценности: свобода, совесть, духовность, ответственность, уникальность, осмысленность жизни, обретение ценностей, общение, творчество, любовь, смысл, являясь доминантой сознания и сознательной внутренней позицией личности, направлены на достижение совершенного бытия, влияющие на внутреннее развитие личности через наполнение своей жизни значимостью, смыслом и переживанием.

Данности существования в экзистенциализме – определенные конечные факторы, являющиеся неотъемлемой, неизбежной составляющей бытия человека в мире. Всё есть данность, гласит философия, потенциальная или актуальная. Потенциальное называется таковым, что может стать актуальным (И. Ялом). Задачей образования, таким образом, становится перевод фундаментальных экзистенциальных данностей жизни в актуальные экзистенциальные образовательные ценности для субъектов образования.

Ценностно-смысловое поле учения, самовоспитания и развития, в котором осуществляет себя человек, создает образовательную бытийность. Именно в бытийности проявляется субъектность, внутренняя сила и экзистенциальный выбор человека. Ни одно другое понятие, по нашей оценке, не может выразить глубинную, субъектную позицию, образ мыслей и жизни человека.

В современных исследованиях понятие «бытийность» исследуется в субъектно-бытийном подходе, где предстает как повседневность, в которой человек продолжает (продлевает) себя, подтверждая субъектной активностью свою реальность, объективируя свой субъективный мир и утверждая непрерывность своей личностной идентичности во времени и в изменяющихся системах отношений с другими людьми [8].

Образование как осмысленная деятельность человека в его бытии опирается на рефлексию – акт осмысленности, глубокого осознания, обращение к собственному опыту, погружения в процесс самооценки своих возможностей. Практика преподавания и учения в этом случае основана на рефлексивных и феноменологических методах обучения, когда и преподаватель, и обучающийся находят точки соприкосновения в момент осмысления информации, принятия и согласования позиций посредством диалога, размышлений, рассуждений, анализа, описания, обоснования отношения, выражения субъективного мнения.

В философии образования все больше говорят о рефлексивности как о ключевой способности интеллектуального человека. Но в современной практике образования, скоростной, дискретной, технологичной, нет возможности вдумываться, погружаться, обосновывать свои выборы и свою философию понимания мира. Поэтому механистичность, репродуктивность есть основные характеристики современного учения и преподавания.

Погружение в рефлексивное обучение требует времени, неторопливости, замирания, феноменологического анализа. Феноменологи называют базовой мыслительной операцией в процессе познания – эпохе, когда человек занимает позицию «чистой субъективности». Рефлексивно-феноменологический метод в обучении позволяет акцентировать внимание на способности непосредственного описания явлений, феноменов или научных фактов. Этап познания мира в этом случае начинается с собственного мира, созерцания внешнего, воздержания от социальных суждений и стереотипов, а продолжается выражением субъективного отношения и позиции человека как автора своего мира.

Рефлексивно-феноменологическая практика обучения дает возможность определить и осознать ценности и смыслы своей жизни и образования. Умение описывать свой чувственный опыт, понимание, отношение и переживание, размышление о процессах, понятиях, фактах рождает смыслы. Смысл рождается в процессе живой мысли.

Смысл – это *пристрастность*, когда человеку «не все равно», когда что-то в жизни ему небезразлично – значимо для него [6]. Способность открывать новые смыслы, чувствовать, переживать, осознавать свои права – шаг к аутентичности личности. Чем шире жизненный мир человека, чем богаче смыслы, которые он способен из него вычерпывать, чем больше того, что ему небезразлично, тем более аутентично его бытие [6].

Актуализация экзистенциальных ценностей образования как основа смыслопорождения есть «перевод» ценностей из плоскости «значение» в плоскость «переживания». Ценности не выводятся из чувственных ощущений, а переживаются. В процессе переживания человек преодолевает самого себя, выявляя свое возможное. Поэтому ценности выступают здесь не в качестве предмета желаний человека, а как предмет стремления, т. е. нечто онтологическое, существующее *до и независимо от* человека [11].

Глубинной целью актуализации экзистенциальных ценностей образования является обнаружение экзистенциальных смыслов собственного образования, осознание и эмоциональное соотнесение образовательного опыта с обнаруженными ценностями, практическое воплощение обнаруженных ценностей в непосредственный процесс учения.

Человек всегда находится перед выбором: осуществить себя, сделать свою жизнь достойной, позитивной, наполненной ценностями и смыслами либо выбрать путь отчужденности, абсурдности и бессмысленности всего человеческого существования. Противопоставление жизни и не-жизни, самоосуществления и отчуждения, утверждения и разрушения, смыслов и бессмысленности – ключевые позиции в построении структуры экзистенциальной антропологии образования.

1. Андрюхина Л.М. Новая антропологическая платформа развития об-

разования // Инновационные проекты и программы в образовании. 2015. № 3. С. 18–24.

2. Бабушкин В. У. Феноменологическая философия науки: критический анализ. М.: Наука. 1985, 188 с.

3. Беляева Л. А. Философское образование школьников в контексте современной философии образования // Педагогическое образование в России. 2014. № 3. С. 144–148.

4. Мерсиянова А. П. Основные признаки экзистенциального выбора // Вестник ТГУ: педагогика и психология. 2010. № 335. С. 153–156.

5. Ниязбаева Н. Н. Рефлексивно-феноменологическая практика преподавания в вузе: работа с эссе, метафорами, афоризмами, пословицами // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2015. № 8. С. 113–118.

6. Осин Е. Аутентичность // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2004. № 2 (5). С. 88–93.

7. Савелова Е. В. Экзистенциальная аналитика мифа и образования как универсальных культурных форм // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2010. № 3 (52). С. 80–83.

8. Танасов Г. Г. Личность в переговорах: субъектно-бытийный подход. Автореф. дисс. ... доктора психол. наук. Краснодар, 2011. 48 с.

9. Фромм Э. Человек для самого себя. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. 350 с.

10. Хорошок Т. А. Образование в свете «алетейи» // Философия М. Хайдеггера и современность (к 120-летию со дня рождения философа): материалы Междунар. науч. конф. Краснодар: Кубанский гос. Ун-т, 2010. 345 с.

11. Шелер М. Избранные произведения // Под ред. Денежкина А. В. М.: Гнозис, 1994. 413 с.

References

1. Andryuxina L.M. Novaya antropologicheskaya platforma razvitiya obrazovaniya // Innovacionnye proekty i programmy v obrazovanii. 2015. № 3. S. 18–24.

2. Babushkin V.U. Fenomenologicheskaya filosofiya nauki: kriticheskij analiz. M.: Nauka. 1985, 188 s.

3. Belyaeva L.A. Filosofskoe obrazovanie shkol'nikov v kontekste sovremennoj filosofii obrazovaniya // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2014. № 3. S. 144–148.

4. Mersyanova A.P. Osnovnye priznaki e'kzistencial'nogo vybora // Vestnik TGU: pedagogika i psixologiya. 2010. № 335. S. 153–156.

5. Niyazbaeva N.N. Refleksivno-fenomenologicheskaya praktika prepodavaniya v vuze: rabota s e'sse, metaforami, aforizmami, posloviyami // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2015. № 8. S. 113–118.

6. Osin E. Autentichnost' // E'kzistencial'naya tradiciya: filosofiya, psixologiya, psixoterapiya. 2004. № 2 (5). S. 88–93.

7. Savelova E.V. E'kzistencial'naya analitika mifa i obrazovaniya kak universal'nyx kul'turnyx form // Gumanitarnye i social'no-e'konomicheskie nauki. 2010. № 3 (52). S. 80–83.
 8. Tanasov G.G. Lichnost' v peregovorax: sub"ektno-bytijnyj podxod. Avtoref. diss. ... doktora psixol. nauk. Krasnodar, 2011. 48 s.
 9. Fromm E'. Chelovek dlya samogo sebya. M.: AST: AST MOSKVA, 2010. 350 s.
 10. Xoroshok T.A. Obrazovanie v svete «aleteji» // Filosofiya M. Xajdeggera i sovremennost' (k 120-letiyu so dnya rozhdeniya filosafo): materialy Mezhdunar. nauch. konf. Krasnodar: Kubanskij gos. Un-t, 2010. 345 s.
 11. Sheler M. Izbrannye proizvedeniya // Pod red. Denezhkina A.V. M.: Gnozis, 1994. 413 s.
-

UDC 13

DOI 10.17506/dipi.2018.31.2.133139

EXISTENTIAL ANTHROPOLOGY AS THE ANTHROPOLOGY OF EDUCATION

Niyazbaeva Natalia Nikolaevna,

Kostanay State University named after A.Baytursynova,
Ph.D., Assistant Professor,
Kostanai, Kazakhstan,
E-mail: niyaz_nn@mail.ru

Annotation

The article reveals author's version of the concept of existential anthropology education, where axiological component is strengthened as the basis for education of human being. The decisive phenomenon of human existence and education is self-realization, expressed in existential terms like "choice, "meaning", "comprehension", "values", "experience", "overcoming". The ontological aspect of the existential anthropology of education is determined by the decisive phenomena of human existence that constitute the existential structure of education goal-setting: freedom, responsibility, conscience, love, eventuality, creativity, uniqueness.

Key concepts:

existential anthropology of education, education, self-realization, meaning, existential values.

УДК 342.7

DOI 10.17506/dipi.2018.31.2.140148

СТРАТЕГИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ДИСКУРСА В КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА*

Руденко Виктор Николаевич,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
доктор юридических наук, профессор,
член-корреспондент РАН,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: rudenkovn@yandex.ru

Аннотация

В статье показано, что доминирующей стратегией выборных органов власти становится конституционализация норм о правах человека в целях их судебной защиты. Автор показывает, что недостаток такой стратегии заключается в постоянно сохраняющейся угрозе ограничения прав человека со стороны государства. Препятствовать этой угрозе, по его мнению, необходимо не путем отдельных институциональных усовершенствований, а посредством освоения ценностей делиберативной демократии. На основе выработанного подхода автор исследует различные формы проявления делиберативной демократии в аксиологии прав человека, подчеркивая значимость ценностей гражданского контроля и других форм гражданского участия в защите прав человека.

Ключевые понятия:

права человека, защита прав человека, аксиология защиты права человека, делиберативная демократия, коммуникативный дискурс.

Основные подходы к защите прав человека в современном мире определяют, главным образом, представления о непартиципаторной (элитарной) демократии, обоснованные в трудах Й. А. Шумпетера, Ф. А. Хайека, К. Поппера

*Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18-011-00211 «Общественное согласие в России: механизмы идеологической и институциональной регуляции».

и других мыслителей XX столетия. Согласно этим представлениям демократия есть форма правления, обеспечивающая состязание политических элит за голоса избирателей. Итог состязания олицетворяет мандат, уполномочивающий выборные органы власти на принятие всех важнейших публично-властных решений. Таким образом, граждане участвуют в механизме согласования интересов главным образом посредством голосований по кадровым вопросам. В связи с этим ценностной доминантой защиты прав человека является политика интересов, то есть борьба доминирующих групп за власть с целью утверждения своих интересов, политика, основанная на решениях большинства, выражающих устремления доминирующих акторов политической деятельности [2, с. 46]. При этом граждане, за редким исключением (референдумы и другие голосования), не участвуют непосредственно в управлении делами государства, что предопределяет известные существенные недостатки демократии: так называемую «тиранию большинства», а нередко и значимого меньшинства. Это является одной из причин нечестных выборов, некомпетентности выборных должностных лиц, келейности принятия публично-властных решений, неэффективного управления и, как результат, равнодушия граждан относительно своих прав.

Современные правительства стремятся минимизировать многие из названных издержек демократии путем усовершенствования избирательных систем, придания большей открытости деятельности органов власти и управления, в том числе судов, других институциональных усовершенствований. Эти действия заслуживают внимания и поддержки. Но подобного рода стратегии развития демократии, как отмечает Т. Кэмпбелл, не всегда могут рассматриваться в качестве демократического усовершенствования политической системы общества и защиты прав человека [4, с. 19]. Т. Кэмпбелл обращает внимание на одну из повсеместно распространенных и популярных сегодня, в том числе и в России, стратегий, выражающейся в **конституционализации норм о правах человека** в целях судебного контроля: «...Это включение в конституции абстрактных норм о правах человека, чтобы уполномочить суд действовать в качестве гаранта соблюдения демократических процедур и их результатов. Вместе с тем включение в конституции прав человека с целью обеспечения основанного на правах человека судебного контроля («слабого» или «сильного») – это политика не только в значительной степени неэффективная, но и не вполне демократичная, а если признать существование права человека на демократию, то и внутренне противоречивая. В целом такие стратегии ни в теории, ни на практике не приносят пользы ни демократии, ни правам человека» [4, с. 19].

Действительно, в рамках обрисованной концепции демократии и фундаментальной на ней системы правления права человека воспринимаются гражданами как установленные властью или дарованные ею. Соблюдение же прав человека выглядит директивой со стороны органов власти. Исполнение этой директивы призваны контролировать суды. Граждане же зачастую не интересуются своими правами и, как правило, не участвуют в правозащитной деятельности. Не исключены также эксцессы демократии и прав человека: в случае роста социальной напряженности власть вынуждена лавировать между

закрепленными в конституциях признанными правами и свободами человека и желанием их ограничения. Так, рост миграционных потоков в страны Западной Европы и всплеск терроризма в этих странах с начала 2000-х годов заставил задуматься о возможном ограничении прав человека. В большинстве западноевропейских стран в повестку дня встал вопрос: что важнее права человека или безопасность? [1]. За этим, в частности в Германии, последовало принятие законов о безопасности, на практике ограничивающих такие фундаментальные права человека, как право на неприкосновенность частной жизни, на личную и семейную тайну, а также на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных, электронных и иных сообщений – одних из наиболее важных естественных, личных прав человека. Желание государства контролировать все потоки информации и предотвращать потенциальные угрозы породило не менее серьезную проблему: под удар попали не только демократические права и свободы, но даже основы конституционного строя. Превентивное государство (preventive state), стремящееся предотвратить угрозы путем тотального контроля над частной жизнью, в перспективе могло перерасти в государство-надзиратель (supervisory state), что противоречит основам демократического устройства и современным представлениям о правах человека [1, с. 17–20].

Указанные недостатки побудили к поиску иных моделей демократического устройства, а также к выработке стратегий защиты прав человека, отличных от стратегии конституционализации норм о правах человека, и их теоретическому обоснованию. Одной из весомых альтернативных теорий в современном мире стала концепция делиберативной демократии, развитая в трудах Ю. Хабермаса. Согласно ключевой идее теоретика «только те нормы действия значимы, с которыми все лица, кого они, возможно, затрагивают, могли бы согласиться, выступая в качестве участников рационального дискурса» [Цит. по: 2, с. 48]. Иными словами, сущностным атрибутом делиберативной демократии является рациональный коммуникативный дискурс. С этой точки зрения делиберативная демократия может рассматриваться в качестве разновидности партисипаторной демократии, предусматривающей в качестве основной формы участия в осуществлении публичной власти коммуникацию, а не голосование. В аксиологии прав человека делиберативная демократия задает **стратегию коммуникативного дискурса**, в рамках которой любой гражданин либо в той или иной мере организованная группа граждан имеют право на участие в обсуждении тех вопросов, публично-властные решения по которым прямо или косвенно затрагивают их законные права и интересы.

Развитие форм делиберативной демократии публичных слушаний, консенсусных собраний, обсуждений, дебатов [10] – существенно меняет аксиологию защиты прав человека. Смещение акцента на коммуникативный дискурс способствует выработке новой стратегии защиты прав человека. Целью этой стратегии является не выражение интересов доминирующих в обществе групп, а согласование интересов граждан, их групп, гражданского общества и государства. Это предполагает изменение процедуры принятия публично-властных решений: голосования и совещания должностных лиц дополняет дискурс (коммуникативное действие). Органы власти и должностные лица

как генераторы самих решений в данном случае действуют не автономно, а во взаимодействии с заинтересованными членами гражданского общества. Ценностные доминанты в аксиологии защиты прав человека, таким образом, смещаются от выражения групповых интересов к общему благу. При этом меняется сам характер принимаемых публично-властных решений: решения большинства замещаются на консенсуальные решения. Существенно изменяется и роль граждан. Граждане, как участники коммуникативного дискурса, взаимодействуют с органами власти по важнейшим вопросам закрепления и защиты прав человека, артикулируя в этих правах свои интересы. В итоге меняется восприятие самими гражданами целостной системы прав человека. Права человека воспринимаются ими не в качестве «дара» от государства, а как результат консенсуса всех заинтересованных лиц, а не демократического большинства, что в значительной мере затрудняет произвольное их ограничение со стороны государства. Более того, граждане дополняют систему основных субъектов контроля за соблюдением прав человека.

Коммуникативный дискурс в аксиологии защиты прав человека в современном мире находит различные формы проявления.

Во-первых, законодатели в ряде стран мира отходят от идеализации ценности сугубо судебного контроля в сфере защиты прав человека, повышая значимость ценности гражданского контроля. В этом плане весьма показателен австралийский опыт. В стране был принят Акт оправах человека (парламентском контроле) 2011 г. (Australian Human Rights (Parliamentary Scrutiny) Act 2011) [11]. Особенность данного документа, подчеркивает Т. Кэмпбелл, состоит в том, что он не упоминает о роли судов в защите прав человека, а «возлагает ответственность за продвижение и защиту прав человека непосредственно на плечи правительства, гражданского общества и отдельных граждан, обеспечивающих легитимный фундамент, на котором должен вырасти более эффективный и устойчивый прогресс, чем тот, которого можно было бы ожидать от делегирования этой ответственности судам, действующим за рамками своих привычных полномочий» [4, с. 33]. Существенные шаги в том же направлении предприняты и в России. С принятием Федерального закона № 212-ФЗ от 21 июля 2014 года «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [8] в стране на уровне законодательства созданы предпосылки для проведения общественностью контрольных мероприятий, в том числе общественных экспертиз в области защиты прав человека и гражданина. Реализация норм Федерального закона предусматривает проведение общественных обсуждений с участием всех заинтересованных лиц.

Иным, но подобным путем, следуют законодатели ряда штатов США, где присяжные больших жюри, как правило, высших судов штатов, помимо традиционных своих обязанностей, выполняют функции гражданского контроля – так называемые функции «сторожевых псов» («watch dog functions»). В указанных штатах, особенно в Калифорнии, большие жюри, все чаще именуемые в последние годы гражданскими большими жюри (Civil Grand Juries), наделены чрезвычайно важными полномочиями по контролю и надзору за финансовой, хозяйственной и иной деятельностью должностных лиц и органов публичного управления, за методами и самой системой управления. Это позво-

ляет обеспечить защиту права граждан на хорошее администрирование. Кроме того, присяжные больших жюри осуществляют контроль над соблюдением прав граждан в местах ограничения свободы и администрированием в них. Все актуальные вопросы, отнесенные к компетенции гражданских больших жюри, подлежат обсуждению присяжными с последующим доведением выводов высшему суду, органам штата или публичным агентствам, в отношении которых гражданским большим жюри проводилось расследование, а также органам местного самоуправления [6].

Все эти шаги означают своего рода движение от конституционализации норм в целях судебного контроля к механизмам, основанным на взаимодействии государства и общества, усилении гражданского контроля над тем, что делает государство в области прав человека [4, с. 23–24].

Во-вторых, с конца прошлого столетия в общественно-политической жизни Австралии, Германии, США и других стран все большую значимость в сфере защиты прав человека приобретает ценность гражданского участия в формах самоорганизации граждан. Одна из таких форм «гражданские жюри» (*Citizen's Juries*) – основана в конце XX-го столетия Джефферсон-центром (штат Миннесота, США). Данная форма предполагает обсуждение наиболее острых и актуальных публично значимых проблем гражданскими коллежиями, создаваемыми каждый раз заново для разбирательства одного конкретного «дела» по сформулированным инициаторами «процесса» вопросам. Как правило, инициаторами разбирательства выступают организации или органы государственной власти, государственные и другие органы. Сформированные на основе случайной выборки из нескольких кластеров, выделенных с учетом возраста, уровня образования, социального положения и культурной идентичности местных жителей, гражданские жюри напоминают судебные коллегии присяжных [7]. В фокусе внимания гражданских жюри в последнее время находятся различные жизненно важные вопросы публичной политики. Множество из них касается непосредственно защиты прав мигрантов, женщин, инвалидов, коренных народов, молодежи и других социальных групп. Обсуждаются и общие вопросы. В частности, гражданские жюри, формируемые организацией Amnesty International, всесторонне анализируют вопросы предупреждения и прекращения нарушений прав на физическую и психологическую неприкосновенность, на свободу совести и самовыражения, на свободу от дискриминации. Так, в Ирландии силами гражданских жюри проводятся обсуждения проблем, связанных с принудительной психиатрической помощью [9]. По итогам обсуждений гражданские жюри готовят доклады (*Citizen's jury reports*), адресованные органам власти, в том числе законодательной. Причем, в поле зрения гражданских жюри попадает все больше вопросов, традиционно относящихся к компетенции государственных органов. К примеру, приметой времени стало создание первого в Австралии гражданского жюри по вопросам радиационной безопасности (*Nuclear Citizen's Jury*) [14]. Подготовленный этим гражданским жюри доклад призван защитить права граждан на благоприятную природную среду.

Распространение упомянутой формы самоорганизации граждан по многим странам мира меняет представления о механизмах современной демокра-

тии и защиты прав человека, не позволяя сводить демократию только к борьбе за голоса избирателей.

В-третьих, стратегия рационального коммуникативного дискурса получила распространение в судебных системах множества государств мира. В аксиологии защиты прав человека все большую значимость приобретают ценности так называемого восстановительного правосудия (restorative justice), выходящего за рамки традиционных представлений о системе правосудия и судебной защиты прав человека [3]. В десятках стран на протяжении многих лет внедряются такие механизмы защиты прав человека, как примирительные процедуры (посредничество, урегулирование, арбитраж), в основе которых лежит диалог, обсуждение. Это открывает новые возможности для защиты гражданских прав. В частности, в Канаде и ряде западноевропейских стран получила широкое распространение практика посредничества между преступником и жертвой преступления (victim of fender mediation). Программы поддержки групп посредников зачастую по своей собственной инициативе финансируют гражданские общины [12]. Значительная часть дел в отношении несовершеннолетних во многих странах мира рассматривается на посреднических собраниях (mediation conference) или семейных собраниях (family conferences). Коренные жители Австралии, к примеру, принимают непосредственное участие в защите прав человека при разбирательстве не только гражданских, но и уголовных дел в судах коренных народов (indigenous courts), судопроизводство в которых, в отличие от магистратских судов, основано на дискуссиях за «круглым столом» [13]. Как следует из доклада ООН, практики подобного рода являются перспективной формой развития судебной системы и защиты прав человека [5]. Представляется, что в основе сделанного экспертами ООН вывода заложено глубокое обобщение опыта делиберативной демократии, а именно коммуникативных практик в сфере восстановительного правосудия.

На основании сказанного можно сделать вывод о том, что в современном мире происходит становление партисипаторной модели защиты прав человека, отличающейся относительно широкой вовлеченностью гражданского общества в дело продвижения и защиты этих прав. Разумеется, что новые ценностные доминанты не подменяют собой ценности, выработанные в рамках стратегии конституционализации прав человека. Не подлежит сомнению роль судов в защите прав человека. Однако справедливо и то, что судебная защита прав человека – это не единственный ответ на возникающие вызовы. Представляется, что в настоящее время в разных странах мира в системах защиты прав человека коммуникативному дискурсу придается очень важное значение. Он становится органической частью конституционно-правового механизма защиты прав человека в целом. Посредством коммуникативного дискурса осуществляется легитимация прав человека, обеспечивается их признание, как со стороны органов власти, так и гражданского общества. Участие в обсуждении правоохранительной проблематики повышает информированность граждан о своих правах. Значение коммуникативного дискурса в аксиологии прав человека постоянно повышается по мере эволюции наших представлений о демократии, свободах и правах человека. Задачей же государства является обеспечение правовых

гарантий участия граждан в обсуждении тех проблем прав человека, которые непосредственно затрагивают их законные права и интересы.

1. Баум Г. Спасти права граждан. Свобода или безопасность: полемические заметки. М.: Сектор, 2015. 156 с.
2. Бусова Н.А. Делиберативная модель демократии и политика интересов // Вопросы философии. 2002. № 5. С. 44–54.
3. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. 324 с.
4. Кэмпбелл Т. Права человека: демократический путь // Правоведение. 2013. № 6. С. 17–34.
5. ООН. Базовый документ, составляющий часть докладов государств-участников. Австралия. 2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://www2.ohchr.org/english/bodies/cescr/docs/HRI.CORE.AUS.2007.ru.doc> (дата обращения: 12.07.2018).
6. Руденко В.Н. Гражданские большие жюри как форма общественного контроля // Дискурс-Пи. 2017. № 2. С. 22–30.
7. Руденко В. Консультативные общественные советы в системе делиберативной демократии // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 4. С. 116–124.
8. Федеральный закон № 212-ФЗ от 21 июля 2014 года «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (ред. от 29.12.2017) // КонсультантПлюс. Профиль: Универсальный.
9. A Citizens' Jury on Legal Capacity Law. Amnesty International Ireland. Dublin, 2012. 68 p.
10. Deliberative Democracy Handbook. Strategies for Effective Civic Engagement in the 21st Century / Ed. by John Gastl and Peter Levine. San Francisco, 2005. 308 p.
11. Human Rights (Parliamentary Scrutiny) Act 2011. № 186, 2011 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2011A00186> (дата обращения: 12.07.2018).
12. Mark S. Umbreit, Marlene A. Young. The Handbook of Victim Offender Mediation. An Essential Guide to Practice and Research. A Wiley Company San Francisco. 2001. 425 p.
13. Marchett E., Daly K. Indigenous Courts and Justice Practices in Australia // Trends & Issues in crime and criminal justice. May 2004. № 277. P. 1–6.
14. Nuclear Citizen's Jury. What are the parts of the Nuclear Fuel Cycle Royal Commission's Report that everyone needs to discuss? 10th July 2016 Adelaide [Электронный ресурс]. URL: <https://trove.nla.gov.au/nbdid/58417238> (дата обращения: 12.07.2018).

References

1. Baum G. Spasti prava grazhdan. Svoboda ili bezopasnost': polemicheskie zametki. M.: Sektor, 2015. 156 s.
2. Busova N.A. Deliberativnaya model' demokratii i politika interesov //

Voprosy filosofii. 2002. № 5. S. 44–54.

3. Zer X. Vosstanovitel'noe pravosudie: novyj vzglyad na prestuplenie i nakazanie. M.: MOO Centr «Sudebno-pravovaya reforma», 2002. 324 s.

4. Ke'mpbell T. Prava cheloveka: demokraticeskij put' // Pravovedenie. 2013. № 6. S. 17–34.

5. OON. Bazovyj dokument, sostavlyayushhij chast' dokladov gosudarstv-uchastnikov. Avstraliya. 2007 [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://www2.ohchr.org/english/bodies/cescr/docs/HRI.CORE.AUS.2007.ru.doc> (data obrashheniya: 12.07.2018).

6. Rudenko V.N. Grazhdanskie bol'shie zhyuri kak forma obshhestvennogo kontrolya // Diskurs-Pi. 2017. № 2. S. 22–30.

7. Rudenko V. Konsul'tativnye obshhestvennye sovety v sisteme deliberativnoj demokratii // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2007. № 4. S. 116–124.

8. Federal'nyj zakon № 212-FZ ot 21 iyulya 2014 goda «Ob osnovax obshhestvennogo kontrolya v Rossijskoj Federacii» (red. ot 29.12.2017) // Konsul'tantPlyus. Profil': Universal'nyj.

9. A Citizens' Jury on Legal Capacity Law. Amnesty International Ireland. Dublin, 2012. 68 p.

10. Deliberative Democracy Handbook. Strategies for Effective Civic Engagement in the 21st Century / Ed. by John Gastl and Peter Levine. San Francisco, 2005. 308 p.

11. Human Rights (Parliamentary Scrutiny) Act 2011. № 186, 2011 [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2011A00186> (data obrashheniya: 12.07.2018).

12. Mark S. Umbreit, Marlene A. Young. The Handbook of Victim Offender Mediation. An Essential Guide to Practice and Research. A Wiley Company San Francisco. 2001. 425 p.

13. Marchett E., Daly K. Indigenous Courts and Justice Practices in Australia // Trends & Issues in crime and criminal justice. May 2004. № 277. P. 1–6.

14. Nuclear Citizen's Jury. What are the parts of the Nuclear Fuel Cycle Royal Commission's Report that everyone needs to discuss? 10th July 2016 Adelaide [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://trove.nla.gov.au/nbdid/58417238> (data obrashheniya: 12.07.2018).

UDC 342.7

DOI 10.17506/dipi.2018.31.2.140148

COMMUNICATIVE DISCOURSE STRATEGY IN CONSTITUTIONAL-LEGAL PROTECTION OF HUMAN RIGHTS

Rudenko Viktor Nikolaevich,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Full Professor,
Corresponding Member of the RAS,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: rudenkovn@yandex.ru

Annotation

The article shows that human rights protection axiology in the contemporary world is based primarily on the perception of non-participatory (elitist) democracy. The dominant strategy of the elective state bodies is the constitutionalization of human rights' norms aimed on their judicial protection. The author argues that the disadvantage of such strategy is the permanent threat of human rights' restriction coming from the state. In his opinion, it is necessary to prevent that threat not through making the particular institutional improvements, but through appropriating values of deliberative democracy. Based on such assumption, the author describes different forms of manifestation of the deliberative democracy in human rights' axiology. He underlines the value of citizens' control and other forms of citizen participation for human rights protection.

Key concepts:

human rights, human rights protection, axiology of human rights protection, deliberative democracy, communicative discourse.

УДК 329.14

DOI 10.17506/dipi.2018.31.2.149158

О ПЕРСПЕКТИВАХ ЛЕВОРАДИКАЛЬНОГО ПОПУЛИЗМА В РОССИИ*

Фишман Леонид Гершевич,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Доктор политических наук, профессор РАН,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: lfishman@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена перспективам возникновения и развития леворадикального (социалистического) популизма в современной России. Отмечается, что в нашей стране существуют подобные западным, и даже отчасти превосшедшие их по степени зрелости, социоструктурные, экономические и идеологические предпосылки возникновения социально-ориентированного популизма. Особое внимание уделяется рассмотрению предполагаемого содержания политического дискурса, который, с большой долей вероятности, будет заложен в основу российской версии леворадикального популизма.

Ключевые понятия

популизм, социализм, рентно-сословное общество, государственный капитализм.

Нынешняя Россия в плане снижения уровня жизни большей части населения переживает не самые лучшие времена, а дальнейшие перспективы представляются еще менее радужными. Недовольство, вызываемое мероприятиями власти, вроде повышения пенсионного возраста, постепенно растет. Иногда может показаться, что у нас складывается чуть ли не «революционная ситуация», которая, правда, так и не перерастает в революцию. «Низы категорически не хотят жить по-старому, но и не готовы бороться, чтобы создать что-то новое.

* Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта Института философии и права УрО РАН: проект № 16–6–6–9 «Фундаментальные проблемы правовой и морально-политической регуляции современных обществ в национальном и глобальном аспекте».

Не готовы перейти черту, отделяющую недовольство от организованного сопротивления, протест от бунта» [2].

Пусть революция сразу и не ожидается, но в современной России, казалось бы, существуют многочисленные предпосылки для формирования массовых социалистических или коммунистических движений. Почему же до сих пор не появилось ничего подобного?

Предварительный ответ лежит на поверхности: потому что социализм и коммунизм как идеологии и движения соответствуют «обществу труда» с его социальной структурой. Это капиталистическое классовое общество с доминирующими рыночными отношениями. В этом обществе трудящиеся – производительный класс; они если и источник социальных проблем, то не обуза. Они, в конечном счете, кормят государство, непроизводящие социальные группы и пр. Российское же общество – рентно-сословное. В нем «большая часть населения выступает... как обуза, на которую надо постоянно тратить генерируемый государством ресурс. Поэтому очевидно естественное стремление элит ограничить лишние сословия в их доступе к механизмам поддержки со стороны государства» [8, с. 124]. Россия, как отмечает С. Кордонский, «самоорганизуется как огромная корпорация, а с агентами глобального рынка стремится взаимодействовать как национальное государство» [4, с. 39–40].

Поэтому в России наиболее остро и понятно для масс стоит вопрос не о радикальном изменении общественного строя, а о политической революции, главной задачей которой станет вопрос об управлении этим государством-корпорацией. Такая ситуация сложилась постольку, поскольку существуют «две фундаментальные цели элит: а) легитимация и политический контроль над населением и б) присвоение ресурсов – приводят к взаимоисключающим стратегиям, формирующим общее конфликтное поле рентно-сословного политического порядка» [8, с. 124].

Но именно по той же самой причине у нас складываются предпосылки для формирования движений, подобным современным западным лево- и правопопулистским (в той мере, в которой последние также поднимают социальную проблематику).

Современный популизм в странах Запада, который, как и у нас, является симптомом перехода к рентному обществу [16], подразумевает: а) переход от классовой структуры к квазисословной и б) наличие достаточно длительной традиции представительной демократии. Классы «общества труда», разлагаясь, пытаются либо сохранить свою субъектность, либо получить за ее утрату компенсацию. Недовольство направляется по известному каналу отвержения уважаемых политических сил в пользу «настоящих радетелей за народ», призванных установить подлинную демократию и т. п. – популистов, неважно – правых или левых.

Подобные западным, и даже, отчасти, превзошедшие их по степени зрелости, предпосылки возникновения социально-ориентированного популизма существуют также и в России. Конечно, полностью аналогичные западным популистские движения у нас вряд ли возможны по ряду причин. Наша социальная структура, например, уже в большей степени, нежели западная, приблизилась к предполагаемой структуре зрелого рентного общества. На Западе разлагающиеся классы [3, с. 154] «общества труда» только вступают в борьбу

за то, чтобы стать чем-то вроде сословий с закреплёнными социальными гарантиями, тогда как у нас такие социальные группы в целом сформировались. Однако сходство направления изменений в социальной структуре России и западных стран достаточно велико, чтобы говорить об общем направлении вектора социальных трансформаций. Сходство можно обнаружить и в содержании политико-идеологической сферы: у нас есть предпосылки для выработки типично-популистского формата политического дискурса. Очевидно, что он будет иметь сильный (если не ведущий) перераспределительный момент. Как и западный, предполагаемый российский популизм будет исходить из противопоставления элит и масс. К тому же, учитывая события последних лет, продемонстрировавшие запредельный цинизм и эгоизм отечественных правящих элит, явно не желающих разделить тяготы с народом, это противопоставление у нас обещает стать еще более резким. В любом случае, мы можем утверждать, что и в западном, и в российском случае мы будем иметь дело с одним и тем же популизмом, провозглашающим своей целью переориентировать управляемое элитами демократическое/олигархическое государство в интересах «народа».

Отличие от западного популизма будет заключаться в том, что наш популизм будет разворачиваться в рамках *уже* существующего государства-корпорации, в котором, казалось бы, достаточно сменить верхушку, чтоб установить справедливое перераспределение ресурсов. Западный же популизм, скорей, подспудно имеет целью построение такого государства-корпорации, в котором в будущем проблема «лишних людей», по выражению М. Форда, будет решаться «за счет экономики в целом» [17, с. 369] (эта цель, похоже, еще толком не осознана, чему отчасти препятствует табуирование подобного рода рефлексии, поскольку она вызывает ассоциации с корпоративным государством фашистов).

Популистская политика сама по себе не может надолго решить беспокоящие современные общества проблемы. Популизм преимущественно сводится к тому, что государство должно что-то делать ради «народа». Сегодняшний популизм – политический и идеологический феномен уходящего этапа развития капитализма с его представительной демократией и всеми проблемами, возникающими по поводу ее ограниченности и неэффективности. Демократия более не может компенсировать социальные издержки капитализма, и тогда возникает популизм, который все еще в демократию верит и от нее отталкивается. Сейчас в России такой популизм представляет (или имитирует) собой Навальный, который успешно разбавляет свою первоначальную либерально-демократическую и антикоррупционную риторику социальной проблематикой.

Популизм, не являясь решением проблем, скорее всего, снова будет идеологически оформлен как социализм, пусть даже и под другими названиями. Данный социализм отчасти станет попыткой возрождения советского или европейского социал-демократического формата социальной политики. Это будет происходить постольку, поскольку в обоих указанных форматах социализм является, по-видимому, неизбежной стадией, которую проходит капитализм на пути своей трансформации к коммунизму или, как сейчас принято говорить, к «посткапитализму».

Полное возрождение этих двух форматов социализма теперь, однако, невозможно. Прежний формат социализма являлся закономерным следствием как пролетарского этапа социально-освободительного движения, так и, шире, индустри-

альной стадии капитализма. Еще даже в большей степени, нежели пролетариат, его социальной базой был «средний класс» – как в Западной Европе, так и в СССР. Однако сейчас в Западной Европе и США средний класс находится в упадке и постепенно исчезает [7], а в России он по большей части является мифом [19], которому не придают живучести экономические и социальные пертурбации последних десятилетий. Нельзя даже сказать, что происходит «пролетаризация» среднего класса, поскольку пролетариат – класс, во-первых, производительный, и, во-вторых, занимающий в экономике ключевые позиции. Он обладал раньше политической силой именно потому, что мог остановить играющие ключевые для всей экономики роли шахты, железные дороги и т. д. [9, с. 52–53]. Но продукт разложения пролетариата и «среднего класса», «прекариат», не может ничего «остановить». Если рабочий класс, по выражению К. Крауча, за сто лет «описал параболу», «стал классом проигравших», могущим рассчитывать только на страдание [6, с. 78], то прекариат и вовсе изначально – типичный «страдающий класс» [21]. Только рядом негативных признаков он близок западным пролетариям далекого прошлого: отсутствием достаточных социальных гарантий. Прекарии, по существу, хотели бы иметь социальные гарантии старого рабочего и среднего класса, не имея соответствующего им экономического значения, а также не желая переносить «муки, порожденные рутинной» [12, с. 50] и прочие сопутствующие его положению ограничения в сфере индивидуальной самореализации. Попросту говоря, они хотели бы быть фрилансерами с социальными гарантиями золотого века социального государства. Если брать во внимание поколенческий аспект, то исследования показывают, что последнее поколение исповедует ценности, отчасти «вынужденного материализма», отчасти такого же вынужденного постматериализма [22, р. 154–169]. Оно ценит работу и занятость, но лишь поскольку без них не выжить; оно ведет себя зачастую экономически непродуктивно и в прежнем смысле этого слова не копит материальных богатств на земле, предпочитая богатство впечатлений [14] и пр. – частично потому, что иное ему просто недоступно. Это поколение радикально отличается от урбанизированных, отягощенных «семейной собственностью» [1] рабочего класса и «среднего класса», на которых опирались как советский строй, так и западное государство всеобщего благосостояния.

Поэтому преобразующиеся классы «общества труда» требуют не прежнего «социализма». Как пролетарии сто – двухсотлетней давности сами по себе могли дорасти только до «тред-юнионизма», нынешние низы могут дорасти только до борьбы за какую-то новую перераспределительную политику. Показательно, что старый социализм, в либеральном или социал-демократическом, и даже в новом левом обличье, по сути, не может ничего предложить массам недовольных, кроме как усиление борьбы «за свое». Он становится лишь обоснованием политического активизма, сводящегося к борьбе за кусочек политической власти, призванный обеспечить ренту – как компенсацию за утрачиваемую политическую субъектность [15]. Такого рода обоснование – не более чем ремейк старого «экономизма», не способный заглянуть за пределы своего времени и социального контекста. Но именно этот ремейк, соединившись с популистской риторикой (которая сама по себе трудно поддается четкой квалификации в терминах «левый»/«правый»), скорее всего, станет господствующим дискурсивно-идеологическим оформлением текущего этапа эволюции современного капитализма.

Однако нас в первую очередь интересует российская проблематика. Здесь мы исходим из того, что у нас рентное общество может сформироваться даже раньше, чем на Западе, поскольку уже есть его материальная предпосылка. И наличие этой предпосылки у нас уже получило едва ли не официальное подтверждение и обоснование.

Идеологическим обоснованием перехода к рентному обществу вполне может стать достаточно популярная концепция, согласно которой наш общественный строй является государственно-капиталистическим. Эта теория, которая в советские времена выдвигалась рядом марксистских диссидентов и казалась явно натяжной, теперь выглядит гораздо правдоподобней и может приобрести невиданный ранее мобилизующий потенциал.

Действительно, если перед кризисом 1998 года доля государства в экономике России оценивалась примерно в 25%, то к 2013 году, даже по данным Министерства экономического развития, доля госсектора увеличилась до 50%. По данным МВФ еще 2014 г. она составляла 70% [18]. По официальным данным картина такая же: в последние десять лет доля государства в экономике России выросла в полтора раза или даже в два раза. Была проведена мощная ренационализация российской экономики. Размер госсектора вырос с 35% ВВП в 2005 году до 70% в 2015-м [11].

К этому государственному капитализму прилагаются разные эпитеты, самые популярные (и идеально вписывающиеся в популистский дискурс) из которых – олигархический и клановый [5]. Но особенно показательно, что именно факт формирования в России государственного капитализма стараются затушевать наиболее высокопоставленные официальные лица. Как отмечает Е.В. Моргунов, «выступая на Петербургском международном экономическом форуме 17 июня 2011 г., Президент России Д. Медведев сказал: «Хочу заявить предельно четко: мы не строим государственный капитализм. Да, у нас был этап развития, связанный с усилением роли государства в экономике. Он был, по сути, неизбежен и во многом в определенный период необходим». По его словам, важно было стабилизировать ситуацию после хаоса 1990-х гг. «Однако теперь потенциал этого пути исчерпан ... Подобная экономическая модель представляет опасность для будущего страны. Это не мой выбор. Мой выбор в другом. В российской экономике должно доминировать частное предпринимательство и частные инвесторы» – сказал президент. В. Путин также неоднократно заявлял, что будущее России – это «социально ориентированная рыночная экономика, а не «государственный капитализм» [10, с. 25]. Что характерно, несмотря на то, что высшее руководство усиленно отрещивалось от политики государственного капитализма, социологи отмечали, что подавляющее большинство граждан России выступало за усиление государственного капитализма в экономике. Оно полагало, что «все стратегические отрасли экономики должны находиться под контролем государства, а в социальной сфере государство должно всем обеспечить определенный минимум социальных благ, сверх которого граждане добьются всего уже сами» [10, с. 30–31].

Адекватно ли описание российских реалий в терминах государственного капитализма – отдельный вопрос. В любом случае, это часть как официальной, так и левой риторики, от которой может отталкиваться левый популизм, и которая, в силу известной смысловой нагруженности, способствует вполне опреде-

ленному направлению развертывания политического дискурса. Иными словами, сам по себе дискурс, описывающий современный российский капитализм как государственный капитализм, достаточно опасен для правящей элиты. Тут очень даже просто устанавливается связь с революционным большевистским дискурсом столетней давности. Если в России монополии чрезвычайно тесно связаны с государством, то из этого напрашивается логичный вывод, что «империализм в современной России существует в форме государственно-монополистического капитализма, и это значит, что российский капитализм полностью созрел для своего, теперь уже окончательного свержения, создав все материальные предпосылки для восстановления социализма» [13].

Но даже если и не заводить серьезных речей о социализме и коммунизме, то и в русле обычного популистского образа мысли напрашивается вывод о простой смене политического режима (или даже правящей верхушки), если и не для прямого решения всех проблем, то в качестве необходимой предпосылки для этого. Нечто поверхностно напоминающее ленинскую теорию перехода к социализму от государственного капитализма теперь приобретает новую актуальность. При этом очевидно, что теперь предпосылок (по крайней мере технологических) для перехода к социализму (что бы под ним не подразумевалось) больше, чем век назад.

Если такого рода обоснование «перехода к социализму» станет достаточно популярным, оно будет отражать, что в России не только уже фактически сложилось рентно-сословное общество, но и его дискриминированные слои обрели достаточно ясное политическое самосознание, чтобы понять, по крайней мере, неадекватность имеющейся политической надстройки. Последняя исключает представительство и действительный учет интересов наиболее многочисленных слоев населения. Самое массовое сословие, равно как и большинство других, не имеет адекватного своей численности представительства. Все думские партии, в том числе и призванные имитировать это представительство (вроде КПРФ или СР), представляют разные фракции одного и того же «служивого сословия» или, если выразиться откровенней, правящего класса. Поэтому, когда эта ситуация станет совсем нестерпимой, политические требования в духе нового «социализма», скорее всего, будут иметь формально-демократический характер, а отличаться станут в зависимости от отношения к (крупной) частной собственности. Надо отметить такую немаловажную идеологическую составляющую возможного популистского социализма, как его потенциальный не-либерализм. Популизм и сам по себе, на Западе и в Латинской Америке, тяготеет к созданию нелиберальной формы правления [20]. Тем более, такого следует ожидать в России, где либерализм во многих устах является ругательным словом. В сочетании с социалистическими идеями и с квазибольшевистским дискурсом о госкапитализме популистскому социализму в России даже нет особого смысла маскироваться под либерально-демократические движения.

Формирование подобного рода популистско-социалистической идеологии сейчас затрудняется тем, что до сих пор ее место было занято идеологами КПРФ. КПРФ в условиях тучных годов российского госкапитализма выполняла функцию челобитчика от лица бюджетников перед властью. Конечно, этот челобитчик являлся частью «системы», своего рода официальным патроном своей клиентелы. Но патроном робким и непоследовательным, всерьез не го-

товым конфликтовать с властью и выводить людей на улицы, если только это угрожало бы ему каким-то серьезными санкциями. Это стало причиной постепенной потери популярности, что бы там ни говорили об административном ресурсе ЕР. Ностальгии оказалось недостаточно. В конце концов, люди голосуют за ту фракцию правителей, которая обладает реальным доступом к «прянику». Но когда пряники от власти не ожидаются (скорей, напротив), а традиционный патрон дискредитирован, появляется потребность в политической силе, прямо заинтересованной в радикальном преобразовании если не общественного строя, то политического режима. Последнее подразумевает решительное отстранение правящей элиты в пользу «истинных представителей народа». Таким образом, у нас есть предпосылки для формирования своей разновидности левого популизма, который будет выдвигать лозунги: а) постановка госкапитализма под контроль «народа», б) «справедливое» распределение национального богатства (ренты), в) преодоление наследия неолиберальной социальной политики с ее упором на экономическую «эффективность» вне зависимости от социальных последствий – в пользу подхода, в котором ни один человек не является лишним; г) социальная и культурная революция, призванная преодолеть уже сложившееся деление граждан на две «расы».

В случае прихода к власти таких политических сил у нас может установиться «государственный социализм» как своего рода преемник советского строя, или радикальная версия социал-демократического социального государства. Но в любом случае, это будет означать перетасовку прав всех имеющих место быть новых российских сословий, замену нынешней элиты на «контрэлиту» или даже на принципиальную не-элиту и иные мероприятия, связанные с радикальным изменением перераспределения ренты.

Окажется ли такой социализм объективно способным выполнить возложенные на себя задачи – отдельный вопрос. Вероятность этого достаточно велика, тем более, если учесть, что «вопреки утверждениям либеральной публицистики, сила нового популизма именно в очевидной и совершенно реальной осуществимости его обещаний» [2, с. 178]. Другое дело, что в процессе выполнения им этих задач может оказаться, что этого недостаточно. Но вне зависимости от степени успешности он может оказаться вполне жизнеспособным на международной арене. В конце XX – начале XXI вв. постепенно выяснилось, что остракизм со стороны глобального либерально-демократического истеблишмента не так страшен, как прежде, что жить можно и при санкциях, и что в самих либеральных демократиях к власти приходят популисты, трансформирующие эти демократии в нечто иное. В лице экономически могучего, но политически нелиберального Китая появилась внешнеполитическая альтернатива, на которую можно ориентироваться. Наконец, и сама Россия, отнюдь, не Венесуэла. Попытки прямо препятствовать ее политическому выбору слишком затратны. В этом отношении конфронтация нынешней государственно-капиталистической и олигархической России с западными странами показала не только ее уязвимые места, но и то, что даже такая Россия способна проводить относительно самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику. Россия же, избавленная от социального раскола, подобного нынешнему, тем более выстоит под давлением извне.

Если же вставшая на описанный выше путь наша страна окажется способной зайти дальше описанной версии левого популизма, то некоторые техноло-

гические предпосылки также будут этому способствовать. Например, современные информационные технологии, вероятно, способны значительно облегчить построение плановой экономики, нежели таковые технологии времен Сталина или даже Брежнева. Но это уже тема, заслуживающая особого рассмотрения.

1. Городников С. Средний класс и Национальная Реформация [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://econ.wikireading.ru/39443>.
2. Кагарлицкий Б.Ю. Революционная ситуация без революции? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rabkor.ru/columns/editorial-columns/2018/04/18/wheretherevolution/>.
3. Кагарлицкий Б.Ю. Между классом и дискурсом. Левые интеллектуалы на страже капитализма. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2017. 280 с.
4. Кордонский С. Сословная структура постсоветской России. М: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. 216 с.
5. Косалс Л. Клановый капитализм в России // Неприкосновенный запас 2006, 6 (50).
6. Крауч К. Постдемократия. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики. 192 с.
7. Мартьянов В.С. Прощай, средний класс // Свободная мысль № 5 (1659), 2016. С. 53–70.
8. Мартьянов В.С. Рентно-сословная трансформация российского общества // Неприкосновенный запас № 5, 2016. С. 106–124.
9. Митчелл Т. Углеродная демократия. Политическая власть в эпоху нефти. М. 2014. 408 с.
10. Моргунов Е.В. Какой капитализм построен в России? М.: ЦЭМИ РАН. 2011. 33 с.
11. Ослунд А. Нефеодалный капитализм России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://inosmi.ru/politic/20170428/239240254.html>.
12. Сеннетт Р. Коррозия характера. Новосибирск – М.: ФСПИ, «Тренды», 2004. 296 с.
13. Сокольский Л. Общественно-экономический строй современной России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://work-way.com/blog/2012/12/30/obshhestvenno-ekonomicheskij-stroj-sov/>.
14. «Угроза пенсионной системе». Почему молодежь не хочет копить? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://social.bfm.ru/blog/43925928769/%C2%ABUgroza-pensionnoy-sisteme%C2%BB>. – Pochemu-molodezh-ne-hochet-kopit.
15. Фишман Л.Г. Закат «общества труда»: современная идеологическая констелляция // Полития № 3, 2016, С. 116–129.
16. Фишман Л.Г., Давыдов Д.А. Грядущее рентное общество // Свободная мысль. 2015. № 5. С. 151–164.
17. Форд М. Роботы наступают: Развитие технологий и будущее без работы. М.: Альпина нон-фикшн. 2016. 430 с.
18. Частный бизнес и государство в экономике России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.krymr.com/a/27601182.html>.
19. Шанкина А.Ю. Средний класс в России: охота на Несси // ПО-

ЛИС№ 1, 2003. С. 103–111.

20. Landau D. Populist Constitutions // The University of Chicago Law Review, Vol. 85, No. 2 (March 2018), pp. 521–544.

21. Raunig G. The Monster Precariat // Translate.eipcp.net. 10.03.2007. URL: <http://translate.eipcp.net/strands/02/raunig-strands02en#redir>.

22. Twenge J.M. iGen: Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy-and Completely Unprepared for Adulthood-and What That Means for the Rest of Us. New York: Atria Books. 2017. 352 p.

References

1. Gorodnikov S. Srednij klass i Nacional'naya Reformaciya [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://econ.wikireading.ru/39443>.

2. Kagarlickij B. Yu. Revolyucionnaya situaciya bez revolyucii? [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://rabkor.ru/columns/editorial-columns/2018/04/18/wheretheevolution/>.

3. Kagarlickij B. Yu. Mezhdru klassom i diskursom. Levye intellektualy na strazhe kapitalizma. M.: Izd. dom Vysshej shkoly e'konomiki. 2017. 280 s.

4. Kordonskij S. Soslovnaya struktura postsovetskoj Rossii. M: Institut Fonda «Obshhestvennoe mnenie», 2008. 216 s.

5. Kosals L. Klanovij kapitalizm v Rossii // Neprikosnovennyj zapas 2006, 6 (50).

6. Krauch K. Postdemokratiya. M.: Izd. dom Gos. un-ta – Vysshej shkoly e'konomiki. 192 s.

7. Mart'yanov V.S. Proshhaj, srednij klass // Svobodnaya mysl' № 5 (1659), 2016. S. 53–70.

8. Mart'yanov V.S. Rentno-soslovnaya transformaciya rossijskogo obshhestva // Neprikosnovennyj zapas № 5, 2016. S. 106–124.

9. Mitchell T. Uglerodnaya demokratiya. Politicheskaya vlast' v e'poxu nefi. M. 2014. 408 s.

10. Morgunov E.V. Kakoj kapitalizm postroen v Rossii? M.: CE'MI RAN. 2011. 33 s.

11. Oslund A. Neofeodal'nyj kapitalizm Rossii [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://inosmi.ru/politic/20170428/239240254.html>.

12. Sennett R. Korroziya xaraktera. Novosibirsk – M.: FSPI, «Trendy», 2004. 296 s.

13. Sokol'skij L. Obshhestvenno-e'konomicheskij stroj sovremennoj Rossii [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://work-way.com/blog/2012/12/30/obshhestvenno-ekonomicheskij-stroj-sov/>.

14. «Ugroza pensionnoj sisteme». Pochemu molodezh' ne xochet kopit? [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://social.bfm.ru/blog/43925928769/%C2%ABUgroza-pensionnoj-sisteme%C2%BB>. – Pochemu-molodezh-ne-hochet-kopit.

15. Fishman L.G. Zakat «obshhestva truda»: sovremennaya ideologicheskaya konstellyaciya // Politiya № 3, 2016, S. 116–129.

16. Fishman L.G., Davydov D.A. Gryadushhee rentnoe obshhestvo //

Svobodnaya mysl'. 2015. № 5. S. 151–164.

17. Ford M. Roboty nastupayut: Razvitie texnologij i budushhee bez raboty. M.: Al'pina non-fikshn. 2016. 430 s.

18. Chastnyj biznes i gosudarstvo v e'konomike Rossii [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://ru.krymr.com/a/27601182.html>.

19. Shankina A. Yu. Srednij klass v Rossii: oxota na Nessi // POLIS№ 1, 2003. S. 103–111.

20. Landau D. Populist Constitutions // The University of Chicago Law Review, Vol. 85, No. 2 (March 2018), pp. 521–544.

21. Raunig G. The Monster Precariat // Translate.eipcp.net. 10.03.2007. URL: <http://translate.eipcp.net/strands/02/raunig-strands02en#redir>.

22. Twenge J.M. iGen: Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy-and Completely Unprepared for Adulthood-and What That Means for the Rest of Us. New York: Atria Books. 2017. 352 p.

UDC 329.14

DOI 10.17506/dipi.2018.31.2.149158

ON THE PROSPECTS OF LEFT RADICAL POPULISM IN RUSSIA

Fishman Leonid Gershevich,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Political Sciences,
Professor of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: lfishman@yandex.ru

Annotation

The article is devoted to the prospects for the emergence and development of left radical (socialistic) populism in modern Russia. The article shows that in our country, there are socio-structural, economic and ideological preconditions for the emergence of socially-oriented populism, which are similar to western preconditions, and even partially surpass them in degree of maturity. Particular attention is given to the consideration of the alleged content of political discourse, which, with a high probability, will be part of the basis of Russian version of left radical populism.

Key concepts:

populism, socialism, rent-class society, state capitalism.

УДК 327+341.1/8

DOI 10.17506/dipi.2018.31.2.159168

«КОСОВСКИЙ ПРЕЦЕДЕНТ» В ДИСКУРСЕ ЗАЯВЛЕНИЙ РОССИЙСКОГО РУКОВОДСТВА*

Мошкин Сергей Вячеславович,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
доктор политических наук,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: osa-sv@yandex.ru

Аннотация

В статье показана трансформация взглядов российского руководства на «косовский прецедент» – самопровозглашение в 2008 году независимости бывшей сербской автономии Косово, населенной преимущественно этническими албанцами, от республики Сербия. Если первоначально для разрешения косовского конфликта официальная Москва настаивала на приоритете принципов нерушимости границ и территориальной целостности государства (в данном случае сербского), над правом на самоопределение сербских албанцев и призывала «коллективный Запад» не допустить грубого попрания норм международного права, то после российско-грузинского конфликта в августе 2008 года и признания независимости Южной Осетии, Абхазии и особенно Крыма в марте 2014 года стало ясно: в глазах российского руководства принцип самоопределения народов вполне может доминировать над принципом территориальной целостности. Внешнеполитическая концепция кардинально изменилась: российское руководство стало прямо ссылаться на косовский пример. Россия оказалась единственной страной, кто на деле использовал «косовский прецедент», критикуемый ею ранее, для решения своих амбициозных внешнеполитических задач.

Ключевые понятия:

край Косово, Крым, принцип территориальной целостности государства, право народов на самоопределение, сецессия.

* Статья подготовлена в рамках проекта фундаментальных исследований Института философии и права УрО РАН: проект № 18–6–68 «Стратегические установки и технологии реализации политики национальной памяти на постсоветском пространстве в контексте информационной безопасности России».

В феврале 2008 года бывшая сербская автономия Косово в одностороннем порядке провозгласила себя суверенным, независимым от Сербии государством. Мало кто мог предполагать тогда, что это событие, поддержанное «коллективным Западом», откроет новую драматическую страницу в международных отношениях. Решительнее всех о тяжелых последствиях для мирового порядка предупредила в те дни официальная Москва. Однако тогдашний госсекретарь США Кондолиза Райс заявила: «России придется смириться, что Сербия и Косово будут существовать раздельно и что Косово уже никогда не станет частью Сербии» [8].

С тех пор прошло десять лет. Юбилей «косовского прецедента» российские официальные лица и государственные теле- радиоканалы проигнорировали, но вовсе не по причине нанесенного тогда авторитету России международного унижения, а потому, что спустя некоторое время Россия оказалась единственной страной, кто на деле использовал «косовский прецедент», критикуемый ею ранее, для решения своих амбициозных внешнеполитических задач.

В споре о принадлежности Косова как сербы, так и албанцы приводили изрядный перечень аргументов в обоснование своих прав. Сербы ссылались на средневековые хроники, которые единодушно характеризуют Косово как один из центров сербской державы, а также на топонимику – в Косово нет ни одного более или менее заметного населенного пункта с албанским названием. В свою очередь, албанцы утверждали, что являются потомками древних иллирийцев, а значит – именно они являются автохтонным населением края, живущим здесь задолго до прихода сербов.

Для любого серба Косово – священное место, колыбель сербского национального самосознания и культуры. «Куда б ни пошел, к тебе возвращаюсь снова я, никому не отнять из души моей Косово», – звучат слова сербской песни. «Косово имеет для сербов такое же значение, как Иерусалим для еврейского народа», – говорит сербский историк Предрага Симича [7]. Но именно здесь сербская держава потерпела окончательное поражение: в битве на Косовом поле в XIV веке турки наголову разгромили сербское войско и установили свое господство на Балканах на пять с лишним столетий.

С демографией в Косове тоже всё неоднозначно. По крайней мере, в обозримой истории здесь всегда было больше албанцев, однако сербы утверждали, что их отсюда целенаправленно вытесняли на протяжении длительного периода. Особенно это стало заметно после Второй мировой войны, когда коммунистический режим Иосипа Броз Тито предоставил краю автономию, обеспечив албанцам право на образование на родном языке, а также возможность занимать партийные и административные должности. Именно национальная политика Тито резко повысила статус и возможности албанского населения, сформировала местную интеллигенцию, которая позднее и выступила с идеей независимости. После распада коммунистической Югославии бывшие албанские партийные кадры, обученные для того, чтобы проводить политику партии на местах, превратились в яростных сепаратистов и националистов. В 1991 году они предприняли первую попытку объявить Косово независимой республикой и даже провели среди албанской общины референдум, не санкционированный официальным Белградом, о независимости (99% голосовавших при явке 87% высказались за независимость) [6]. Однако тогда их поддержала только Албания, и признания нового государства не получилось.

Затем, как известно, были кровавый албанско-сербский конфликт 1998–1999 гг., интервенция НАТО весной 1999-го, несколько лет жизни под контролем НАТО, ООН и ЕС, свержение Слободана Милошевича, приход к власти проевропейских сил в Сербии, безуспешные попытки ЕС и ООН уговорить стороны, главным образом албанцев, и урегулировать статус края в рамках одного государства с Сербией. Ни одна проблема решена не была, но кровопролитие прекратилось. На Балканах установилось некоторое затишье. Сербь, потерпев поражение от объединенных сил Запада, вынуждены были смириться с новой ситуацией. А чиновники Европейского союза, оказавшись в положении фактической колониальной администрации, готовы были заморозить ситуацию, не доводя дело до крайности. Однако в январе 2008 года все взаимные претензии и обиды, копившиеся в течение долгого времени, снова вышли на поверхность.

17 февраля 2008 года албанские власти Косова объявили свой край независимым государством. Отделение от Сербии случилось, когда стало ясно, что этот план поддерживается влиятельными внешними силами и осуществим на практике. Уже на следующий же день новое государство признали США, Британия, Франция, Турция, Албания, в течение 2008 года – более полусотни стран, а к настоящему времени Косово признают 111 из 193 стран-членов ООН. Не признают Косово, помимо Сербии, такие страны как Россия, Китай, Индия, а также Грузия, Молдова и Украина. Кроме того, Косово не признали и несколько стран Евросоюза, а именно, Греция, Испания, Кипр, Румыния и Словакия.

Москва считала себя союзницей и защитницей славянской Сербии, а провозглашение нового государства в обход Совета безопасности ООН, решение которого сама же и блокировала, воспринимала как очередное покушение на ее статус мировой державы, и российские официальные лица в выступлении за выступлением говорили об угрозе мировому порядку.

«Прецедент Косова – это страшный прецедент. Он, по сути дела, взламывает всю систему международных отношений, сложившуюся даже не за десятилетия, а за столетия. И он, без всяких сомнений, может повлечь за собой целую цепочку непредсказуемых последствий», – говорил президент России Владимир Путин через пять дней после провозглашения косовскими албанцами независимости [11].

«Поощрять сепаратистские тенденции, я считаю, аморально», – предостерег министр иностранных дел России Сергей Лавров в марте того года в интервью «Российской газете» и добавил, что «косовский прецедент» уже воодушевил сепаратистов в других регионах мира, и что «мы видим только начало крайне взрывоопасного процесса» [9]. При этом глава МИД утверждал, что сама Россия, конечно же, ни в коем случае не будет поощрять сепаратистские тенденции – даже в тех конфликтах, в которые сама тем или иным образом вовлечена. «Нет и проекции этой ситуации на Абхазию, Южную Осетию, Приднестровье. Повторяю, что здесь нет никакой увязки. Мы не ждем, «потирая руки», что сейчас Косово отломят от Сербии, и мы начнем то же самое делать в отношении этих республик. Это совсем не так», – заверял Лавров, выступая в Государственной Думе РФ в марте 2007 года [14].

«Мне кажется, у многих как-то укоренилось в умах, что Россия так твердо выступает по Косово, предостерегает, что это будет прецедент, а сама в душе только и ждет, чтобы это произошло, и потом начнет признавать всех подряд

вокруг себя. Нет ничего более ложного в отношении понимания российской позиции. Мы прекрасно понимаем дестабилизирующий эффект любых сепаратистских процессов», – повторял министр на пресс-конференции в начале 2008 года [12].

Пока официальная Москва и другие противники независимости Косова говорили об опасности косовского прецедента, условный «коллективный Запад» на это возражал, что косовский конфликт уникален, и в международно-правовом смысле случай с Косово не должен восприниматься как прецедент для других сепаратистских регионов.

В действительности же, независимое Косово было бы невысказано, если бы этого не захотели чиновники и элиты Евросоюза. На континенте существует много территорий, претендующих на независимость, однако ничего подобного косовскому сценарию не случалось. Примеры хорошо известны. В Испании – Каталония и Страна Басков. Турецкая Республика Северного Кипра провозгласила независимость несколько десятилетий назад, однако ни одна из западных стран это государство не признает. Любопытно, что Великобритания, Франция и Италия, правительства которых заявили о поддержке независимости Косова, имеют собственные сепаратистские проблемы разной степени остроты. Однако есть и другой пример, менее известный, зато более существенный с точки зрения международного права: Аландские острова. Говорящее по-шведски население этих островов после провозглашения независимости Финляндии настаивало на присоединении к Швеции. Голосование в местных органах власти не оставляло никаких сомнений относительно этого. Однако международный арбитраж отказал аландским шведам, и они вынуждены были смириться.

Дело в том, что национальные права и суверенитет над территорией – не одно и то же. Любое национальное меньшинство имеет полное право требовать равных возможностей, автономии, образования на родном языке, условий для культурного развития и т. д. Но все эти права должны быть реализованы в рамках существующего государства.

Здесь не лишне напомнить, что требование защитить права национальных меньшинств было одним из ключевых обоснований агрессии Третьего Рейха против соседних государств. Разумеется, речь шла о немецком меньшинстве, угнетаемом, скажем, славянами в Судетской области Чехословакии. В этой же логике национальные права венгерского меньшинства надо было реализовать за счет возвращения Венгрии территорий, отошедших к Румынии и той же Чехословакии; к Румынии присоединить Молдавию, передать Рейху Австрию, а заодно и французские провинции Эльзас и Лотарингию и т. д.

Именно неприемлемость самой возможности повторения опыта нацистской Германии и ее сателлитов подвела мировое сообщество в послевоенные годы к осознанию незыблемости принципа нерушимости государственных границ. Что касается широко обсуждаемого противоречия между правом народов на самоопределение и принципом территориальной целостности государства, то диалектический смысл права народов на самоопределение заключается в том, чтобы обеспечить условия для развития и свободного распоряжения своей судьбой народа в любой форме, которую выбирает весь народ государства. Принцип равноправия и самоопределения народов как одно из правомерных оснований возникновения новых независимых государств

изначально принимался в международном праве в контексте исторического процесса деколонизации как право колониальных народов на независимость от своих бывших метрополий. Ошибочное толкование принципа сводится к тому, что право народов на самоопределение имеет отношение лишь к тем национальным меньшинствам, которые добиваются его путем непримиримости, национально-освободительной борьбы и вооруженного насилия. Поскольку процесс деколонизации в мире практически завершен, в юридической доктрине признается, что отделение от прежнего государства и создание нового государственного образования не является основной формой реализации принципа самоопределения [8].

Более того, в соответствии со ст. 1 Хельсинкского Заключительного акта 1975 года государственные границы могут изменяться в соответствии с международным правом мирным путем и по договоренности [4]. Современное международное право не допускает ссылок на принцип равноправия и самоопределения народов для подрыва единства и территориальной целостности суверенного государства и исходит из того, что, если территориальное самоопределение народов сопряжено с серьезными международными противоречиями и конфликтами, а не с добровольным мирным волеизъявлением всего народа, достижение политической независимости противоречит международному праву.

Таким образом, до «косовского прецедента» система международных отношений была построена на принципе нерушимости границ, даже если эти границы были далеко не оптимальны. Это было закреплено в многочисленных международных договорах и документах, ключевым из которых было Хельсинкское соглашение по безопасности и сотрудничеству в Европе. Отделение Косова основывалось на иной логике – на требовании новых этнических границ и создании нового национального государства, поскольку жить вместе для двух народов сочли принципиально невозможным. Увы, именно так же объясняли свои действия идеологи Третьего Рейха.

Для обоснования независимости Косова европейские эксперты по международному праву использовали концепцию «возмещающего права на отделение». Согласно этой концепции, народ имеет право на отделение от государства, если оно допустило в его отношении жестокость и несправедливость, то есть отделение компенсировало бы понесенные народом ущерб и утраты. При этом должны быть соблюдены несколько важных условий. Во-первых, это действительно должен быть народ, компактно населяющий определенную территорию. Должны быть зафиксированы и признаны массовые и постоянные нарушения основных прав человека, совершаемые в отношении этого народа. Государство должно систематически отказывать этому народу в реализации права на самоопределение в менее радикальных, чем отделение, формах – то есть в автономии. Наконец, что очень важно, отделение должно считаться крайней мерой и применяться лишь после того, как исчерпаны все остальные способы примирить этот народ с метрополией и сохранить государство в прежних границах.

Концепция «возмещающего отделения» не была разработана под Косово, один из ее авторов, американский эксперт по международному праву Аллен Бьюкенен публиковал работы на эту и смежные темы в течение 90-х годов, а вышеизложенные принципы сформулировал в 1997 году [1]. Но случай Косова с определенными натяжками подошел под описание. Правда, соответствие

критериям оказалось несколько разнесенным во времени: лишение Косова статуса автономии и затем жестокое подавление сепаратизма были в конце восьмидесятых и в девяностых, а после смены власти в Белграде в 2003 году Сербия уже была готова снова дать краю автономию. Но на меньшее, чем независимость, не соглашались уже албанцы.

У России же через полгода после провозглашения независимости Косова случились Южная Осетия и Абхазия. Воспользовавшись попыткой прозападного правительства Грузии во главе с Михаилом Саакашвили восстановить военным путем контроль над Южной Осетией, Россия вторглась в Южную Осетию, а заодно и в Абхазию, и тут же признала независимыми государствами эти две бывшие грузинские автономии, которые и до того были клиентами Москвы.

Москва только что говорила об «аморальности поощрения сепаратистских тенденций», и здесь, чтобы не выглядеть непоследовательными, российские официальные лица заверили, что не изменили своего отношения к сепаратизму, просто сепаратисты в Грузии – это совсем другое дело, нежели косовский случай. «Нельзя говорить об изменении позиций России в отношении базисных принципов международного права. Исходим из того, что в Косово, которое некоторые западные страны признали в качестве субъекта международного права, не существовало таких юридических, исторических и иных факторов для самоопределения по сравнению с теми, которые были и есть у Южной Осетии и Абхазии», – объяснял в интервью польской «Газете Выборчей» Сергей Лавров в сентябре 2008-го [5]. Но международное сообщество ясно читало между строк российских заявлений: «Это вам за Косово!».

В том же сентябре 2008 года в интервью польскому телевидению Сергей Лавров всячески подчеркивал, что Южная Осетия и Абхазия – это особый случай, Россия была вынуждена сделать то, что сделала, и больше ничего подобного не предвидится. «Слышал, что некоторые деятели в Европе стали «кликушествовать», что вот теперь после Южной Осетии следующей будет Украина, потом Молдова, но это вызвано большим воображением», – заверил глава МИД России [13].

Через пять с половиной лет «большое воображение» оказалось здоровым предвидением: Россия аннексировала Крым. При этом концепция у российского руководства зримо изменилась: оно стало прямо ссылаться на косовский пример.

«Крымские власти опирались и на известный косовский прецедент, прецедент, который наши западные партнёры создали сами, что называется, своими собственными руками, в ситуации, абсолютно аналогичной крымской, признали отделение Косово от Сербии легитимным», – заявил президент Путин 18 марта 2014 года в торжественной речи по поводу принятия Крыма в состав России [10].

Далее Путин посвятил несколько минут доказательствам того, что отторжение Крыма от Украины полностью соответствует решению Международного суда ООН и прочим доводам, которые западные страны приводили в пользу независимости Косова, а затем перешел к обвинениям в адрес «западных партнеров», которые, по его мнению, руководствуются не международным правом, а правом сильного, и организуют «цветные революции» [10].

Если во время провозглашения независимости Косова Москва твердо стояла за приоритет территориальной целостности над правом на самоопределение, то после Крыма приоритетным в глазах российской дипломатии стало последнее.

«Вхождение Крыма в состав Российской Федерации, воссоединение Крыма с Россией произошло в полном соответствии с международным правом. Есть статья 1 Устава ООН, среди главных принципов которой перечисляется право народов на самоопределение. Чуть ниже там упоминается необходимость уважать территориальную целостность государств, но в контексте уважения права на самоопределение», – разъяснял Сергей Лавров в традиционной ежегодной речи перед студентами МГИМО 1 сентября 2016 года [3].

Россия обосновывала захват Крыма, кроме прочего, доводами о будто бы возникшей после Майдана угрозе безопасности русского населения полуострова, а также о том, что украинские власти отказывали народу Крыма в самоопределении. В 1992 и 1995 гг. Крым пытался провести референдумы сначала о независимости, а затем – об автономии, но оба раза референдумы отменяли сначала Верховная рада Украины, а затем и парламент самого Крыма; статус автономии, однако, полуострову был предоставлен.

Эти аргументы вполне ложатся в схему того самого «возмещающего права на отделение», если, конечно, воспринимать их всерьез. Но за пределами России и Крыма эти аргументы мало кого убедили. «Мне трудно найти возражения против того, что Косово было очевидно законным, а Крым очевидно незаконен», – писал в марте 2014 года американский специалист в области международного права Джек Голдсмит. «Международное право здесь отпадает, поскольку оба случая были иллегальны, и остается лишь битва вокруг легитимности, оценка которой в еще большей мере зависит от точки зрения смотрящего, чем оценка легальности» [2].

Иными словами, когда возникает конфликт, международное право бесполезно. Старые правила не работают, новые – не сформулированы. Прав тот, у кого сила. Сербия потерпела поражение в войне, поэтому у нее можно отнять Косово. У Грузии – Южную Осетию и Абхазию. У Украины – Крым. Системообразующий принцип суверенного равенства государств, лежащий в основе ООН, игнорируется, и мир переходит от системы признания международных норм к архаичному праву сильного. И сделать с этим в обозримом будущем, к сожалению, ничего нельзя.

1. Бьюкенен А. Сецессия. Право на отделение, права человека и территориальная целостность государства [Текст] / Аллен Бьюкенен; [пер. Екатерины Фурман]. М.: Изд-во «Рудомино», 2001. – 238 с.

2. Вендик Ю. 10 лет Косово. «Беспрецедентный прецедент» в зеркале политики России [Электронный ресурс]. / Сайт «BBC. Русская служба». – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/features-43061604?ocid=wsrussian..social.sponsored-post.facebook.SMP%28AEP%29-KosovoCrimea.nneed3.RU-18+.questionad.mktg> (дата обращения: 17.04.2018).

3. Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе встречи со студентами и профессорско-преподавательским составом МГИМО (У), Москва, 1 сентября 2016 года [Электронный ресурс] / Сайт «МИД РФ». – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2417731 (дата обращения: 01.03.2018).

4. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, г. Хельсинки, 1 августа 1975 г. [Электронный ресурс] / Сайт «Элек-

тронный фонд правовой и нормативно-технической информации». – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1901862> (дата обращения: 28.05.2018).

5. Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова, опубликованное в польской газете «Газета wyborcza» 11 сентября 2008 года [Электронный ресурс] / Сайт «МИД РФ». – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/325626 (дата обращения: 12.04.2018).

6. Кагарлицкий Б. Косовский узел [Электронный ресурс] / Сайт «Взгляд. Деловая газета». – Режим доступа: <https://vz.ru/columns/2008/2/25/147550.html> (дата обращения: 16.05.2018).

7. Лабаури Д. Косово в судьбе сербского народа [Электронный ресурс] / Сайт «Журнальный зал». – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/ural/2006/6/la10.html> (дата обращения: 23.05.2018).

8. Моисеев А. Косовский прецедент и система международного права [Электронный ресурс] / Сайт «Журнал Международная жизнь». – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1529> (дата обращения: 23.04.2018).

9. Наперегонки с ракетами. Глава МИД России Сергей Лавров объяснил, что считает аморальным [Электронный ресурс] / Сайт «Российская газета». – Режим доступа: <https://rg.ru/2008/03/18/lavrov.html> (дата обращения: 02.04.2018).

10. Обращение Президента Российской Федерации 18 марта 2014 года [Электронный ресурс] / Сайт «Президент России». – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20603> (дата обращения: 15.04.2018).

11. Путин: независимость Косово повлечет непредсказуемые последствия [Электронный ресурс] / Сайт «РИА Новости». – Режим доступа: <https://ria.ru/politics/20080222/99907461.html> (дата обращения: 09.04.2018).

12. Стенограмма выступления и ответов на вопросы Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на пресс-конференции, посвященной внешнеполитическим итогам 2007 года [Электронный ресурс] / Сайт «Генеральное Консульство РФ в Шанхае, КНР». – Режим доступа: <http://www.rusconshanghai.org.cn/archives/369> (дата обращения: 18.03.2018).

13. Стенограмма интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова телеканалу «Польское телевидение», 8 сентября 2008 года [Электронный ресурс] / Сайт «МИД РФ». – Режим доступа: http://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/325754 (дата обращения: 12.04.2018).

14. Стенограмма ответов Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на вопросы в ходе «правительственного часа» в Государственной Думе Российской Федерации, Москва, 21 марта 2007 года [Электронный ресурс] / Сайт «МИД РФ». – Режим доступа: http://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/378764 (дата обращения: 10.04.2018).

References

1. B'yukenen A. Secessiya. Pravo na otdelenie, prava cheloveka i territorial'naya celostnost' gosudarstva [Tekst] / Allen B'yukenen; [per. Ekateriny

Furman]. M.: Izd-vo «Rudomino», 2001. – 238 s.

2. Vendik Yu. 10 let Kosovo. «Besprecedentnyj precedent» v zerkale politiki Rossii [E'lektronnyj resurs]. / Sajt «VVS. Russkaya sluzhba». – Rezhim dostupa: <https://www.bbc.com/russian/features-43061604?ocid=wsrussian.social.sponsored-post.facebook.SMP%28AEP%29-KosovoCrimea.nneed3.RU-18+.questionad.mktg> (data obrashheniya: 17.04.2018).

3. Vystuplenie i otvety na voprosy Ministra inostrannyx del Rossii S.V. Lavrova v xode vstrechi so studentami i professorsko-prepodavatel'skim sostavom MGIMO (U), Moskva, 1 sentyabrya 2016 goda [E'lektronnyj resurs] / Sajt «MID RF». – Rezhim dostupa: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2417731 (data obrashheniya: 01.03.2018).

4. Zaklyuchitel'nyj akt Soveshhaniya po bezopasnosti i sotrudnichestvu v Evrope, g. Xel'sinki, 1 avgusta 1975 g. [E'lektronnyj resurs] / Sajt «E'lektronnyj fond pravovoj i normativno-texnicheskoj informacii». – Rezhim dostupa: <http://docs.cntd.ru/document/1901862> (data obrashheniya: 28.05.2018).

5. Interv'yu Ministra inostrannyx del Rossii S.V. Lavrova, opublikovannoe v pol'skoj gazete «Gazeta wyborcha» 11 sentyabrya 2008 goda [E'lektronnyj resurs] / Sajt «MID RF». – Rezhim dostupa: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/325626 (data obrashheniya: 12.04.2018).

6. Kagarlickij B. Kosovskij uzul [E'lektronnyj resurs] / Sajt «Vzglyad. Delovaya gazeta». – Rezhim dostupa: <https://vz.ru/columns/2008/2/25/147550.html> (data obrashheniya: 16.05.2018).

7. Labauri D. Kosovo v sud'be serbskogo naroda [E'lektronnyj resurs] / Sajt «Zhurnal'nyj zal». – Rezhim dostupa: <http://magazines.russ.ru/ural/2006/6/la10.html> (data obrashheniya: 23.05.2018).

8. Moiseev A. Kosovskij precedent i sistema mezhdunarodnogo prava [E'lektronnyj resurs] / Sajt «Zhurnal Mezhdunarodnaya zhizn'». – Rezhim dostupa: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1529> (data obrashheniya: 23.04.2018).

9. Naperegonki s raketami. Glava MID Rossii Sergej Lavrov ob'yasn timer, chto schitaet amoral'nym [E'lektronnyj resurs] / Sajt «Rossijskaya gazeta». – Rezhim dostupa: <https://rg.ru/2008/03/18/lavrov.html> (data obrashheniya: 02.04.2018).

10. Obrashhenie Prezidenta Rossijskoj Federacii 18 marta 2014 goda [E'lektronnyj resurs] / Sajt «Prezident Rossii». – Rezhim dostupa: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20603> (data obrashheniya: 15.04.2018).

11. Putin: nezavisimost' Kosovo povlechet nepredskazuemye posledstviya [E'lektronnyj resurs] / Sajt «RIA Novosti». – Rezhim dostupa: <https://ria.ru/politics/20080222/99907461.html> (data obrashheniya: 09.04.2018).

12. Stenogramma vystupleniya i otvetov na voprosy Ministra inostrannyx del Rossii S.V. Lavrova na press-konferencii, posvyashhennoj vneshnepoliticheskim itogam 2007 goda [E'lektronnyj resurs] / Sajt «General'noe Konsul'stvo RF v Shanxae, KNR». – Rezhim dostupa: <http://www.rusconshanghai.org.cn/archives/369> (data obrashheniya: 18.03.2018).

13. Stenogramma interv'yu Ministra inostrannyx del Rossii S.V. Lavrova telekanalu «Pol'skoe televidenie», 8 sentyabrya 2008 goda [E'lektronnyj resurs] / Sajt «MID RF». – Rezhim dostupa: http://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/325754 (data

obrashheniya: 12.04.2018).

14. Stenogramma otvetov Ministra inostrannyx del Rossii S.V. Lavrova na voprosy v xode «pravitel'stvennogo chasa» v Gosudarstvennoj Dume Rossijskoj Federacii, Moskva, 21 marta 2007 goda [E'lektronnyj resurs] / Sajt «MID RF». – Rezhim dostupa: http://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/378764 (data obrashheniya: 10.04.2018).

UDC 327+341.1/8

DOI 10.17506/dipi.2018.31.2.159168

THE “KOSOVO PRECEDENT” IN STATEMENTS OF RUSSIAN LEADERS

Moshkin Sergey Vyacheslavovich,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Political Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: osa-sv@yandex.ru

Annotation

The article shows the transformation of the views of the Russian leadership on the “Kosovo precedent” – the self-proclamation in 2008 of the independence of the former Serbian autonomy of Kosovo, inhabited mainly by ethnic Albanians, from the Republic of Serbia. Initially, in order to resolve the Kosovo conflict, official Moscow insisted on the priority of the principles of the inviolability of borders and the territorial integrity of the state (in this case, the Serbian), over the right to self-determination of the Serbian Albanians and called on the “collective West” to prevent gross violation of international law, then of the August 2008 conflict and the recognition of independence of South Ossetia, Abkhazia and especially Crimea in March 2014 it became clear that in the eyes of the Russian leadership the principle of self-determination of peoples may well dominate the principle of territorial integrity. The foreign policy concept has changed dramatically: the Russian leadership has become directly refer to the Kosovo example. Russia turned out to be the only country that actually used the “Kosovo precedent”, which it had previously criticized, to solve its ambitious foreign policy objectives.

Key concepts:

The Province of Kosovo, Crimea, the principle of state territorial integrity, the right of people to self-determination, secession.

УДК 343.24

DOI 10.17506/dipi.2018.31.2.169176

ПРИМЕНЕНИЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ СРЕДСТВ ИСПРАВЛЕНИЯ ПРЕСТУПНИКОВ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОЦЕССА ГУМАНИЗАЦИИ УГОЛОВНО- ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ*

Корсаков Константин Викторович,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
старший научный сотрудник,
Уральский государственный юридический университет,
доцент кафедры уголовного права,
кандидат юридических наук, доцент,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: korsakovekb@yandex.ru

Аннотация

Материал посвящен современным проблемам гуманизации, либерализации и обновления пенитенциарной практики за счет внедрения альтернативных изоляции от общества и другим репрессивным санкциям мер, способов и средств воспитательно-предупредительного воздействия на нарушителей уголовно-правовых запретов. Наиболее подробно в статье описан положительный опыт применения таких прогрессивных подходов, как модель восстановительного правосудия, система пробации, передача под надзор специальных органов, методы психокоррекции, которые могут быть использованы в России.

Ключевые понятия:

гуманизация пенитенциарной сферы, альтернативы наказанию в виде лишения свободы, борьба с преступностью, пенитенциарная система, уголовно-исполнительная практика, исправление и перевоспитание осужденных.

В современном научном пенологическом дискурсе все часто звучат идеи и сентенции о необходимости гуманизации и либерализации проводящихся

* Издание осуществлено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Повышение эффективности системы и видов уголовных наказаний и разработка новых альтернативных мер исправления и перевоспитания преступников в современной России» № 18-011-00244.

в настоящее время криминологической и уголовной политики, перевода последних с репрессивно-карательных рельс на путь последовательной и вдумчивой исправительно-профилактической деятельности с опорой на учет персональных, индивидуальных особенностей осужденных. Стремясь насытить ныне действующее уголовное и уголовно-исполнительное законодательство персоноцентристскими интенциями и ориентирами, современные пенологии и праведы небезосновательно призывают усилить область частной превенции, нацелится на личность правонарушителя и следовать широко известной юридической максиме «не всем одно и то же, а каждому свое, ибо для неравных равное стало бы неравным» [1]. Предпринимаются решительные попытки сузить спектр применения наказания в виде лишения свободы, так как именно этот вид уголовного наказания в наибольшей степени «уравнивает» осужденных преступников, превращая их в безликую, подавляющую индивидуальность и личностные качества, «заклейменную» посредством правового института судимости однородную массу – «тюремный спецконтингент» (обозначаемый в юридических документах Союза ССР с 1920-ых по 1950-е годы кратко – сочетанием букв «зэ» и «ка»), и существенно затрудняет и без того сложный и трудоемкий процесс индивидуальной исправительно-воспитательной работы с осужденными – коррекции их сознания и поведения.

Лишение свободы, первоначально применявшееся в виде заточения в келью, ссылки в монастырь, схизмы, пришедшее в эпоху Реформации на смену распространенной практике смертной казни и членовредительских жестоких наказаний [6], мыслилось и воспринималось как наиболее прогрессивное, справедливое и гуманное наказание, о чем в своих трактатах писали Чезаре Беккариа, Джон Говард, Иеремия Бентам, Уильям Блекстоун, Ансельм Фейербах, Франческо Каррара, Эдвард Ливингстон и другие реформаторы пенитенциарной сферы [2; 3]. Однако уже в XIX столетии оно начало оцениваться критически и объявляться неспособным достичь целей подлинного исправления, перевоспитания и ресоциализации правонарушителей, а равно считаться далекой от идеалов гуманизма формой обращения с делинквентами, особенно совершившими преступления небольшой и средней тяжести, в первый раз либо по неосторожности.

В настоящее время приверженцев нарастающего гуманно-прогрессивного течения в данном вопросе поддерживает большое число ярких представителей утилитарной (прагматической) пенологической концепции, которые указывают на большую затратность, невыгодность и неэкономичность лишения свободы как средства обращения с осужденными, и предлагают заменить его различными формами принудительного труда во благо общества. Их диапазон варьируется от общественных (обязательных) работ по уборке и благоустройству жилой инфраструктуры и условного осуждения с обязательным привлечением к труду до бесплатных работ на объектах с вредным воздействием на здоровье человека (наподобие работ, производимых советскими заключенными с 1937 по 1956 гг. без каких-либо защитных средств на урановых и оловянных рудниках в исправительно-трудовом лагере «Бутугычаг» в Магаданской области РСФСР).

Данные инициативы повсеместно приводят к улучшающим положение осужденных изменениям уголовно-правовых кодификаций – изменениям

в пользу альтернативных лишению свободы мер уголовной ответственности. Таковые наблюдаются не только в развитых, но и в развивающихся странах мира. Так, например, в Республике Колумбия законодательные новеллы позволили колумбийским судам выносить обвинительные приговоры, заключающие альтернативные изоляции от социума меры в виде выполнения общественно полезных работ или же участия в специальных образовательных программах, основная цель которых – снижение тюремного контингента и нагрузки на пенитенциарную систему [7].

Государства Западной Европы сегодня лидируют в отношении интенсивности и частоты использования альтернатив лишению свободы. В них широко и активно применяются композиции, пробация, отсрочка исполнения лишения свободы, краткосрочное лишение свободы (арест) сроком до двух месяцев, общественно полезные (обязательные) работы (оказание бесплатных услуг населению), передача преступника под надзор специальных органов либо трудовых или соседских коллективов, конфискация приобретенного незаконным путем, общественное порицание и помещение под домашний арест. Швеция, Норвегия, Дания, Швейцария, Голландия занимают лидерские позиции в рейтингах государств мира с самым низким уровнем преступности на душу населения [9], что подтверждает тезис криминологов-аболиционистов, добивающихся отмены смертной казни и долгосрочного лишения свободы, о том, что суровость и жестокость уголовного наказания не приводят к снижению объема и тяжести преступности.

В странах Западной Европы, Северной Америки, в Австралии, Новой Зеландии сегодня применяются различные модели и программы восстановительного правосудия – относительно нового, перспективного подхода, направленного на ликвидацию отрицательных последствий преступного деяния самими сторонами конфликта. Одним из наиболее известных разработчиков и пропагандистов данного подхода в наши дни является американский социолог и криминолог Хельмут Зер.

Традицию восстановительного правосудия в пенологии вполне можно охарактеризовать как нарастающее движение за гуманность и человечность в правосудии по уголовным делам, которое стремится не низвергнуть, подменить или же заслонить собою традиционную систему уголовной юстиции, а дополнить и усовершенствовать ее, помогая в решении сложных проблем ресоциализации правонарушителей, заглаживания нанесенного ими вреда и иных последствий преступного акта, помощи жертвам.

Наиболее распространенными моделями восстановительного правосудия в современном мире являются семейные конференции, впервые появившиеся в Новой Зеландии, в которой они закреплены на законодательном уровне и основываются на правовых обычаях маори – автохтонного населения этой страны. В отличие от Российской Федерации, где в ряде субъектах предпринимались попытки внедрения моделей восстановительного правосудия, в других государствах они уже давно прошли стадию апробации, экспериментальных, пилотных и общественных инициативных проектов, и официально закреплены в нормативных правовых актах, исходящих от высших легислатур.

Во многих государствах мира, в числе которых, в частности, находится Республика Казахстан, уголовное законодательство содержит категорию

уголовного проступка – уголовно-правового института, нацеленного на гуманизацию уголовно-правовой сферы и преодоление негативных эффектов и проблем, порождаемых судимостью (синдром «стигматизации», трудности в трудоустройстве и т. д.). Идея инкорпорации категории уголовного проступка в отечественное законодательство начала обсуждаться и обосновываться около двадцати лет назад (о ней одним из первых на страницах журнала «Советская юстиция» в 1988 году писал профессор А. В. Наумов). Но только в 2016 году в УК РФ появилась предрасполагающая к введению уголовного проступка Глава 15.2, статьи которой позволяют судам налагать судебные штрафы без привлечения виновного лица к уголовной ответственности, а Верховный Суд Российской Федерации выступил с инициативой закрепления уголовного проступка в тексте российской уголовной кодификации, данный институт по-прежнему не введен и не действует в России.

В странах Западной Европы отказ от уголовного преследования за незначительные правонарушения, формально попадающие под определение преступления, но не представляющие большой общественной опасности, произошел еще в начале 90-х годов прошлого века. Так в ФРГ Закон об облегчении процесса отправления правосудия 1992 года конкретизировал основания и значительно расширил область применения отказа от уголовного преследования, который стал рассматриваться как исключение из принципа законности в отношении незначительных уголовно наказуемых деликтов.

Мощным толчком в деле разработки новых, гуманных видов и форм воздействия на преступников, альтернативных изоляции от общества, стало принятие Стандартных минимальных правил ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийских правил) от 14 декабря 1990 года, статья 2.4 которых говорит о том, что «следует поощрять разработку новых мер, не связанных с тюремным заключением, и внимательно следить за этим процессом, а также систематически оценивать практику их применения».

Идеологической основой данной разработки являются руководящие идеи о необходимости и приоритете достижения в пенитенциарной деятельности трех «Р»: реабилитации, ресоциализации и реинтеграции правонарушителей [4]. В выборе средств, форм и методов достижения этих задач в условиях, не связанных с принудительным содержанием в местах заключения, органы юстиции зарубежных стран получают все больше свободы, а о расширении методологического спектра говорят не только их ученые-правоведы и пенологи, но общественные деятели и политики, давно отошедшие от популистских лозунгов середины XX столетия предпринять безжалостный «крестовый поход» на преступность и разом покончить с этой вековой человеческой проблемой [5].

В странах англо-саксонской правовой семьи на практике уже долгое время успешно и плодотворно применяется система пробации, принципиальное отличие которой от института условного осуждения либо отсрочки отбывания наказания, имеющихся в уголовном праве России, заключается в том, что орган правосудия не определяет виновному фиксированный срок заключения своим приговором, а откладывает приговор суда на срок действия пробации, формулируя определенные обязательства для осужден-

ного судебным приказом о пробации. Вынесение приговора влечет лишь несоблюдение последних признанным виновным. Как правило, пробация применяется за преступления небольшой и средней тяжести, совершенные лицами, которые не представляют большой опасности, а ее применение, как показывает статистика, не влечет рецидива преступлений [10]. Ее логика и составляющие направлены на повышение социального контроля за делинквентом, который в большинстве случаев помещается под контроль сотрудников служб пробации либо других специально уполномоченных на то субъектов, которые следят за поведением преступника. Общение и контакты с такими специализированными субъектами частной превенции составляют ядро механизма пробации.

Успешные результаты применения системы пробации привели к дополнительному финансированию, расширению штатов и укреплению инфраструктуры служб пробации (в особенности в экономически развитых США, Канаде, Великобритании, Австралии), увеличению количества судебных приказов о пробации до 25% от всех судебных решений по уголовным делам. Пробация стала определяться как альтернативный лишению свободы гуманный и прогрессивный вид наказания, форма индивидуального предупреждения преступного поведения и как один из путей социализации, общественной адаптации и реабилитации преступников, направление социальной помощи в преодолении криминогенных общественно-коммуникативных, эмоционально-психологических и внутриличностных проблем, возникающих в процессе социального общения и взаимодействия. К настоящему времени перечни условий и кондиций, предъявляемых к преступникам, помещенным в режим пробации, значительно пополнились, стали более вариативными и гибкими: они включают как меры наблюдения и поддерживающей коррекции, так и довольно жесткие императивы, ограничивающие свободу выбора, труда, передвижения, время досуга, а также возможности распоряжения личными денежными средствами.

В число средств и методов работы, используемых в рамках механизмов пробации, входят предписываемые органами юстиции для прохождения правонарушителями психологические тренинги и курсы психокоррекции. Этот позитивный зарубежный опыт был апробирован в рамках инициативного пилотного проекта «Контроль гнева» на территории Свердловской области, осуществляемого авторитетной некоммерческой организацией «Фонд борьбы с организованной преступностью» под руководством ее вице-президента С.М. Мочалина и под эгидой ГУ ФСИН по Свердловской области. Данный проект, направленный в основном на лиц, совершивших насильственные преступления в семье и в быту и находящихся под следствием, дал очень хорошие результаты и позволил внести предложение в порядке *de lege ferenda* – предусмотреть условия по прохождению таких тренингов обвиняемыми в качестве обязательных и подлежащих ответственному учету в досудебные процедуры деятельного раскаяния и примирения с потерпевшими (ст. 75 и 76 УК РФ) по делам о насильственных преступлениях против личности, относящихся к категориям небольшой и средней тяжести (ст. 112, 115, 116, 116.1 УК РФ). Итоги подобных экспериментальных проектов демонстрируют, что система

пробации, адаптированная к российским социально-экономическим условиям и сложившимся правовым традициям, может успешно применяться и в России.

Схожим с пробацией институтом (применяющимся, как правило, когда установленный в санкции статьи срок лишения свободы не превышает двух лет) является отсроченное лишение свободы. В Германии, Италии, Финляндии и других европейских государствах суды вправе определить для подсудимого конкретный срок уголовного наказания в виде лишения свободы, но отложить исполнение этого наказания на определенный испытательный срок. На выбор такого варианта судебного решения помимо тяжести и характера содеянного влияют как личностные характеристики виновного, так и наличие каких-либо смягчающих вину обстоятельств.

В отличие от пробации и известного российскому законодательству условного осуждения отсроченное лишение свободы не предполагает возложения обязательств, условий или ограничений на осужденного, как то: соблюдение требований и инструкций надзорной службы пробации или предписаний, касающихся его поведения и образа жизни: от него лишь требуется не совершать повторных нарушений закона. Повторное преступление любого характера и степени тяжести со стороны осужденного, совершенное им в течение испытательного срока, влечет автоматическую отмену отсрочки и исполнение наказания в виде лишения свободы на срок, который был определен первоначально.

Особого внимания заслуживает и такая симбиотическая форма как постановление условной определенной части судебного приговора к изоляции от общества, практикуемая, в частности, в Нидерландах и Люксембурге [7]. Законодательное закрепление частично условных уголовных наказаний в виде лишения свободы предоставило судебным органам возможность использовать отсроченное лишение свободы в случаях, когда преступник был заключен под стражу и находился в следственном изоляторе до суда довольно продолжительное время, а равно возможность приговорить правонарушителя к краткосрочной изоляции от социума – аресту – и установить на следующий за ним временной период отложенное лишение свободы с испытательным сроком. Такие лабильные и гибкие подходы, позволяющие повлиять на сознание и поведение преступников без длительного содержания в местах лишения свободы, следовало бы, на наш взгляд, использовать и в отечественной уголовно-исполнительной практике.

Во многих странах мира эффективно используется такая альтернативная лишению свободы практика, как домашний арест, который в Российской Федерации в настоящее время применяется только как избираемая судом мера пресечения. Этот вид наказания предполагает не только временное ограничение передвижений осужденного пространством его жилища, но и регулярные контакты последнего с работниками надзорных служб, которые обладают правом проверять состояние осужденного, включая его тестирование на употребление спиртного, психотропных веществ и наркотических средств.

К настоящему времени помещение осужденных под домашний арест получило в США, Канаде и Великобритании повсеместное распространение,

поскольку было признано криминологами этих стран достойным субститутутом лишению свободы и демократичным, гуманным методом исправления, который обеспечивает коррекцию поведения и взглядов без стресса пребывания в тюрьме и характерного для последнего синдрома «призонизации».

По нашему мнению, российские правоприменители, накопившие достаточный опыт исполнения меры пресечения в форме домашнего ареста, методически и организационно вполне готовы к обеспечению исполнения домашнего ареста в качестве альтернативы обычному аресту как вида уголовного наказания, а потому вопрос о его закреплении в ст. 44 УК РФ «Виды наказаний» может быть решен положительно в самой ближайшей перспективе.

1. Анденес И. Наказание и предупреждение преступлений. М., 1979. С. 28.
2. Будзинский С.М. Начала уголовного права. Варшава, 1870. С. 71.
3. Корсаков К.В., Жилко И.А. Пенитенциарный труд в следственных изоляторах. Екатеринбург, 2013. С. 80.
4. Корсаков К.В. Адекватность и соразмерность превенции – залог эффективности борьбы с современной организованной преступностью // Правоохранительные органы: теория и практика. 2015. № 1. С. 20.
5. Корсаков К.В. Принцип равновозмездности в феномене уголовного наказания // Государство и право. 2015. № 6. С. 94.
6. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 53.
7. Штрайт Й. Дело не только в наказании. М., 1978. С. 69.
8. Currie E. Crime and Punishment in America. New York, 2013. P. 54–55.
9. Hopt K., Steffek F. Mediation. Rechtstatsachen, rechtsvergleich, regelungen. Tübingen, 2008. P. 19.
10. Ten C. Crime, Guilt and Punishment. Oxford, 2003. P. 104.

References

1. Andenes I. Nakazanie i preduprezhdenie prestuplenij. M., 1979. S. 28.
2. Budzinskij S.M. Nachala ugolovnojo prava. Varshava, 1870. S. 71.
3. Korsakov K. V., Zhilko I. A. Penitenciarnyj trud v sledstvennyx izolyatorax. Ekaterinburg, 2013. S. 80.
4. Korsakov K. V. Adekvatnost' i sorazmernost' prevencii – zalog e'ffektivnosti bor'by s sovremennoj organizovannoj prestupnost'yu // Pravooxranitel'nye organy: teoriya i praktika. 2015. № 1. S. 20.
5. Korsakov K. V. Princip ravnovozmezdnosti v fenomene ugolovnojo nakazaniya // Gosudarstvo i pravo. 2015. № 6. S. 94.
6. Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my. M., 1999. S. 53.
7. Shtrajt J. Delo ne tol'ko v nakazanii. M., 1978. S. 69.
8. Currie E. Crime and Punishment in America. New York, 2013. P. 54–55.
9. Hopt K., Steffek F. Mediation. Rechtstatsachen, rechtsvergleich, regelungen. Tübingen, 2008. P. 19.
10. Ten C. Crime, Guilt and Punishment. Oxford, 2003. P. 104.

UDC 343.24

DOI 10.17506/dipi.2018.31.2.169176

APPLICATION OF ALTERNATIVES TO DEPRIVATION OF LIBERTY CORRECTION OF CRIMINALS AS PART OF THE PROCESS OF HUMANIZATION OF PENAL PRACTICE

Korsakov Konstantin Viktorovich,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Senior Researcher,
Ural State Law University,
Associate Professor of the Department of Criminal law,
PhD, Associate Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: korsakovekb@yandex.ru

Annotation

The material is devoted to the modern problems of humanization, liberalization and renewal of penitentiary practice through the introduction of alternative isolation from society and other repressive sanctions measures, methods and means of educational and preventive effects on violators of criminal law prohibitions. The article describes in the most detail the positive experience of such progressive approaches as the model of restorative justice, probation system, transfer under the supervision of special bodies, methods of psychocorrection, which can be used in Russia.

Key concepts:

humanization of the penitentiary sphere, alternatives to punishment in the form of deprivation of liberty, combating crime, the penitentiary system, penal practice, correction and re-education of convicts.

УДК 316.3

DOI 10.17506/dipi.2018.30.1.177185

МЕДИАБЕЛЬНОСТЬ КОНФЛИКТОВ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Юнгус Галина Андреевна,

Тихоокеанский государственный университет,
аспирант кафедры философии и культурологи,
Хабаровск, Россия,
E-mail: galina_vyazova_@mail.ru

Аннотация

Цель статьи – рассмотреть социально-философский аспект медиабельности социальных конфликтов и споров в обществе с учётом теоретических и практических исследований зарубежных и отечественных учёных. Реализация поставленной задачи была достигнута при помощи метода сравнительного анализа. Анализируется социальная сущность медиабельности, перечисляются признаки конфликта, детерминирующие медиабельность. Выделены критерии медиабельности споров и социальных конфликтов.

Ключевые понятия:

социальная философия, солидарность и конфликт, медиация, социальная медиация, медиабельность, право, самоорганизация, зарубежная практика, медиатор, нейтральная сторона, медиабельность спора, условия применения медиации.

Вопросы медиабельности споров и конфликтов с позиции философской методологии уже поднимались в периодической литературе. Так, необходимость выделения нового понятия «медиабельность социального спора» обосновывалась в статьях Д. С. Калапова, Н. И. Минкиной [8], В. В. Гурьева, А. А. Рождествиной, Е. А. Тюгашева [16], П. И. Кучуры [7].

Д. С. Кулапов в своем исследовании по итогам изучения отечественного и зарубежного опыта проведения медиативных процедур приходит к выводу о том, что, несмотря на кажущуюся простоту определения медиабельности спора, в каждом конкретном споре следует учитывать совокупность указанных выше факторов, и только в этом случае процедура применения и выработки итогового медиативного сообщения может быть эффективной [6].

В.В. Гурьев, А.А. Рождествина в своем исследовании, посвященном социально-трудовым противоречиям и медиабельности, выявляют условия, при которых социально-трудовые противоречия будут медиабельными [3].

Представляет определенный интерес рассмотреть категорию медиабельности конфликтов и споров с позиции социально-философского диспута.

В зарубежной литературе в последние годы вопросы медиабельности обсуждались в аспекте развития экспериментальных методов медиации. Также представляют методологический интерес статьи, посвященные рассмотрению стратегий медиации, в частности, медиации по семейным спорам, в которых социальная медиация рассматривается как форма управления конфликтом, основанная на окончательном согласии конфликтующих сторон [21].

Сам термин «медиатор» носит комплексный характер. В качестве медиаторов конфликтов и детерминант вероятности примирения, в частности в семейной сфере, рассматриваются такие феномены, как самооценка и самоэффективность [22]. В зарубежной литературе рассматривается асимметрия в балансе сил сторон конфликта в переговорном процессе, подчеркивается, что экзогенное посредничество позволяет более эффективно предотвращать конфликты только в определенных условиях [23].

Как область социальной науки, проблема конфликта в большей степени разрабатывалась в европейской и американской школах социологии, что позволило выделить такое ее направление, как конфликтология. В социологической теории конфликта представляет интерес позиция П. Сорокина, который в качестве детерминанты социальной напряженности в общественных конфликтах выделял состояние удовлетворенности (неудовлетворенности) базовых потребностей людей и социальных групп [20].

Классики социологии М. Вебер и Э. Дюркгейм выводили проблему конфликта из отношений между классами и статусными группами, а также из личностного состояния индивида, в котором предпосылкой к конфликту выступает двойственное сознание. Природу конфликта они также рассматривали сквозь призму противостояния ценностей одних социальных групп по отношению к другим. М. Вебер в своих работах также раскрыл значение понятий «социальная аномия» и «социальная солидарность», характеризующих разные интеграционные состояния общества [13]. Э. Дюркгейм ввел в социологию и социальную философию понятия механической и органической солидарности и аномии, в рамках которых рассматривалось девиантное поведение [5].

Суть понятия «социальный конфликт» можно определить следующим образом: это деструктивная форма обострения социальных противоречий, вызванных противоположностью интересов, целей, ценностей различных социальных групп, сопровождающаяся столкновениями между субъектами конфликта.

Переход от конфликта к солидарности, согласно Т. Парсонсу, основан на социальных детерминантах, в рамках которых само по себе общество есть интегрированная система, основанная на ценности консенсуса его членов и равновесии социальной системы. Социальный конфликт, по Т. Парсонсу, является индикатором дисфункции социальной системы, в то время как «современная позитивно-функциональная теория конфликта исходит из плюрализма ценностей <...> влияние ценностей на конфликт становится амбивалентным» [15,

с. 236]. Нарушение равновесия, дисбаланс в обществе являются негативными и вызывающими напряженность в обществе.

По своей природе конфликт несет заряд не только разрушения, но и саморазрушения, «абсолютное зло оборачивается против самого себя». Социальный конфликт имеет свою логику развития, он может ослабевать (затухать) или разгораться (усиливаться) под воздействием определенных обстоятельств. Его проявление на различных уровнях социального пространства характеризует масштабы локального, регионального, межнационального и мирового противостояния. Следует выделять его горизонтальный и вертикальный уровни. Оценивая динамику конфликта, можно назвать его типы: интенсивный или экстенсивный.

В социологической теории конфликта существует парадигма ненасилия (А. Ф. Филиппов, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев), которая исходит из тезиса о том, что «ненасилие» – этический, культурологический и социально-философский принцип, согласно которому границы морали совпадают с отрицанием насилия» в действиях индивида или общности при достижении своих целей, принуждающих оппонента к поведению в желаемой форме [12]. Метод борьбы ненасилием выражает готовность к взаимопониманию, диалогу и сотрудничеству.

Медиация как механизм перехода от конфликта к солидарности рассматривается в исследованиях С. А. Рюмшина, В. И. Юдина [19], Г. Ф. Похмелькиной [11], К. Е. Гафнера [2], О. Г. Петушкова, И. В. Гурьяновой [10], А. И. Стребкова, О. А. Стребкова [14; 15], О. В. Аллахвердовой [1], Ю. В. Даровских [4], Е. В. Пенионжек [9], Д. А. Чхартишвили [18]. Как отмечается в работе Г. Ф. Похмелькиной, «чем больше я провожу медиаций, тем больше мне нравится сравнение примирительной процедуры, проводимой медиатором, с «родовспомогательной деятельностью по рождению согласия» [11].

Анализируя природу конфликта и вероятность медиабельности конфликта, можно отметить, что примирение через медиацию как явление в обществе есть конструктивный механизм, так как в нем проявляется социальное взаимодействие индивидов, групп, общностей, разрешаются социальные проблемы, ликвидируется источник социальной напряженности.

Медиабельность конфликтов относительна, она зависит от степени выраженности противостояния сторон и фактически наступивших негативных последствий. Конфликты обладают медиабельностью либо на ранних этапах зарождения и развития, когда социальная самоорганизация позволяет через переговоры и диалог выйти из сферы противостояния, либо в случаях, когда конфликт в острой фазе лишь незначительно затронул исключительно частные интересы отдельных субъектов и еще возможно мирное соглашение.

Солидарность выступает детерминантой урегулирования конфликта мирным путем в целях, во-первых, решения споров путем сотрудничества и поиска взаимопонимания; во-вторых, солидаризации, слияния воли всех индивидов, вовлеченных в конфликт.

В социальной общности с организованными социальными связями самоорганизация предполагает решение конфликта путем мирного диалога и переговоров. Причем стадия урегулирования предполагает, что признание определенных ценностей было обоюдным, то есть рефлексивно: мирное согла-

шение выступает актом взаимного и полного признания. При этом состояние противостояния, как и состояние мира, не однозначны, эти состояния перманентны: «Человек оказывается «не установившимся» существом, для которого нет ничего фиксированного. Он вписан в природу, но природа устроена так, что в ней невозможно найти конечные цели и высшие блага, возбуждающие движение и останавливающие его. Его воля равна его желаниям, но сами желания носят ментальный характер и принуждают ориентироваться на других людей, принимать их в расчет. Он ничего так не боится, как смерти, но желает не просто жизни, а такой, определения которой носят, очевидным образом, социальный, а не просто биологический характер» [17, с. 40].

В рамках естественного права претензия на предмет спора есть односторонний акт воли каждой из сторон, это только претензия на вещь, на приоритетное обладание и пользование ею.

Пока все остаются только при претензиях на обладание предметом, субъекты спора имеют основания, выставив разумные аргументы справедливости, попытаться примириться. Самоорганизация в споре через примирительные процедуры подтверждает правовую культуру сторон, умение нейтрализовать конфликты и перейти от конфликта к солидарности. Образ мирового посредника в естественном праве и в обществе – фигура символическая, которая, не имея властных полномочий, создает лишь условия для диалога и восстановления отношения, но не может помирить приказом.

В обществе, где низкая правовая культура, площадка для диалога с примирителем в образе медиатора может не восприниматься всерьез, поскольку за принятое в ходе примирения в рамках медиации решение отвечают обе стороны конфликта. И выполнение условий зависит от их воли и доверия друг к другу; нарушение условий мира возобновит конфликт и спор. Примирение в споре есть добровольно принятое решение, волеизъявление.

Добровольное примирение подразумевает, что принятое мировое соглашение удовлетворяет все стороны конфликта и затрагивает понятие справедливости участников конфликта. Мировые соглашения, несмотря на эту ненадежность и оспоримость мирового соглашения, формируют чувство солидарности и доверия сторон спора, общность возникает здесь, на стадиях восстановительного диалога и примирения.

Проблема, следовательно, в том, чтобы учредить некий социальный институт урегулирования споров как конкретного частного права, и при том чтобы не уничтожить естественно-правовую основу справедливости.

Эгоистические склонности в человеке неистребимы. Задача социальных механизмов состоит в развитии альтруистичных настроений в обществе и формировании принципов солидарности. Философы естественного права, в частности Томас Гоббс, считали, что люди в глубине души злонамеренны на ближнего. В том-то и состоит задача социальных механизмов, в частности механизмов медиации, чтобы при любых возможных настроениях в обществе развивать положительные тенденции. Гарантии эффективности социальных механизмов вообще зависят от развития социальной среды, и, следовательно, не являются нравственной индивидуальной проблемой, а представляются как чисто социально-философский вопрос.

Правосознание и правовые компетенции, в том числе способность самостоятельно волевым решением пойти на примирение в конфликте и споре, стоят на службе морали совершенствования и духовного обращения граждан и в рамках всеобщего и равного права. В сущности, проблема примирения сторон в конфликте заключается в том, чтобы так организовать общение двух заведомых противников, чтобы от природы присущие им эгоистические склонности смягчились, но обоюдные интересы реализовались, например, путем взаимной нейтрализации завышенных требований. Примирение через медиацию в обществе означает способность субъектов общества к самоорганизации на примирение по незначительным социальным конфликтам, в случае примирения сторон отпадает необходимость соответственно в жалобах и обращениях в социально-правовые институты.

Проблема гарантий от конфликтов и противостояния в социальной философии представляется как проблема социальной самоорганизации, обустройства внешней свободы сообщества, при котором обеспечение права на уважение к социальным ценностям и общественным интересам лежит нравственной ценностью в правосознании личности. Привычка жить в мире как детерминанта правосознания сама по себе не порождает социально-правовых гарантий. Логика ненасилия в поведении человека предполагает сознательное миролюбие. Конфликтотенность и эгоистичность человеческой природы, что неоднократно отмечалось различными философскими направлениями, создает трудности на пути естественного миролюбия личности.

Решение конфликта через принуждение властного органа, посредством которого единственно можно выйти из этого естественного состояния, в отдельных видах конфликта закономерно. Право принудить к мирному существованию объективная необходимость в обществе. В случае, когда конфликт нельзя уладить мировым соглашением, естественное право предполагает со стороны правовых институтов публично-законное принуждение.

Самоорганизация в споре не имеет ничего общего с незаконной свободой и уходом из правовой среды. Наоборот, умение разрешить спор мирным диалогом – признак правовой культуры. Метафизическое условие выживания существующих субъектов, несомненно, относится именно к идеальному, волевому, а значит, нравственному уровню бытия. В данном понимании понятие солидарности представляется метафизически обоснованной ценностью.

Право есть совокупность условий всеобщей свободы и социального мира. Мирное урегулирование спора есть право действия, производное от закономерной свободы, без покушения на свободу лица в части, в которой она несколько не ущемляет своим проявлением (поступком) свободы других. Признание правомерных интересов другого субъекта объективно способствует восстановлению безопасности всеобщей свободы.

Восстановительный диалог предоставляет возможность возвращения компромисса и социальных взаимодействий в пространстве диалога сторон или хотя бы одно какое-либо существенное условие такового.

Социальный конфликт в острой фазе антропологически порочен. Социальные противоречия, приводящие к конфликтным ситуациям, базируются на определенном недовольстве социальных групп, проявляемом в различных

сферах жизни общества. Эти группы являются источником социальной напряженности, в их среде могут получить развитие конструктивные идеи, направленные на снятие конфликтной ситуации.

В заключение отметим, что способность личности к урегулированию спора представляется компетенцией правосознательной личности. Правовая компетенция урегулирования споров мирным путем без достижения острой фазы конфликта есть показатель правовой культуры. Медиабельность представляется как свойство, позволяющее социальному конфликту быть урегулированным посредством медиации в условиях самоорганизации участников конфликта. Самоорганизация участников конфликтной ситуации является детерминантой медиабельности. Именно в сплоченных социальных сообществах создаются наиболее подходящие условия для самоорганизации и примирения. Сплоченные социальные группы действительно являются самоорганизующимися, поскольку имеют высокий уровень солидарности, что создает условия для добровольного примирения.

Медиативный процесс не всегда является самопроизвольным. Солидарность внутри социальных групп, будучи обязательным, необходимым условием самоорганизации в конфликтных ситуациях, не всегда является достаточным основанием для обращения к процедуре медиации. В одних случаях обращение к медиации объясняется спонтанным процессом, при иных обстоятельствах обращение к медиации выступает как сознательно поставленная цель участников конфликта, и в таком случае процесс вряд ли может квалифицироваться как спонтанный.

Мировое соглашение – не только соглашение двух субъектов, но реализация права на свободу выбора в споре. Мировое соглашение есть совокупность условий и возможностей мирного сосуществования. Острые фазы конфликта в большинстве случаев вносят деструктивные начала во все виды общественных отношений, не разрешают конфликты, а обостряют противоречия, провоцируют новые конфликтные ситуации, приводят к потерям и ущербу. Урегулирование конфликтов мирным путем есть путь философии ненасилия и социальной самоорганизации, перехода от противостояния к солидарности.

1. Аллахвердова О.В. Культура разрешения конфликтов // Вестник Санкт-петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. – 2007. – № 3. – С. 127–140.

2. Гафнер К.Е. Проблема медиации в контексте социологии конфликта // Конфликтология. – 2016. – Т. 3. – С. 277–288.

3. Гурьев В.В., Рождествина А.А. Социально-трудовые противоречия: возникновение, разрешение, медиабельность // Правовая культура. – 2016. – № 3 (26). – С. 57–63.

4. Даровских Ю.В. Медиация в механизме управления социальными процессами // Академический вестник. – 2014. – № 4 (30). – С. 170–177.

5. Кавецкий С.Т. Э. Дюркгейм о социальной солидарности и аномии // Социологические исследования. – 2013. – № 5 – С. 129–133.

6. Кулапов Д.С. К вопросу об определении медиабельности правового спора // Правовая политика и правовая жизнь. – 2015. – № 3. – С. 127–132.

7. Кучура П.И. Анализ института медиации как альтернативного спосо-

ба разрешения споров // Апробация. – 2014. – № 5. – С. 149–150.

8. Минкина Н.И. К вопросу о применении медиации и медиабельности споров // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2014. – № 4 (36). – С. 120–123.

9. Пенионжек Е.В. Правовое воспитание граждан как результат реализации процессов медиации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 1 (75). – С. 159–162.

10. Петушкова О.Г., Гурьянова И.В. Восстановительная медиация как технология социальной работы // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. – 2017. – Т. 2. – С. 252–254.

11. Похмелкина Г.Ф. Медиация как социальная технология: что и как делает медиатор, чтобы помочь конфликтующим сторонам прийти к согласию // Российское право: образование, практика, наука. – 2009. – № 1 (54). – С. 31–35.

12. Пряхин Н.Г. Социальная философия ненасилия: к истории вопроса // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – № 1–3 (55). – С. 117–119. DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.045.

13. Сердюков Б.В. Семейно-родовая память в современной России: пути преодоления социальной аномии // Социальная политика и социология. – 2017. – Т. 16, № 5 (124). – С. 125–132.

14. Стребков А.И., Стребкова О.А. Медиативные перспективы корпоративной социальной ответственности в современной России // Конфликтология. – 2013. – Т. 3. – С. 190–207.

15. Сунами А.Н., Стребков А.И. Концепт «конфликт ценностей» в зарубежной и отечественной конфликтологии // Конфликтология. – 2016. – № 4. – С. 235–261.

16. Тюгашев Е.А. Социокультурная медиация и философия // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 12 (91). – С. 376–380.

17. Филиппов А.Ф. Понятие войны в философии Томаса Гоббса // Ежегодная богословская конференция православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – 2010. – Т. 1, № 20. – С. 35–40.

18. Чхартишвили Д.А. Генезис медиации и примирительных процедур // Гуманитарий Юга России. – 2016. – Т. 20, № 4. – С. 280–285.

19. Рюмшин С.А., Юдин В.И. Медиация – социальное взаимодействие в преодолении противоречий и конфликтов через компромисс // Этносоциум и межнациональная культура. – 2015. – № 10 (88). – С. 45–51.

20. The Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <http://philosophy.ru/>.

21. Isak Svensson. Conflict Mediation/ International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition) 2015, Pages 627–631. URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.96044-6>.

22. Jacqueline K. Deulinga, Lawrence Burns. Perfectionism and work-family conflict: Self-esteem and self-efficacy as mediator // Personality and Individual Differences. – Volume 116, 1 October 2017, Pages 326–330. URL: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.05.013>.

23. Luisa Herbsta, Kai A. Konrada, Florian Morathab. Balance of power and the propensity of conflict // Games and Economic Behavior. – Volume 103, May 2017, Pages 168–184.

References

1. Allaxverdova O.V. Kul'tura razresheniya konfliktov // Vestnik Sankt-peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Filosofiya, politologiya, sociologiya, psixologiya, pravo, mezhdunarodnye otnosheniya.– 2007.– № 3. – S. 127–140.
2. Gafner K.E. Problema mediacii v kontekste sociologii konflikta // Konfliktologiya.– 2016. – T. 3. – S. 277–288.
3. Gur'ev V.V., Rozhdestvina A.A. Social'no-trudovye protivorechiya: vznikovenie, razreshenie, mediabel'nost' // Pravovaya kul'tura. – 2016. – № 3 (26). – S. 57–63.
4. Darovskix Yu.V. Mediaciya v mexanizme upravleniya social'nymi processami // Akademicheskij vestnik. – 2014. – № 4 (30). – S. 170–177.
5. Kaveckij S.T. E'. Dyurkgejm o social'noj solidarnosti i anomii // Sociologicheskie issledovaniya. – 2013. – № 5 – S. 129–133.
6. Kulapov D.S. K voprosu ob opredelenii mediabel'nosti pravovogo spora // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. – 2015. – № 3. – S. 127–132.
7. Kuchura P.I. Analiz instituta mediacii kak al'ternativnogo sposoba razresheniya sporov // Aprobaciya. – 2014. – № 5. – S. 149–150.
8. Minkina N.I. K voprosu o primenenii mediacii i mediabel'nosti sporov // Vestnik Altajskoj akademii e'konomiki i prava. – 2014. – № 4 (36). – S. 120–123.
9. Penionzhek E.V. Pravovoe vospitanie grazhdan kak rezul'tat realizacii processov mediacii // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. – 2017. – № 1 (75). – S. 159–162.
10. Petushkova O.G., Gur'yanova I.V. Vosstanovitel'naya mediaciya kak texnologiya social'noj raboty // Aktual'nye problemy sovremennoj nauki, tekhniki i obrazovaniya. – 2017. – T. 2. – S. 252–254.
11. Poxmelkina G.F. Mediaciya kak social'naya texnologiya: chto i kak delaet mediator, chtoby pomoch' konfliktuyushhim storonam priiti k soglasiyu // Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka. – 2009. – № 1 (54). – S. 31–35.
12. Pryaxin N.G. Social'naya filosofiya nenasiliya: k istorii voprosa // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. – 2017. – № 1–3 (55). – S. 117–119. DOI: 10.23670/IRJ.2017.55.045.
13. Serdyukov B.V. Semejno-rodovaya pamyat' v sovremennoj Rossii: puti preodoleniya social'noj anomii // Social'naya politika i sociologiya. – 2017. – T. 16, № 5 (124). – S. 125–132.
14. Strebkov A.I., Strebkova O.A. Mediativnye perspektivy korporativnoj social'noj otvetstvennosti v sovremennoj Rossii // Konfliktologiya. – 2013. – T. 3. – S. 190–207.
15. Sunami A.N., Strebkov A.I. Koncept «konflikt cennostej» v zarubezhnoj i otechestvennoj konfliktologii // Konfliktologiya. – 2016. – № 4. – S. 235–261.
16. Tyugashev E.A. Sociokul'turnaya mediaciya i filosofiya // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. – 2015. – № 12 (91). – S. 376–380.
17. Filippov A.F. Ponyatie vojny v filosofii Tomasa Gobbsa // Ezhegodnaya bogoslovskaya konferenciya pravoslavnogo Svyato-Tixonovskogo gumanitarnogo universiteta. – 2010. – T. 1, № 20. – S. 35–40.

18. Chxartishvili D.A. Genezis mediacii i primiritel'nyx procedur // Gumanitarij Yuga Rossii. – 2016. – T. 20, № 4. – S. 280–285.

19. Ryumshin S.A., Yudin V.I. Mediaciya – social'noe vzaimodejstvie v preodolenii protivorechij i konfliktov cherez kompromiss // E'tnosocium i mezhnacional'naya kul'tura. – 2015. – № 10 (88). – S. 45–51.

20. The Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <http://philosophy.ru/>.

21. Isak Svensson. Conflict Mediation/ International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition) 2015, Pages 627–631. URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.96044-6>.

22. Jacqueline K. Deulinga, Lawrence Burnsb. Perfectionism and work-family conflict: Self-esteem and self-efficacy as mediator // Personality and Individual Differences. – Volume 116, 1 October 2017, Pages 326–330. URL: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.05.013>.

23. Luisa Herbst, Kai A. Konrada, Florian Morathab. Balance of power and the propensity of conflict // Games and Economic Behavior. – Volume 103, May 2017, Pages 168–184.

UDC 316.3

DOI 10.17506/dipi.2018.31.2.177185

THE MEDIATION ABILITY OF CONFLICTS: THE SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Yungus Galina Andreevna,

Pacific State University,
Postgraduate student at the Department of Philosophy and Culture,
Khabarovsk, Russia,
E-mail: galina_vyazova@mail.ru

Annotation

The purpose of the article is to consider the socio – philosophical aspect of the mediability of social conflicts and disputes in society, taking into account the theoretical and practical research of foreign and domestic scientists. Realization of the task was achieved by means of comparative analysis method. The social essence of mediation ability of conflict is analyzed, lists the signs of conflict that determine mediation ability. The criteria of the mediation ability of disputes and social conflicts are highlighted.

Key concepts:

social philosophy, solidarity and conflict, mediation, social mediation, mediability, law, self-organization, foreign practice, mediator, neutral party, mediability of the dispute, conditions of mediation application.

УДК 821.054.7+327

DOI 10.17506/dipi.2018.31.2.186191

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ЗА РУБЕЖОМ КАК РЕСУРС «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Якубовский Андрей Эдуардович,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
младший научный сотрудник,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: ayac@yandex.ru

Аннотация

Поднимается проблема вхождения в современную русскую литературу произведений, создаваемых авторами-эмигрантами «четвертой волны». Отмечено, что значительный объем русскоязычной диаспоры за рубежом и наличие талантливых писателей потенциально могут привести к созданию локальных русскоязычных литератур за пределами России. Обсуждается проблема факторов, позволяющих выделить такие локальные литературы как сформированные художественные явления. Выдвигается гипотеза, что в ближайшем будущем их взаимодействие с литературой метрополии будет строиться по классической региональной модели. В заключение делается попытка выявить принципы работы с зарубежной русскоязычной литературой как ресурсом «мягкой силы».

Ключевые понятия:

культурная самоидентификация, русская литература, литература русской эмиграции, русскоязычная диаспора, региональная литература, языковая среда, «мягкая сила»

Концепция «мягкой силы» трудна не столько сложностью корректного определения границ подхода, сколько непривычностью дискурса для нашего идеологизированного сознания. Как только мы начинаем говорить о конкуренции привлекательности и влияния в привычных терминах «противостояния» и «сдерживания», мы тут же скатываемся обратно к классическому дискурсу идеологем XX века. Этот дискурс прост и понятен; более того, он чрезвычайно инструментален. В категориях «противостояния» очень легко произвести декомпозицию целей, определить приоритеты, подсчитать необходимые ресурсы и в особенности размер финансирования, достаточный для достижения результа-

та. Любая государственная машина со сколько-нибудь выраженной вертикалью власти (а это, безусловно, оптимальная форма современной государственности) очень хорошо понимает язык такого проектного подхода и готова участвовать в реализации его целей. Там же, где речь идет о действительно адекватном выражении мягкой силы, то есть о создании качественных преимуществ, трудно укладывающихся в контрольные цифры статистики, чиновник либо просто не видит поля для своего участия, либо воспринимает эту работу опять-таки как некую идеологически обусловленную прихоть начальства, только осложняющую выполнение им своих прямых обязанностей. Когда мы ведем речь о «мягкой силе», мы говорим не об измеряемых достижениях, но о качественном превосходстве, которое чрезвычайно трудно поддается количественной оценке в явной, рационально выстроенной системе показателей – и которое трудно имитировать излюбленными этатистскими средствами (прежде всего массовостью и объемом финансирования).

Роль русского языка и национальной литературы в культурной самоидентификации трудно переоценить – язык является не только средством общения, но и носителем поля культурных смыслов нации, а литература создает и сохраняет модели национального поведения и национальной мечты. Невозможно обсуждать образ желаемого будущего общественного устройства России с человеком, ни разу не слышавшим словосочетаний «покой и воля», «нигилисты», «прозедавшиеся», «пламенный революционер», «оттепель», «шестидесятники». Эти выражения, имеющие литературное происхождение, стали устойчивыми мемами (смысловыми единицами) общественной ментальности, позволяющими осмыслить современные явления социума в традиции русского образа мысли. Именно общность такого набора смысловых единиц позволяет вести дискурс, адекватно понимаемый культурным большинством страны.

Отрадно, что незыблемость достижений прошлого уже начинает осознаваться как характерная аберрация этатистского сознания. Однако даже в справедливом высказывании С. В. Лаврова о риске «полагаться на... статичные факторы вроде сохранения исторических корней, сохранения русского языка или русских диаспор» [4] следует сделать уточнение: здесь под «факторами», очевидно, понимается ресурс¹ мягкой силы. Геология, как специальная наука о ресурсах, накопившая огромный опыт их исследования, делит ресурсы на предполагаемые, оценочные, установленные и доказанные. Безусловно, русская литература и искусство в целом «статичны» в смысле того, что они являются долгосрочными ресурсами (например, можно обоснованно прогнозировать новые экранизации «Войны и мира» каждые 15–20 лет), однако «объем» этого ресурса как возможной опоры мягкой силы в конкретный момент существенно зависит от давления политической конъюнктуры, колебаний художественной моды и т. д.

¹ Фактор – то, что обеспечивает неиссякаемое обусловливание процесса, в то время как ресурс – накопление, имеющее тенденцию к уменьшению, хотя бы в краткосрочной перспективе. Например, кислород воздуха, поддерживающий горение костра – фактор, а кислород в баллоне, обеспечивающий дыхание экипажа – ресурс, восполняемый при определенных условиях. К сожалению, мягкая сила имеет дело именно с ресурсами: к примеру, русскоязычная диаспора в конкретной стране может сохраняться (самовоспроизводиться), а может иметь тенденцию к ассимиляции.

Проблема единства русской литературы – больше, чем чисто внутрилитературная проблема. Так называемая «четвертая волна эмиграции» вынесла за пределы России не менее 2 млн. человек (оценки расходятся на порядок в связи с разницей в методе учета; в официальную статистику, в частности, не попадают сохранившие гражданство РФ, но постоянно проживающие за рубежом, см. [1]), в совокупности с продолжающейся пятой волной сегодня за пределами страны находятся, по предельным оценкам, до 20 млн. человек, считающих русский язык родным и продолжающих его активное использование. Сегодня только в Нью-Йорке живет порядка 800 тысяч русскоязычных американцев, а в Калифорнии – еще порядка полумиллиона. При этом, по крайней мере в Силиконовой долине, местных русских отличает высокий уровень образования, соответственно высокий уровень чтения. Следовательно, только в этих регионах мы имеем как минимум аналог двух областных центров Европейской России, а по уровню чтения, пожалуй, и того больше. Есть издательства, выходят журналы. Фактически за последние тридцать лет сформировался сильный русский анклав, способный производить и потреблять литературный продукт. Возможно ли появление американской русскоязычной литературы или же правильнее считать этот процесс американской ветвью единой русской литературы?

Модель выделения из английской литературы ряда национальных англоязычных литератур (американская, канадская, австралийская и др.), которая прежде всего приходит в голову исследователю, неоднозначна. Мы можем лишь задним числом уверенно сказать, что Джойс – английский литератор, хотя и ирландец, а вот Марк Твен – уже представитель американской литературы. «Лолита» Набокова в момент своей публикации на английском языке была, разумеется, явлением американской литературы, однако сейчас ни автора, ни весь корпус его произведений из русской литературы уже не вычеркнешь. Да, сегодня значительное число писателей продолжают считать себя русскими, десятилетиями проживая за границей, но печатаясь по-прежнему в России. С другой стороны, в стихах многих авторов, живущих в США, отчетливо видно влияние американской поэтики (включая позднего Бродского). Но разве от влияния языковой среды, образности, определенных ментальных и поэтических особенностей может быть свободен русскоязычный автор, живущий, например, в Татарстане или Грузии?

Филологи вполне обоснованно замечают, что «язык – это диалект, у которого есть парламент и армия» [3]. У русскоязычной Калифорнии этих факторов не предвидится, поэтому можно обоснованно предположить, что в ближайшее время глобализация русской литературы пойдет по региональному принципу, давно действующему в метрополии. Каждый регион имеет своих писателей, классиков «местного уровня», без знания которых затруднено понимание современного литературного процесса на данной территории. К примеру, на Урале такими «местными классиками» являются Мамин-Сибиряк и Бажов. Нельзя сказать, что они совершенно неизвестны за пределами региона – однако их положение в русской литературе в целом достаточно скромно. Интересно, что когда мы пытаемся найти «ядро» русской литературы, то есть из регионального многообразия выбрать тот круг произведений, которые максимально точно репрезентируют определенное историческое состояние литературы, у исследователей возникает понятие «канон». Я могу указать на предисловие к книге «Русский канон. Книги XX века» И. Н. Сухих [5], где он говорит об историчности

канона, роли критики и школьной программы, о мощной культурной инерции национального канона.

Здесь можно проследить прямую параллель с канонизацией святых русской православной церковью: есть местночтимые святые, а есть святые общецерковного почитания. Например, на Урале к местночтимым относится преподобный Василиск Туринский, а в Сурожской епархии (то есть в Англии) – король Эдуард Исповедник. Возможно, этот механизм воспроизводит какую-то более общую ментальную модель канона; данный архетип нуждается в серьезном культурологическом анализе. Сейчас православная церковь запустила процесс признания ряда местночтимых святых общеправославными – это, к примеру, почитаемый в Китае святитель Иоанн Шанхайский, святая праведная София Слуцкая, почитаемая в Белоруссии и др. Возможно, примерно так же будет обстоять дело и с русскими писателями зарубежья. По крайней мере, существует ряд авторов, сложившихся уже в эмиграции, но входящих в современную русскую литературу: Лея Любомирская пришла к нам из Португалии, Петр Бормор – из Израиля и т. д.

Пока что русскоязычная литература «ближнего зарубежья» продолжает оставаться региональной, ничем в этом измерении не отличаясь от литературы, скажем, Западной Сибири или Карелии. Региональная модель, сложившаяся за два последних века в русской литературе, успешно работает. Сможем ли мы так же интегрировать русскую литературу Австралии или Канады? Хватит ли нам доброй воли, любопытства, политического такта и тонких ниточек личных связей авторов и издателей не бросить эти авторские и читательские сообщества на произвол судьбы, а возможно, и не дать им угаснуть в иноязычном окружении?

Пока что в этом же ключе воспринимается русскоязычный литературный процесс и в эмигрантской среде: так, жюри всемирного поэтического конкурса «Эмигрантская лира» объединило в одной номинации «Неоставленная страна» литераторов из России, Украины и Белоруссии, руководствуясь простым принципом: эти авторы продолжают жить в нативном языковом окружении [2]. Однако сможем ли мы уже в самом ближайшем будущем сказать то же самое о русскоязычных писателях, живущих в Молдавии, Азербайджане, республиках Средней Азии? Круг русскоязычного чтения в этих странах, увы, неуклонно сжимается.

Поэтому вопрос о судьбе русской литературы за рубежом – это не только вопрос о модели, по которой будет развиваться собственно литература. Прежде всего, это вопрос о культурной самоидентификации потомков миллионов эмигрантов четвертой-пятой волн через 30–40 лет. Останется ли для них русский язык родным? Будут ли они воспринимать Россию как историческую, но все-таки родину? Или же растворятся без остатка в глобальном мире без границ и национальностей? Это зависит, прежде всего, от того, сможет ли русская литература служить опорой для развития своего зарубежного сегмента, будет ли она по-прежнему полем притяжения для каждого русскоговорящего в мире, а значит – доносить до людей наши ценности, наш взгляд на мир и историю, обеспечивая наше представительство в глобальном диалоге народов. Вопрос, напрямую относящийся к проблеме «мягкой силы».

Какова может быть позитивная программа, не позволяющая нам хотя бы в среднесрочной перспективе утратить такой важный ресурс мягкой силы, как зарубежная русскоязычная литература? Во-первых, необходимо обратить на нее серьезное внимание и не сбрасывать со счетов при планировании науч-

ных исследований, литературных конкурсов, фестивалей и т. д. Я не призываю к изданию особого журнала «Русская словесность за рубежом», но думать, что настоящие русские писатели живут только в России, так же глупо, как думать, что настоящие писатели живут только в Москве, а все остальные провинциальные графоманы. Отдельно следует остановиться на переводах современных зарубежных авторов. Зарубежные русскоязычные писатели, находясь внутри лингвокультурной среды проживания, сплошь и рядом лучше любых исследователей представляют себе движение зарубежных литератур и актуальные тенденции их развития. Во-вторых, необходимо предпринять усилия по воспроизводству русского читателя. В социальных сетях регулярно встречаются жалобы зарубежных соотечественников, что дети, живущие в иноязычном окружении, не понимают сказки Пушкина – действительно, даже внутри России редкая семья может дать ребенку знание родного языка выше уровня повседневного бытового общения. Необходимы хрестоматии и методики для семейного преподавания русского языка в иноязычном окружении. В-третьих, необходимо дистанцировать литературную (и культурную вообще) составляющую процесса поддержки соотечественников от политической и идеологической, поскольку задачи последних по определению краткосрочны, а культура работает на долгосрочную перспективу.

1. Денисенко М. Эмиграция из России в страны дальнего зарубежья. Демоскоп Weekly, № 509–510, 1–20 мая 2012. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0513/demoscope513.pdf>.

2. Мельник А. Заметки организатора о фестивале «Эмигрантская лира-2017» // Эмигрантская лира. Литературно-публицистический журнал, 2017. № 3. URL: <https://sites.google.com/site/emliramagazine/avtory/melnik-alexandr/2017-3-1>.

3. «Проблема «язык или диалект». URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B5%D0%BC%D0%B0_%C2%AB%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA_%D0%B8%D0%BB%D0%B8_%D0%B4%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%C2%BB.

4. Цит. по: Русакова О. Ф., Русаков В. М. «Мягкая сила как инструмент политической коммуникации и гуманитарной дипломатии // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2017. № 1 (26), с. 67.

5. Сухих И. Н. Русский канон. Книги XX века. – Москва, 2013. – С. 6–13; То же [Электронный ресурс]. – URL: <https://profilib.net/chtenie/131289/igor-sukhikh-russkiy-kanon-knigi-xx-veka.php#t1>.

References

1. Denisenko M. E'migraciya iz Rossii v strany dal'nego zarubezh'ya. Demoskop Weekly, № 509–510, 1–20 maya 2012. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0513/demoscope513.pdf>.

2. Mel'nik A. Zametki organizatora o festivale «E'migrantskaya lira-2017» // E'migrantskaya lira. Literaturno-publicisticheskij zhurnal, 2017. № 3. URL: <https://sites.google.com/site/emliramagazine/avtory/melnik-alexandr/2017-3-1>.

3. «Problema «yazyk ili dialekt». URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B5%D0%BC%D0%B0_%C2%AB%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA_%D0%B8%D0%BB%D0%B8_%D0%B4%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%C2%BB.

4. Cit. po: Rusakova O.F., Rusakov V.M. «Myagkaya sila kak instrument politicheskoy kommunikacii i gumanitarnoj diplomatii // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2017. № 1 (26), s. 67.

5. Suxix I.N. Russkij kanon. Knigi XX veka. – Moskva, 2013. – S. 6–13; To zhe [E'lektronnyj resurs]. – URL: <https://profilib.net/chtenie/131289/igor-sukhikh-russkiy-kanon-knigi-xx-veka.php#t1>.

UDC 821.054.7+327

DOI 10.17506/dipi.2018.31.2.186191

RUSSIAN LITERATURE ABROAD AS A RESOURCE OF “SOFT POWER”

Yakubovsky Andrey Eduardovich,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Junior Researcher,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: ayac@yandex.ru

Annotation

The paper brings up the challenge that the literary works authored by the “fourth-wave” emigrants face when entering the contemporary Russian literature. It is noted that the meaningful character of the Russian-speaking diaspora and the talented writers it comprises may be leading to local Russian-language literatures emerging outside Russia. A hypothesis is put forward that in the nearest future their interaction with the metropolitan Russian literature will develop following a classical regional model. An issue of establishing factors to identify such local literatures is discussed to distinguish them as advanced artistic phenomena. In conclusion, an effort is made to formulate the working principles to be applied for using the non-metropolitan Russian literature as a soft power resource.

Key concepts:

cultural identity, Russian literature, literature of Russian emigration, Russian Diaspora, regional literature, language environment, soft power.

УДК 321+327

DOI 10.17506/dipi.2018.31.2.192195

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ: ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ

Русакова Ольга Фредовна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
заведующая отделом философии,
доктор политических наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Русаков Василий Матвеевич,

Уральский федеральный университет,
кафедра политических наук,
доктор философских наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: dipi@nm.ru

Аннотация

В рецензии анализируются монографии научной школы профессора А. А. Вартумяна, посвященные методологическим подходам к исследованию современных политических процессов. Делается вывод о том, что монографии производят весьма полезную инвентаризацию исследовательского инструментария различных подходов, весьма полезную в условиях дефицита методологической культуры.

Ключевые понятия:

методологические подходы, политические процессы, модернизация, традиция, новация, цивилизационная и национальная специфика.

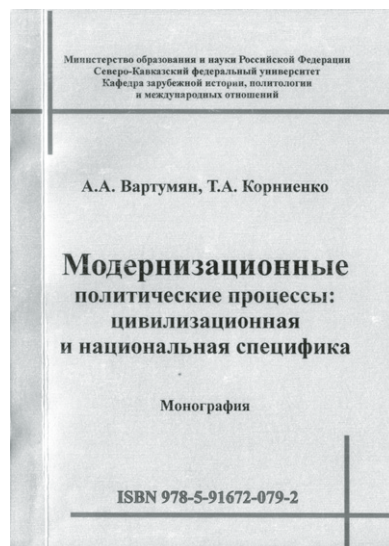
Интересный вариант разработки темы получил проект научной школы «Региональный политический процесс: взаимодействие федеральных, регио-

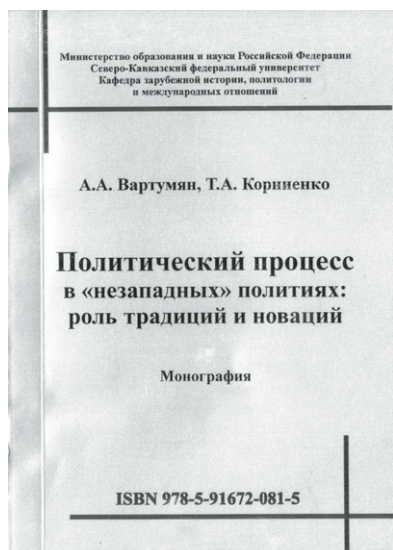
нальных и муниципальных органов власти в социально-политической модернизации региона» (научный руководитель – д.полит.н., профессор А.А. Вартумян, Северо-Кавказский федеральный университет), когда «региональный политический процесс» был поставлен в широкий контекст опыта отечественной и зарубежной традиции модернизаций XX в., что придало этой теме своего рода «стереоскопичность» и глубину. Рецензируемые монографии [1] очевидным образом свидетельствуют о добротной методологической основе указанного проекта.

Первая монография (Вартумян А.А., Корниенко Т.М. Модернизационные политические процессы: цивилизационная и национальная специфика. М., 2016) посвящена исследованию теоретико-методологических подходов к изучению политических модернизационных процессов. Рассмотрены сущность и типы модернизации: опыт отечественной и зарубежной традиции. Проанализированы модернизационные и «традиционные» политические процессы, показаны цивилизационные и национальные факторы политических модернизационных процессов. Кроме того, одной из задач авторы ставят «выявить цивилизационную и страновую специфику модернизационных процессов в незападных полициях» [2].

Здесь, в качестве вопроса напрашивалась необходимость отметить, что, говоря о существующем спектре методологий исследования «цивилизационной» и даже «страновой» специфики политических процессов, стоило бы обратить большее внимание на особенности цивилизационной самоидентификации стран той же Латинской Америки [3], без чего, как представляется, различные классификации политических процессов могут выглядеть натяжкой. Авторы справедливо отмечают явные издержки европоцентризма и «западничества» в работах англо-американских исследователей, часто игнорирующих эту специфику, так ярко проявляющуюся в кажущихся непредсказуемыми поворотах политической жизни современных стран Азии, Латинской Америки и Африки («Новый левый поворот» в Латинской Америке, феномен «субкоманданте Маркоса» в Центральной Америке, взрыв этно-конфессионального трайбализма и дискредитация классических институтов буржуазной демократии в Африке).

Как бы отвечая на отчетливо прорастающие из текста предыдущей монографии вопросы, новая работа (Вартумян А.А., Корниенко Т.А. Политический процесс в «незападных» полициях: роль традиций и новаций. М., 2017) прямо ставит эту проблему в центр своего внимания: «Монография посвящена исследованию политического процесса в «незападных» полициях. Рассмотрена политическая модернизация в государствах Азии сквозь призму традиций и новаций. Проанализирована национальная модель модернизации Латинской

Америки, выявлены общие и специфические особенности трансформаций».

Потребность во введении в научный оборот концепта «незападный», как справедливо указано в монографии, обусловлена уже хотя бы тем, что термины «Запад» и «Восток» обозначают весьма специфически сконструированные концепты (заметим – не категории [4]), а потому «концепции модернизации, сосредотачивающие внимание на европоцентричном универсализме, должны быть заменены многомерным подходом к анализу восточных стран, свободному от предвзятого историзма и редукционализма» [5]. Авторы делают вывод о том, что, несмотря на крайне негативные последствия глобализации для многих развивающихся стран, «произошедшие в Латинской Америке изменения, достигнутые позитивные результаты в про-

цессе социального, политического и экономического освобождения, не только продемонстрировали жизнеспособность и результативность национального проекта модернизации, но и его перспективность» [5, с. 140]. Выработанную линию исследования авторы логично «пробрасывают» и на проблематику политических процессов в России (Глава 2. «Политические традиции и инновации в социально-политическом развитии России»), рассматривают проблемы модернизации политической системы России, взаимодействие импульсов политической модернизации и политической традиции в социально-политическом развитии страны.

Достоинство рассматриваемых монографий заключается в довольно последовательно проведенной систематичности охвата и обзора точек зрения, заявленных в литературе подходов. Отечественная историография всегда отличалась стремлением к составлению полноты картины, без чего даже самые скрупулезные изучения частных («case») зачастую выступают неким «кунштюком». Может быть, в перспективе имели бы смысл объединение материала монографий и подготовка некоего учебника по методологии исследования современных политических процессов, что было бы весьма и весьма полезным в наш период острого дефицита методологической культуры.

1. Вартумян А.А., Корниенко Т.А. Модернизационные политические процессы: цивилизационная и национальная специфика: монография / А.А. Вартумян, Т.А. Корниенко. – М.: ООО «ЦИУМиНЛ», 2016. – 170 с.

2. Вартумян А.А., Корниенко Т.А. Политический процесс в «незападных» полициях: роль традиций и новаций: монография / А.А. Вартумян, Т.А. Корниенко. – М.: ООО «ЦИУМиНЛ», 2017. – 218 с.

3. Русакова О.Ф., Русаков В.М. Проблема латиноамериканской идентичности // Свободная мысль, 2007, № 4. С. 212–216.

References

1. Vartumyan A.A., Kornienko T.A. Modernizacionnye politicheskie processy: civilizacionnaya i nacional'naya specifika: monografiya / A.A. Vartumyan, T.A. Kornienko. – M.: OOO «CIUMiNL», 2016. – 170 s.
 2. Vartumyan A.A., Kornienko T.A. Politicheskij process v «nezapadnyx» politiyax: rol' tradicij i novacij: monografiya / A.A. Vartumyan, T.A. Kornienko. – M.: OOO «CIUMiNL», 2017. – 218 s.
 3. Rusakova O.F., Rusakov V.M. Problema latinoamerikanskoj identichnosti // Svobodnaya mysl', 2007, № 4. S. 212–216.
-

UDC 321+327

DOI 10.17506/dipi.2018.30.1.192195

MODERN POLITICAL PROCESSES: INVENTORY OF METHODOLOGICAL TOOLS

Rusakova Olga Fredovna,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Head of the Department of Philosophy,
Doctor of Political Sciences, Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Rusakov Vasily Matveevich,

Ural Federal University,
Department of Political Sciences,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: dipi@nm.ru

Annotation

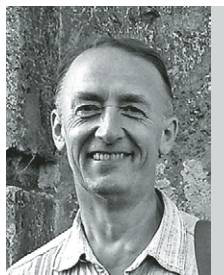
The review analyzes the monographs of the scientific school of Professor A.A. Vartumyan on methodological approaches to the study of modern political processes. It is concluded that the monographs produce a very useful inventory of research tools of various campaigns, very useful in the conditions of a shortage of methodological culture.

Key concepts:

methodological approaches, political processes, modernization, tradition, innovation, civilizational and national specificity.

УДК 16+17+18+51.7
DOI 10.17506/dipi.2018.31.2.196205

МОДЕЛИ ДЛЯ ФОРМАЛЬНОЙ АКСИОМАТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ЗНАНИЯ Ξ

Лобовиков Владимир Олегович,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Доктор философских наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: vlobovikov@mail.ru

Аннотация

Определяется формальная аксиоматическая теория Ξ , представляющая собой философскую эпистемологию, и исследуется проблема ее логической непротиворечивости. Впервые выносятся на обсуждение такие качественно различные интерпретации аксиоматической системы Ξ , которые являются моделями для Ξ . С помощью этих моделей доказывается, что обсуждаемая формальная теория знания логически непротиворечива.

Ключевые понятия:

формальная-аксиоматическая-теория; эпистемология; интерпретация; модель; непротиворечивость.

1. Introduction

A definition of the theory Ξ may be found in [15, 19–21]. During the oral presentation and discussion of Ξ at the World Congress on Universal Logic in Vichy, France, 2018, the logic consistency of Ξ was questioned. Moreover, some colleagues expressed the hypothesis that Ξ is inconsistent. Therefore, as in relation to philosophical epistemology, Ξ is a nontrivial novelty worthy of further development and systematical investigation, I have studied the consistency problem and submit results of the study below in this paper.

2. Definition of Ξ

For constructing a rigorous proof of logic consistency of the formal axiomatic epistemology theory Ξ it is indispensable to have a precise definition of that theory.

Therefore, the present paragraph 2 of this paper is aimed at making the reader acquainted with the rigorous formulation of Ξ which can be found, for instance, in [19–21]. According to the definition given in these papers, the logically formalized axiomatic epistemology system Ξ contains all symbols, expressions, formulae, axioms, and inference-rules of the classical propositional logic. Symbols q, p, d, \dots (called propositional letters) are *elementary* formulae of Ξ . Symbols $\alpha, \beta, \omega, \pi, \dots$ (belonging to meta-language) stand for any formulae of Ξ . In general, the notion “formulae of Ξ ” is defined as follows.

- 1) All propositional letters q, p, d, \dots are formulae of Ξ .
- 2) If α and β are formulae of Ξ , then all such expressions of the object-language of Ξ , which possess logic forms $\neg\alpha, (\alpha \rightarrow \beta), (\alpha \leftrightarrow \beta), (\alpha \& \beta), (\alpha \vee \beta)$, are formulae of Ξ as well.
- 3) If α is a formula of Ξ , then $\Psi\alpha$ is a formula of Ξ as well.
- 4) Successions of symbols (belonging to the alphabet of the object-language of Ξ) are formulae of Ξ , only if this is so owing to the above-given items (1) – (3) of the present definition.

The symbol Ψ belonging to meta-language stands for any element of the set of modalities $\{\square, \mathbf{K}, \mathbf{A}, \mathbf{E}, \mathbf{S}, \mathbf{T}, \mathbf{F}, \mathbf{P}, \mathbf{Z}, \mathbf{G}, \mathbf{O}, \mathbf{B}, \mathbf{U}, \mathbf{Y}\}$. Symbol \square stands for the alethic modality “necessary”. Symbols $\mathbf{K}, \mathbf{A}, \mathbf{E}, \mathbf{S}, \mathbf{T}, \mathbf{F}, \mathbf{P}, \mathbf{Z}$, respectively, stand for modalities “agent knows that...”, “agent *a-priori* knows that...”, “agent *a-posteriori* knows that...”, “under some conditions in some space-and-time a person (immediately or by means of some tools) *sensually perceives* (has *sensual verification*) that...”, “it is *true* that...”, “agent *believes* that...”, “it is *provable* that...”, “there is an *algorithm* (a machine could be constructed) *for deciding* that...”.

Symbols $\mathbf{G}, \mathbf{O}, \mathbf{B}, \mathbf{U}, \mathbf{Y}$, respectively, stand for modalities “it is (*morally*) *good* that...”, “it is *obligatory* that...”, “it is *beautiful* that...”, “it is *useful* that...”, “it is *pleasant* that...”. Meanings of the mentioned symbols are defined by the following schemes of own-axioms of epistemology system Ξ which axioms are added to the axioms of classical propositional logic. Schemes of axioms and inference rules of the classical propositional logic are applicable to all formulae of Ξ (including the additional ones).

Axiom scheme AX-1: $\mathbf{A}\alpha \rightarrow (\square\beta \rightarrow \beta)$.

Axiom scheme AX-2: $\mathbf{A}\alpha \rightarrow (\square(\alpha \rightarrow \beta) \rightarrow (\square\alpha \rightarrow \square\beta))$.

Axiom scheme AX-3: $\mathbf{A}\alpha \leftrightarrow (\mathbf{K}\alpha \& (\square\alpha \& \square\neg\mathbf{S}\alpha \& \square(\beta \leftrightarrow \mathbf{\Omega}\beta)))$.

Axiom scheme AX-4: $\mathbf{E}\alpha \leftrightarrow (\mathbf{K}\alpha \& (\neg\square\alpha \vee \neg\square\neg\mathbf{S}\alpha \vee \neg\square(\beta \leftrightarrow \mathbf{\Omega}\beta)))$.

In AX-3 and AX-4, the symbol $\mathbf{\Omega}$ (belonging to the meta-language) stands for any element of the set $\mathfrak{R} = \{\square, \mathbf{K}, \mathbf{T}, \mathbf{F}, \mathbf{P}, \mathbf{Z}, \mathbf{G}, \mathbf{O}, \mathbf{B}, \mathbf{U}, \mathbf{Y}\}$. Let elements of \mathfrak{R} be called “*perfection-modalities*” or simply “*perfections*”.

3. Models of/for Ξ

Above the axioms of Ξ were defined by the axiom-schemes. Now first of all it is relevant to depart from the meta-language to the object-language, i. e. to move from the above axiom-schemes to the following axioms, respectively.

Axiom AX-1*: $\mathbf{A}q \rightarrow (\square p \rightarrow p)$.

Axiom AX-2*: $\mathbf{A}q \rightarrow (\square(q \rightarrow p) \rightarrow (\square q \rightarrow \square p))$.

Axiom AX-3*: $\mathbf{A}q \leftrightarrow (\mathbf{K}q \& (\square q \& \square\neg\mathbf{S}q \& \square(p \leftrightarrow \square p)))$.

Axiom AX-4*: $\mathbf{Eq} \leftrightarrow (\mathbf{Kq} \ \& \ (\neg\Box\mathbf{q} \vee \neg\Box\neg\mathbf{Sq} \vee \neg\Box(\mathbf{p} \leftrightarrow \Box\mathbf{p})))$.

These axioms are obtained from the corresponding axiom-schemes by substituting: propositional letter \mathbf{q} for \mathbf{a} ; propositional letter \mathbf{p} for $\mathbf{\beta}$; \Box for $\mathbf{\Omega}$. In this paper such interpretations of/for $\mathbf{\Xi}$ are considered in which all the axioms of $\mathbf{\Xi}$ are true. Now everything is prepared for defining and discussing interpretation-functions to be used for the demonstration of consistency.

Let \oplus stand for an element of the set of classical binary connectives $\{\rightarrow, \leftrightarrow, \&, \vee\}$. Let $@$ stand for an element of the set of below-considered interpretation-functions $\{\forall, \nabla, \epsilon, \text{\textcircled{€}}\}$. It is a *common* aspect of the below-given definitions of the interpretation-functions under consideration in this paper that, for any $@$, \oplus , ω , and π , it is true that:

- 1) $@\neg\omega = \neg@ \omega$;
- 2) $@(\omega \oplus \pi) = (@\omega \oplus @\pi)$.

Now let us move to *specific* aspects of the interpretation-function-definitions under review in this paper.

3.1. Interpretation \forall

- 3) $\forall\mathbf{q} = \text{true}$.
- 4) $\forall\mathbf{p} = \text{true}$.
- 5) $\forall\mathbf{Aq} = \text{true}$.
- 6) $\forall\mathbf{Kq} = \text{true}$.
- 7) $\forall\mathbf{Eq} = \text{false}$.
- 8) $\forall\mathbf{Sq} = \text{false}$.

9) For any ω , $\forall\Box\omega = \text{true}$: *everything is necessary*; this is an expression of such an extremely rationalistic a-priori-ism philosophy which can be extracted from writings of Spinoza [28] and Leibniz [11–14].

In the interpretation \forall , all the axioms of $\mathbf{\Xi}$ are true, consequently, $\mathbf{\Xi}$ has a model, hence $\mathbf{\Xi}$ is consistent.

3.2. Interpretation ∇

- 3) $\nabla\mathbf{q} = \text{true}$.
- 4) $\nabla\mathbf{p} = \text{true}$.
- 5) $\nabla\mathbf{Aq} = \text{false}$.
- 6) $\nabla\mathbf{Kq} = \text{true}$.
- 7) $\nabla\mathbf{Eq} = \text{true}$.
- 8) $\nabla\mathbf{Sq} = \text{true}$.

9) For any ω , $\nabla\Box\omega = \text{false}$: *nothing is necessary*; this is an expression of such an extreme sensualism-and-empiricism philosophy which can be extracted from writings of Locke [22], Hume [7, 8], Berkeley [5], Mach [23, 24], Popper [26, 27], and Wittgenstein [29].

In the interpretation ∇ all the axioms of $\mathbf{\Xi}$ are true, consequently, $\mathbf{\Xi}$ has a model, hence $\mathbf{\Xi}$ is consistent.

3.3. Interpretation ϵ

- 3) $\epsilon\mathbf{q} = \text{true}$.

- 4) $\epsilon p = \text{true}$.
- 5) $\epsilon Aq = \epsilon q$.
- 6) $\epsilon Kq = \epsilon q$.
- 7) $\epsilon Eq = \epsilon \neg q$.
- 8) $\epsilon Sq = \epsilon \neg q$.
- 9) For any ω , $\epsilon \Box \omega = \epsilon \omega$.

In the interpretation ϵ , all the axioms of Ξ are true, consequently, Ξ has a model, hence Ξ is consistent.

3.4. Interpretation ξ

- 3) $\xi q = \text{true}$.
- 4) $\xi p = \text{true}$.
- 5) $\xi Aq = \xi \neg q$.
- 6) $\xi Kq = \xi q$.
- 7) $\xi Eq = \xi q$.
- 8) $\xi Sq = \xi q$.
- 9) For any ω , $\xi \Box \omega = \xi \neg \omega$.

In the interpretation ξ , all the axioms of Ξ are true, consequently, Ξ has a model, hence Ξ is consistent.

4. Formal proofs of philosophically interesting theorems in Ξ

Strictly speaking, here I mean not proofs of theorems but schemes of proofs of schemes of theorems. They are the following.

4.1. Theorem-scheme ($A\alpha \rightarrow (O\alpha \leftrightarrow G\alpha)$)

Its formal proof (or, strictly speaking, scheme of proofs) in Ξ is the following succession of formulae-schemes.

- 1) $A\alpha \leftrightarrow (K\alpha \ \& \ (\Box\alpha \ \& \ \Box\neg S\alpha \ \& \ \Box(\beta \leftrightarrow \Omega\beta))$: axiom scheme AX-3.
 - 2) $A\alpha$: assumption.
 - 3) $K\alpha \ \& \ \Box\alpha \ \& \ \Box\neg\neg S\alpha \ \& \ \Box(\beta \leftrightarrow \Omega\beta)$: from 1 and 2 by propositional logic.
 - 4) $\Box(\beta \leftrightarrow \Omega\beta)$: from 3 by the rule of $\&$ -elimination.
 - 5) $(\beta \leftrightarrow \Omega\beta)$: from 4 by the (limited) rule of \Box -elimination.
 - 6) $(\beta \leftrightarrow G\beta)$: from 5 by substituting G for Ω .
 - 7) $(\beta \leftrightarrow O\beta)$: from 5 by substituting O for Ω .
 - 8) $(O\beta \leftrightarrow \beta)$: from 7 by commutativity of \leftrightarrow .
 - 9) $(O\beta \leftrightarrow G\beta)$: from 8 and 6 by transitivity of \leftrightarrow .
 - 10) $A\alpha \mid - (O\beta \leftrightarrow G\beta)$: by 1-9.
 - 11) $A\alpha \mid - (O\alpha \leftrightarrow G\alpha)$: from 10 by substituting α for β .
 - 12) $\mid - (A\alpha \rightarrow (O\alpha \leftrightarrow G\alpha))$: from 11 by the rule of introduction of \rightarrow .
- Here you are.

4.2. Theorem-scheme ($A\alpha \rightarrow (O\alpha \leftrightarrow \Box\alpha)$)

Its formal-proof-scheme is the following succession.

- 1) $A\alpha \leftrightarrow (K\alpha \& (\Box\alpha \& \Box\neg Sa \& \Box(\beta \leftrightarrow \Omega\beta)))$: axiom scheme AX-3.
- 2) $A\alpha$: assumption.
- 3) $K\alpha \& \Box\alpha \& \Box\neg Sa \& \Box(\beta \leftrightarrow \Omega\beta)$: from 1 and 2 by propositional logic.
- 4) $\Box(\beta \leftrightarrow \Omega\beta)$: from 3 by the rule of $\&$ -elimination.
- 5) $(\beta \leftrightarrow \Omega\beta)$: from 4 by the (limited) rule of \Box -elimination.
- 6) $(\beta \leftrightarrow \Box\beta)$: from 5 by substituting \Box for Ω .
- 7) $(\beta \leftrightarrow O\beta)$: from 5 by substituting O for Ω .
- 8) $(O\beta \leftrightarrow \beta)$: from 7 by commutativity of \leftrightarrow .
- 9) $(O\beta \leftrightarrow \Box\beta)$: from 8 and 6 by transitivity of \leftrightarrow .
- 10) $A\alpha \mid - (O\beta \leftrightarrow \Box\beta)$: by 1–9.
- 11) $A\alpha \mid - (O\alpha \leftrightarrow \Box\alpha)$: from 10 by substituting α for β .
- 12) $\mid - (A\alpha \rightarrow (O\alpha \leftrightarrow \Box\alpha))$: from 11 by the rule of introduction of \rightarrow .

Here you are.

Obviously, the above-given schemes of proofs are analogous; they are generalized by the following scheme of proofs of scheme of theorems in Ξ .

4.3. Theorem-scheme ($A\alpha \rightarrow (\Sigma\alpha \leftrightarrow \Omega\alpha)$)

For any Σ and Ω , it is provable in Ξ that $(A\alpha \rightarrow (\Sigma\alpha \leftrightarrow \Omega\alpha))$, where the symbols Σ and Ω (belonging to the meta-language) stand for any elements of the set $\mathfrak{R} = \{\Box, K, T, F, P, Z, G, O, B, U, Y\}$. (Elements of \mathfrak{R} are called *perfection-modalities*.) The following succession of schemes of formulae is a scheme of proofs of/for $(A\alpha \rightarrow (\Sigma\alpha \leftrightarrow \Omega\alpha))$ in Ξ .

- 1) $A\alpha \leftrightarrow (K\alpha \& (\Box\alpha \& \Box\neg Sa \& \Box(\beta \leftrightarrow \Omega\beta)))$: axiom scheme AX-3.
- 2) $A\alpha \rightarrow (K\alpha \& (\Box\alpha \& \Box\neg Sa \& \Box(\beta \leftrightarrow \Omega\beta)))$: from 1 by the rule of elimination of \leftrightarrow .
- 3) $A\alpha$: assumption.
- 4) $(K\alpha \& (\Box\alpha \& \Box\neg Sa \& \Box(\beta \leftrightarrow \Omega\beta)))$: from 2 and 3 by *modus ponens*.
- 5) $\Box(\beta \leftrightarrow \Omega\beta)$: from 4 by the rule of elimination of $\&$.
- 6) $(\beta \leftrightarrow \Omega\beta)$: from 5 by the rule of elimination of \Box .
- 7) $(\alpha \leftrightarrow \Sigma\alpha)$: from 6 by substituting $(\alpha$ for β , and Σ for $\Omega)$.
- 8) $(\alpha \leftrightarrow \Omega\alpha)$: from 6 by substituting $(\alpha$ for $\beta)$.
- 9) $(\Sigma\alpha \leftrightarrow \alpha)$: from 7 by commutativity of \leftrightarrow .
- 10) $(\Sigma\alpha \leftrightarrow \Omega\alpha)$: from 9 and 8 by transitivity of \leftrightarrow .
- 11) $A\alpha \mid - (\Sigma\alpha \leftrightarrow \Omega\alpha)$: by 1–10.
- 12) $\mid - A\alpha \rightarrow (\Sigma\alpha \leftrightarrow \Omega\alpha)$: from 11 by the rule of introduction of \rightarrow .

From the viewpoint of purely mathematical technique, the proof of $(A\alpha \rightarrow (\Sigma\alpha \leftrightarrow \Omega\alpha))$ is not interesting (too simple). But from the viewpoint of proper philosophy contents, the statement $(A\alpha \rightarrow (\Sigma\alpha \leftrightarrow \Omega\alpha))$ is very interesting and important. Various concrete philosophical interpretations (particular cases) of that statement are well-known as fundamental philosophical principles of the rationalism (a-priori-ism). For example, the following specific philosophical interpretations of the theorem-scheme $(A\alpha \rightarrow (\Sigma\alpha \leftrightarrow \Omega\alpha))$ are worth mentioning.

- a) $A\alpha \rightarrow (G\alpha \leftrightarrow T\alpha)$: the rationalistic principle of *optimism in ethics* by N. Malebranche and G. W. Leibniz.

- b) $Aa \rightarrow (Ta \leftrightarrow Pa)$: the rationalistic principle of *optimism in epistemology* by G.W. Leibniz and D. Hilbert. About modeling this principle see [15; 16; 19].
- c) $Aa \rightarrow (Pa \leftrightarrow Za)$: the rationalistic principle of *mechanistic (algorithmic) optimism in epistemology* by R. Lull (Lullus), G. W. Leibniz, and A.A. Lovelace (Augusta Ada King-Noel, Countess of Lovelace).
- d) $Aa \rightarrow (\Box a \leftrightarrow Ga)$: the rationalistic principle of equivalence between necessary being and (universal) goodness. This principle was expressed by some outstanding creators of Ancient-Roman-Law, for example, Ulpian, and some great theologians, for example, St. Tomas Aquinas [1; 2].
- e) $Ap \rightarrow (Gp \leftrightarrow Bp)$: the principle of *kalokagathia* (Socrates, Xenophon, Plato, Aristotle [2; 3]);
- f) $Ap \rightarrow (Gp \leftrightarrow Up)$: the principle of *utilitarianism* ethics (J. Bentham, J.-St. Mill [25]). About modeling this principle in Ξ , see [17; 19].
- g) $Ap \rightarrow (Gp \leftrightarrow Yp)$: the principle of *hedonism* ethics (Aristippus, Epicurus). Modeling this principle in Ξ is discussed in [17; 19].
- h) $Ap \rightarrow (Bp \leftrightarrow Yp)$: the principle of *hedonism in aesthetics*;
- i) $Ap \rightarrow (Bp \leftrightarrow Up)$: the principle of *beauty of useful* (and *usefulness of beauty*).
- j) $Ap \rightarrow (Tp \leftrightarrow Up)$: the principle of *pragmatism* in theory of truth (J. Dewey [6], W. James [9; 10], C.S. Peirce).
- k) $Ap \rightarrow (Tp \leftrightarrow Bp)$: the principle of *beauty as criterion of truth*. (W. Blake, P.A.M. Dirac).
- l) $Ap \rightarrow (Pp \leftrightarrow Bp)$: the principle of *beauty as criterion of proof* (S.S. Averincev).

4.4. Theorem-scheme ($Aa \rightarrow (\Box a \leftrightarrow \Box \Omega a)$)

In addition to the above-said it is worth mentioning that the following succession of formula-schemes is a scheme of proofs (in Ξ) of the philosophically interesting theorem-scheme ($Aa \rightarrow (\Box a \leftrightarrow \Box \Omega a)$), where Ω takes values from the set \mathfrak{R} .

- 1) $Aa \leftrightarrow (Ka \ \& \ (\Box a \ \& \ \Box \neg Sa \ \& \ \Box(\beta \leftrightarrow \Omega\beta))$: axiom scheme AX-3.
- 2) Aa : assumption.
- 3) $Ka \ \& \ \Box a \ \& \ \Box \neg Sa \ \& \ \Box(\beta \leftrightarrow \Omega\beta)$: from 1 and 2 by propositional logic.
- 4) $\Box(\beta \leftrightarrow \Omega\beta)$: from 3 by the rule of $\&$ -elimination.
- 5) $\Box(a \leftrightarrow \Omega a)$: from 4 by substituting a for β .
- 6) $Aa \rightarrow (\Box(a \leftrightarrow \beta) \rightarrow (\Box a \leftrightarrow \Box\beta))$: theorem scheme.
- 7) $Aa \rightarrow (\Box(a \leftrightarrow \Omega a) \rightarrow (\Box a \leftrightarrow \Box\Omega a))$: from 6 by substituting Ωa for β .
- 8) $\Box(a \leftrightarrow \Omega a) \rightarrow (\Box a \leftrightarrow \Box\Omega a)$: from 7 and 2 by modus ponens.
- 9) $(\Box a \leftrightarrow \Box\Omega a)$: from 8 and 5 by modus ponens.
- 10) $\Box \neg (Aa \rightarrow (\Box a \leftrightarrow \Box\Omega a))$: by the rule of introduction of \rightarrow .

Here you are.

The theorem-scheme ($Aa \rightarrow (\Box a \leftrightarrow \Box \Omega a)$) may be instantiated by the following nontrivial philosophical principles.

- a) $Aa \rightarrow (\Box a \leftrightarrow \Box Ga)$: the natural-law principle of *equivalence of necessary being and necessary positive-moral-value (necessary goodness)*, represented in works of Aristotle, Ulpian, and Aquinas. About this see [18; 19].

b) $\mathbf{Ap} \rightarrow (\Box p \leftrightarrow \Box \mathbf{Op})$: the natural-law principle of *equivalence of necessary being and necessary norm (duty)*, represented in works of Cicero, I. Kant, and H. Kelsen. Of this principle see [18; 19].

From a) and b) it follows logically that $\mathbf{Ap} \rightarrow (\Box \mathbf{Op} \leftrightarrow \Box \mathbf{Ga})$: the principle of equivalence of the normative (deontic) and the evaluative options of formulating the natural-law doctrine [18; 19].

Gödel's necessitation rule does not belong to the set of inference rules of Ξ . Nevertheless, it is easy to demonstrate in Ξ that *under the condition* that \mathbf{Aa} (but *not in general*), the following (limited) inference-rule of *necessitation* is valid: "If $\mathbf{Aa} \mid -\beta$, then $\mathbf{Aa} \mid -\Box\beta$ ". The following inference is a demonstration of this rule.

1. $\mathbf{Aa} \leftrightarrow (\mathbf{Ka} \ \& \ (\Box a \ \& \ \Box \neg \mathbf{Sa} \ \& \ \Box(\beta \leftrightarrow \mathbf{\Omega}\beta))$: axiom scheme AX-3.
2. \mathbf{Aa} : assumption.
3. $\mathbf{Ka} \ \& \ \Box a \ \& \ \Box \neg \mathbf{Sa} \ \& \ \Box(\beta \leftrightarrow \mathbf{\Omega}\beta)$: from 1 and 2 by propositional logic.
4. $\Box(\beta \leftrightarrow \mathbf{\Omega}\beta)$: from 3 by the rule of &-elimination.
5. $(\beta \leftrightarrow \mathbf{\Omega}\beta)$: from 4 by the (limited) rule of \Box -elimination.
6. $\mathbf{Aa} \mid -(\beta \leftrightarrow \mathbf{\Omega}\beta)$: by 1–5.
7. $\mathbf{Aa} \mid -(\beta \leftrightarrow \Box\beta)$: from 6 by substituting \Box for $\mathbf{\Omega}$.
8. $\mathbf{Aa} \mid -\beta$: is given.
9. $\mathbf{Aa} \mid -\Box\beta$: from 7 and 8 by propositional logic.
10. If $\mathbf{Aa} \mid -\beta$ then $\mathbf{Aa} \mid -\Box\beta$: by 1–9.

5. Conclusion

As there is at least one interpretation in which all axioms of Ξ are true (i. e. a model of/for Ξ exists), Ξ is consistent. Moreover, as all axioms of Ξ are true in both "absolutely opposite" interpretations, namely, the rationalism-a-priori-ism and the sensualism-empiricism ones, the two "opposites" are synthesized by Ξ without a logic contradiction.

1. Aquinas, T. "The Summa Theologica. V. I," in: Mortimer J. Adler (Ed.). Great Books of the Western World. V. 17. Aquinas: I. Chicago; London: Encyclopedia Britannica, Inc. 1994. 826 p.

2. Aquinas, T. "The Summa Theologica. V. II," in: Mortimer J. Adler (Ed.). Great Books of the Western World. V. 18: Aquinas II. Chicago; London: Encyclopaedia Britannica, Inc. 1994, 1085 p.

3. Aristotle. "The Works of Aristotle. Vol. I," in: Mortimer J. Adler (Ed.). Great Books of the Western World. Vol. 7. Chicago; London: Encyclopedia Britannica, Inc. 1994. 726 p.

4. Aristotle. "Nicomachean Ethics," in: Mortimer J. Adler (Ed.). Great Books of the Western World. V. 8. Aristotle: II. Chicago; London: Encyclopedia Britannica, Inc. 1994, pp. 339–444.

5. Berkeley, G. "A Treatise Concerning the Principles of Human Knowledge," in: Mortimer J. Adler (Ed.). Great Books of the Western World. V. 33. Chicago; London: Encyclopedia Britannica, Inc. 1994, pp. 413–444.

6. Dewey, J. "Experience and Education," in: Mortimer J. Adler (Ed.). Great Books of the Western World. V. 55. Chicago; London: Encyclopedia Britannica, Inc. 1994, pp. 99–125.

7. Hume, D. "A Treatise of Human Nature being an Attempt to Introduce the Experimental Method of Reasoning into Moral Subjects." Ed. T.H. Green and T.H. Grose. The Philosophical Works of David Hume in Four Volumes. Vol. II. London: Longmans, Green, and Co., 1874, pp. 1–374.

8. Hume, D. "An Enquiry Concerning Human Understanding," in: Mortimer J. Adler (Ed.). Great Books of the Western World. V. 33. Chicago; London: Encyclopedia Britannica, Inc. 1994, pp. 451–509.

9. James, W. "The Princiles of Psychology," in: Mortimer J. Adler (Ed.). Great Books of the Western World. V. 53. Chicago; London: Encyclopedia Britannica, Inc. 1994, 897 p.

10. James, W. "Pragmatism," in: Mortimer J. Adler (Ed.). Great Books of the Western World. V. 55. Chicago, Auckland, London, Madrid, Manila, Paris, Encyclopedia Britannica, Inc. 1994, pp. 1–64.

11. Leibniz, G.W. *Generales Inquisitiones de Analysi Notionum et Veritatum*, In: Couturat, L. *Opuscules et Fragments Inédits de Leibniz: extraits de la Bibliothèque royale de Hanovre*, Paris: Alcan, 1903. pp. 356–399.

12. Leibniz, G.W. *Theodicy: essays on the goodness of God, the freedom of man, and the origin of evil*. London: Routledge & K. Paul, 1952. 448 p.

13. Leibniz, G.W. "Elementa Juris Naturalis", in: G.W. Leibniz. *Philosophische Schriften*. Erster Band (1663–1672). Berlin: Akademie-Verlag, 1971. S. 431–485.

14. Leibniz, G.W. *New essays on human understanding*. Cambridge [Eng.]; New York: Cambridge University Press, 1981. 402 p.

15. Lobovikov, V.O. "An Axiomatization of Philosophical Epistemology," *Journal of Tomsk State University. Series: Philosophy, Sociology, Political Studies*, 2016. Vol. 36. No 4, pp. 69–78. DOI: 10.17223/1998863X/36/7.

16. Lobovikov, V.O. "Square and Hexagon of Opposition of 'A-Priori Knowledge' and 'Empirical One' (Eliminating an Impression of Logic Contradiction between Leibniz' and Gödel's Statements)," in: Jean-Yves Beziau, Arthur Buchsbaum, and Manuel Correia (Eds.). *Handbook of Abstracts of 5th World Congress on the Square of Opposition (November 11–15, 2016, Easter Island – Rapa Nui, Chile)*. Santiago, Chile: Pontifical Catholic University, Chile, 2016, pp. 33–34.

17. Lobovikov, V.O. "A Formal Deductive Proof of Equivalence of Evaluative Modalities of Moral Goodness, Utility and Pleasure within an Axiomatic System of Epistemology from the Assumption of A-priori-ness of Knowledge (An Axiomatic Definition of the Scope of Relevant Applying G. Moore's Doctrine of the Naturalistic Fallacies in Ethics)," *Journal of Tomsk State University. Series: Philosophy, Sociology, Political Studies*. 2017. Vol. 39. No 3, pp. 30–39. DOI: 10.17223/1998863X/39/4.

18. Lobovikov, V.O. "An Important Problem of Homogeneity of the Natural Law and Solving it by Means of an Axiomatic System of Philosophical Epistemology," In: XXVIII World Congress on the Philosophy of Law and Social Philosophy "Peace Based on Human Rights", (School of Law of the University of Lisboa, July 16 to 21, 2017), Lisboa: Universidade de Lisboa, 2017, pp. 1–11. Retrieved June 14, 2018 from <http://ivr2017lisbon.org/images/Congresso/papers/Vladimir%20Lobovikov%20on%20the%20Natural-Law-Homogeneity%20Problem%20and%20Solving%20It.pdf>.

19. Lobovikov, V.O. "Uniting normal and non-normal modal logics by one axiomatic system of philosophical epistemology," *Scientific Journal "Discourse-P"*,

2017, Vol. 14, No 2, pp. 163–169.

20. Lobovikov, V.O. “Evolutionary epistemology and non-normal modal logic of knowledge,” *Journal of Tomsk State University. Series: Philosophy, Sociology, Political Studies*, 2018. Vol. 41. No. 1, pp. 5–14. DOI: 10.17223/1998863X/41/1.

21. Lobovikov, V.O. “Moving from the Opposition of Normal and Not-Normal Modal Logics to Universal Logic: Synthesizing T, S4, Tr, Verum and Falsum systems by the Square and Hexagon,” In: Jean-Yves Beziau, Arthur Buchsbaum, and Christophe Rey (eds). *Handbook of the 6th World Congress and School on Universal Logic, June 16–26, 2018 Vichy, France: Université Clermont Auvergne*, 2018, pp. 449–450. UNILog’2018 <https://www.uni-log.org/Vichy2018>.

22. Locke, J. “An Essay Concerning Human Understanding,” in: Mortimer J. Adler (Ed.). *Great Books of the Western World. V. 33*. Chicago; London: Encyclopedia Britannica, Inc. 1994, pp. 85–395.

23. Mach, E. *The analysis of sensations, and the relation of the physical to the psychical*. Chicago; London: Open Court, 1914. 408 p.

24. Mach, E. *Measurement and representation of sensations*. Mahwah, N.J.: L. Erlbaum Associates, 2006. 249 p.

25. Mill J.-St. “Utilitarianism,” in: Mortimer J. Adler (Ed.). *Great Books of the Western World. V. 40*. Chicago; London: Encyclopedia Britannica, Inc. 1994, pp. 445–476.

26. Popper, K.R. *Conjectures and refutations: the growth of scientific knowledge*. London; New York: Routledge, 2002. 582 p.

27. Popper, K.R. *The logic of scientific discovery*. London; New York: Routledge, 1992. 479 p.

28. Spinoza, B. “Ethics,” in: Mortimer J. Adler (Ed.). *Great Books of the Western World. V. 28*. Chicago; London: Encyclopedia Britannica, Inc. 1994, pp. 589–697.

29. Wittgenstein, L. *Tractatus logico-philosophicus*. London; New York: Routledge & K. Paul, 1992. 207 p.

UDC 16+17+18+51.7

DOI 10.17506/dipi.2018.31.2.196205

MODELS FOR THE FORMAL AXIOMATIC EPISTEMOLOGY THEORY Ξ

Lobovikov Vladimir Olegovich,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Philosophical Sciences, Full Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: vlobovikov@mail.ru

Annotation

The formal axiomatic theory in question is defined, and the problem of its logic consistency is investigated. For the first time such significantly different interpretations of the axiom system Ξ are submitted which are models of/for Ξ . By means of these models it is demonstrated that the theory in question is consistent.

Key concepts:

formal-axiomatic-theory; epistemology; interpretation; model; consistency.

КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ ЛЮБУТИН 1935–2018

Редколлегия и Редакционный совет Научного журнала «Дискурс-Пи» с прискорбием извещает о том, что не стало Константина Николаевича Любутина – Заслуженного деятеля науки РФ, доктора философских наук, профессора. Мы потеряли Учителя, Ученого, Товарища, Друга.

Константин Николаевич – блестящий организатор науки: один из основателей философского факультета Уральского государственного университета имени А. М. Горького, многолетний декан его, создатель и организатор кафедры истории философии, диссертационного совета по философии, которым он руководил более 20 лет, подготовив около 30 докторов и более 70 кандидатов наук. Он развернул широкую программу философских и, в особенности, – историко-философских исследований на Урале. Он был не только вдохновителем, но и организатором множества начинаний в науке, образовании, просвещении, которые он деятельно воплощал в жизнь.

Лучшие личные качества К. Н. Любутина выразились в его научном творчестве, творчестве его многочисленных учеников. Фундаментальная образованность, невероятная эрудиция и непередаваемое его обаяние всегда влекли к нему молодежь, делали его центром притяжения в среде коллег. Он всегда был открыт для общения и сотрудничества, готов был оказать любую помощь и поддержку, и сколь многие в России и на Урале обязаны ему своими успехами в науке, карьере.

Журнал «Дискурс-Пи», начинавшийся как междисциплинарный научно-практический альманах, воодушевляемый философско-методологическими исканиями, впитал множество творческих импульсов, щедро направлявшихся Константином Николаевичем в научно-образовательную среду. Его искрометный юмор спасал молодые и зрелые умы от казенно-бюрократической словесной трескотни, в которую нередко превращаются философские изыскания.

Светлая и благодарная память о Константине Николаевиче Любутина будет храниться в сердцах его учеников и коллег.

Редколлегия и Редакционный Совет
Научного журнала «Дискурс-Пи»

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

- 1) Статья должна быть направлена в редакцию по электронной почте. Формат файла – документ Microsoft Word 97–2010 (DOC или DOCX) или RTF.
- 2) Первая (титульная) страница должна содержать (на русском и английском языках):
 - название статьи;
 - фамилию, имя, отчество (полностью) каждого автора с указанием организации, должности, ученой степени и звания, города (места расположения) организации;
 - контактный e-mail для публикации в свободном доступе для общения читателей с авторами;
 - аннотацию (до 900 печатных знаков);
 - ключевые понятия.
- 3) Статья должна быть классифицирована – иметь УДК (указывается в левом верхнем углу над названием статьи).
- 4) Статья должна быть написана грамотным русским языком.
- 5) Объем статьи не должен превышать 20 000 знаков без учета пробелов (включая таблицы, библиографию, подрисовочные подписи, сноски). Межстрочный интервал – одинарный. Размер страниц – 210×297 мм (формат А4). Поля страниц со всех сторон – 20 мм.
- 6) Название статьи выравнивается по центру страницы и оформляется полужирным шрифтом; только первая буква в названии статьи прописная, остальные – строчные.
- 7) Текст статьи оформляется строчными буквами, без добавления переносов слов. Шрифт – Times New Roman Cyr, 14 кегль (в том числе для названия). Абзацный отступ – 1,25 см (должен быть выполнен с помощью соответствующей компьютерной программы, без использования пробелов или табуляции). Выравнивание текста – по ширине.
- 8) В тексте шрифтовые выделения должны выполняться светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки должны быть оформлены полужирным шрифтом.
- 9) Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) должны быть предоставлены отдельно от статьи. Каждая иллюстрация должна иметь порядковый номер. Электронный вариант каждой иллюстрации с подрисовочными подписями предоставляется в отдельном файле. Допустимыми являются форматы TIFF, BMP, PNG, JPEG. Минимальный размер изображения – 600 пикселей по наименьшей из сторон.
- 10) Цифровые данные должны оформляться в таблицы. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения.
- 11) Библиография должна быть приведена в конце статьи и оформлена в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Для нормативных актов указывается начальная и последняя редакция. Библиографические записи должны иметь сквозную нумерацию и следовать в алфавитном порядке. В тексте статьи ссылки на библиографические записи оформляются в квадратных скобках (например, [7], [10, с. 81], [8; 9]). За точность библиографии несет ответственность автор.
- 12) Статьи, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются. Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трех месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии. Рукописи не возвращаются.
- 13) Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».
- 14) Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в научном журнале «Дискурс-Пи» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

Requirements to the Articles Submitted For Publication in the Scientific Journal «Discourse-P»

- 1) The article should be sent to the editorial office by e-mail. The file format is a Microsoft Word 97-2010 document (DOC or DOCX) or RTF.
- 2) The first (title) page should contain (in Russian and in English):
 - the article title;
 - surname, name, patronymic (in full) of each author, place of work, position, academic degree and title, city (location) of organization;
 - e-mail for publication in free access for communication between readers and authors;
 - abstract (up to 900 characters);
 - key concepts.
- 3) The article should be classified - have UDC (Universal Decimal Classification) placed in the upper left corner above the title of the article.
- 4) The article should be written in the Russian language.
- 5) The volume of the article should not exceed 20,000 characters without spaces (including tables, bibliography, captions, footnotes). Line spacing is single. The size of the pages is 210 × 297 mm (A4 format). The margins of the pages from all sides are 20 mm.
- 6) The title of the article is aligned to the center of the page and is bolded; Only the first letter in the title of the article is uppercase, the rest are lowercase.
- 7) The text of the article is written in lower case letters, without adding word wraps. Font - Times New Roman Cyr, 14 size (including for the title). Paragraph indentation - 1.25 cm (must be performed by means of the corresponding computer program, without using spaces or tabs). Align text - Width.
- 8) In the text, font selections should be made in light italics. Headings and subtitles should be in bold.
- 9) Illustrative materials (drawings, figures, graphs, charts, diagrams) should be provided separately from the article. Each illustration should be numbered. An electronic version of each illustration with captions is provided in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPEG. The minimum image size is 600 pixels on the smallest side.
- 10) Numerical data should be formatted in tables. Each table must have a sequence number and name. The numbering of the tables is continuous. Abbreviations in the tables are not allowed, except for the unit names.
- 11) References should be given at the end of the article and be done according to GOST 7.0.5-2008 «Bibliography reference. General requirements and rules». For legal acts, the initial and last revision is specified. Bibliographic records should be numbered continuously and be alphabetized. In the text of the article references to bibliographic records are made in square brackets (e.g., [7], [10, p. 81], [8; 9]). The accuracy of the bibliography is the responsibility of the author.
- 12) Articles that do not conform with the present requirements are not accepted for review and editing. The decision to publish the materials sent to the journal is taken within three months from the date of registration of the typescript in the editorial office. The articles are subject to review by the members of the editorial board. Manuscripts are not returned to the authors.
- 13) Articles are tested in the «Anti-plagiarism» system.
- 14) By presenting the typescript of the article to the editorial, the author undertakes not to publish the article without the editorial consent fully or in part in any other media prior to publication in the scientific journal «Discourse-P».

DISCOURSE-P
ДИСКУРС